

1.

Весна

Пока отсыпался Юрий Андреевич, весна, как повелось издавна, заново расплавляла и перетапливала всю ту неподъемную массу снега, что выпала в Москве в день отъезда и продолжала падать всю дорогу; весь тот снег, который они в продолжение суток рыли и раскапывали в Усть-Немде и который совершенно невообразимыми и толстыми пластами лежал на тысячеверстных пространствах, должен был превратиться в потоки воды.

Первое время снег подтаивал изнутри, исподволь, потихоньку, как будто скрываясь от невидимого врага. Когда же половина богатырских трудов была сделана, их стало невозможно более скрывать, вследствие чего никем не понятое чудо враз вышло наружу. Из-под сдвинувшейся набок снеговой пелены стремительно выбежала вода и зашумела наподобие гигантского поезда. Непроходимые лесные тущобы вскорости встрепенулись как-то поновому. Все в них мало-помалу пробудилось.

Воде было где разгуляться. Она летела вниз молниеносно, с какой-то сверхъестественной силой, прудила пруды, разливалась вширь. Скоро темно-зеленая чаща, устланная ковриками еще не растаявшего снега, сплошь наполнилась ее яростным гулом, дымом и чадом. По лесу в течение целого дня, не останавливаясь ни на секунду, фантастическими серебряными змеями расплзались потоки, увязали и грузили в снегу, теснившем их беспорядочное движение, с шипением текли по располагающимся поодаль равнинам и, обрываясь вниз, с разбегу рассыпались водяной пылью. Обновленная земля влаги уже больше не принимала. Ее с головокружительных высот, почти с облаков пили своими корнями вековые ели, у подошв которых сбивалась в клубы обсыхающая бело-бурая пена.

Весна ударила хмелем в голову неба, оно мутилось точь-в-точь как от угара, покрываясь свинцовыми облаками. Над лесом плыли стаи туч с отвисающими краями, через которые скачками низвергались теплые, землей и долгожданной весной пахнувшие ливни, напрочь смывавшие с утомленной земли последние куски пробитой черной ледяной брони.

Юрий Андреевич проснулся, подтянулся к квадратному оконному люку, из которого вынули раму, подперся локтем и стал слушать шорох и шепот рождающейся весны.

287 слов

По Б. Пастернаку

2.

В поезде

На заре вдруг все совершенно неузнаваемо изменилось: местность, погода, настроение. Песчаная равнина кончилась, тотчас же вперемежку пошли неровные холмы и еще не кошенные поля, дорога расстилалась между гор наподобие извивающейся змеи. В одночасье прекратился насквозь пронизывающий северо-западный ветер, беспрестанно дувший в течение последнего времени. С юга, как будто из настезь открытой печки, потянуло теплом и как будто пригарью.

Здесь леса росли будто вперегонки, уступами по горным склонам. Когда железнодорожное полотно их пересекало, поезду сначала приходилось брать чересчур большой подъем, сменявшийся с середины отлогим спуском. Поезд с кряхтением вползал в чащобу и мало-помалу тащился по ней, точно это был старый-престарый лесник в непромокаемых сапогах, который пешком вел за собой толпу шедших бок о бок пассажиров, ко всему присматривающихся и все замечающих.

Однако смотреть еще было не на что. В глубине леса царил преисполненный величия покой, как зимой. Лишь изредка некоторые кусты и деревья с шорохом высвобождали нижние сучья из постепенно оседавшего снега, и тогда казалось, будто кто-то вот-вот выскочит из чащобы.

С приближением к горнозаводскому краю местность стала населеннее, перегоны короче, станции чаще. Больше народу садилось и выходило на небольших промежуточных остановках. Люди, совершавшие переезды на более короткие расстояния, не обосновывались надолго и не заваливались спать, а наспех пристраивались ночью где-нибудь у дверей, толковали между собой вполголоса о местных, никому не понятных делах и высаживались на следующем разъезде или полустанке.

Перед отверстием окна раскинулась выровненная местность, повесенному залянутая разливом, точно картина, написанная никому не известным художником. Где-то неподалеку вышла из берегов река, и вода ее бокового рукава потихоньку подступила вплотную к насыпи. В укорочении, получившемся при взгляде с головокружительной высоты, казалось, что плавно идущий поезд скользит по воде наподобие сверхъестественного, фантастического корабля.

Серебряная гладь воды в очень немногих местах была подернута железистой синевою. По остальной поверхности жаркое утро гоняло зеркальные маслянистые блики, как мажет стряпуха перышком, смоченным в масле, корочку обжигającego руки пирога.

В этой заводии, казавшейся абсолютно безбрежной, как будто устланной свинцовым пологом, вместе с лугами, ямами и кустами были утоплены столбы белых облаков, сваями уходившие вглубь.

Где-то посередине виднелась узкая полоска земли с двойными, вверх и вниз между небом и землей висевшими деревьями.

346 слов

По Б.Пастернаку

3.

Водопад

Кончалась северная белая ночь, и полнеба осветилось прямыми лучами еще не проснувшегося солнца. Все было отчетливо видно, но стояло, как будто не веря себе, словно придуманное: незнакомая мне гора, рощицы, издалека казавшиеся миниатюрными, и на редкость крутой обрыв.

Рощица едва-едва зазеленела. В ней цвело несколько кустов черемухи. Деревья росли под отвесом горы, на неширокой, тоже обрывавшейся поодаль площадке.

Невдалеке равномерно и властно шумел водопад. Он был виден не отовсюду, а только по ту сторону рощ, с края обрыва. Вася устал ходить туда глядеть на никем непобедимый водопад, чтобы испытывать одновременно ужас и восхищение.

Водопаду не было вокруг ничего равного, ничего под пару. Жуткий в своем великолепии, в неповторимости, превращавшей его в нечто одаренное жизнью и сознанием, в гигантского сказочного дракона или змея-полоза этих мест, собиравшего с них дань и напрочь опустошавшего окрестность, он был поистине страшен.

В полувысоте падения водопад обрушивался на выдававшийся зубец утеса и посередине раздваивался. Верхний столб воды почти не двигался, а в двух нижних ни на минуту не прекращалось еле-еле уловимое движение из стороны в сторону, точно водопад все время поскользывался, выпрямлялся и, сколько ни пошатывался, все время оставался на ногах.

Вася, подстлав кожаных, лежал на опушке рощи, предаваясь мечтаниям о счастье под аккомпанемент водопада. Когда рассвет стал заметнее, с горы слетела вниз большая, тяжелокрылая птица, плавным полукругом облетела рощу и села на вершину пихты невдалеке от места, где лежал Вася. Он поднял голову и зачарованно посмотрел на синее горло и серо-голубую грудь сизоворонки.

Далеко впереди равнина упиралась в поперечную, аккуратной грядой поднимавшуюся возвышенность. Она стеною, под которой можно было предположить овраг или реку, стояла поперек дороги. Точь-в-точь небо было обнесено там оградой, к воротам которой напрямик подводил проселок.

Природа была удивительно прелестна! Каждую минуту здесь впереводку свистели иволги, и как будто влажный, словно из дудки извлеченный звук до конца пропитал окрестность. Стоячий, заблудившийся в воздухе аромат цветов неподвижно был пригвожден к роскошному лугу.

Вася пошел к оврагу и стал потихоньку спускаться. Он выбрался из редкого и чистого леса, сплошь покрывавшего верх оврага, в ольшаник, выстилавший его дно.

Здесь была сырая тьма, бурелом, было мало цветов, и членистые стебли хвоща были похожи на жезлы и посохи с египетским орнаментом, как в его иллюстрированном священном писании.

360 слов

По Б. Пастернаку.

4. Весеннее пробуждение

Нестерпимо скрипя всем корпусом, вагоны мало-помалу шли в гору по чересчур высокой насыпи. Под ней рос молодой мешаный лес, вершинами не достигавший ее уровня. Внизу расстилались луга, на которых совсем недавно были аккуратно постланы светло-серые коврики еще не растаявшего снега. Дикорастущие травы, перемешанные с песком, были покрыты шпальными бревнами, врассыпную лежавшими в разных направлениях. Вероятно, их заготовили для сплава на какой-нибудь ближней делянке, и оттуда их смыло и принесло сюда водой.

Молодой лес под насыпью по-зимнему был еще не одет. Только в почках, которыми он был сплошь закапан чем-то наподобие воска, ощущался какой-то непорядок, и этим лишним, этим непорядком была жизнь, светло-зеленым пламенем листвы вскорости охватившая первые распутившиеся в лесу деревья.

Там и сям виднелись беломраморные березы, вразнобой пронзенные зубчиками и стрелами парных раскрывшихся листиков. Чем они пахли, можно было тотчас же определить на глаз. Они пахли тем же, чем блистали. Они пахли древесными спиртами, на которых варят лаки.

Станция располагалась неподалеку от березовой рощицы. Птичий свист, ни на минуту не прекращавшийся в роще, абсолютно соответствовал ее свежести. Неприкрыто чистые, как неведение, полные жизни звуки раздавались поочередно то тут, то там, в течение целого дня пронизывая пол-леса. Рощу посередине прорезали две дороги, железная и проселочная, и она одинаково завешивала обе своими разлетающимися, книзу клонящимися ветвями наподобие концов широких, до полу ниспадающих рукавов.

Кое-где одинокими пучками с кистями цветений на концах росли деревенистые стебли лебеды, чертополоха, иван-чая, приклоненного несильным ветерком к земле. Озаряемые снизу, с земли, лучами заката, они прозрачно выростали в очертаниях наподобие редко расставленных в поле для дозора неподвижных сторожевых.

Роща кончилась. Поезд стремительно выскочил из древесного царства на волю. Отлогая поляна широким бугром уходила вдаль. Вся она была точь-в-точь как напоказ покрыта выровненными грядами темно-зеленой картошки. На вершине поляны, в конце картофельного поля, лежали на земле стеклянные рамы, накануне приготовленные для парников. Напротив поляны, за хвостом идущего поезда, в полнеба стояла огромная иссиня-лиловая туча. Из-под нее наискось выбивались нестерпимо яркие лучи солнца, вперегонки расходясь сверкающим полукругом во все стороны, и по пути задевали за парниковые рамы, зажигая их стекла ослепляющим блеском.

336 слов

По Б. Пастернаку

5. Об искусстве

Беспреданно перечитываем «Евгения Онегина».

Мысль моя издавна была сосредоточена на том, что искусство не название разряда или области, обнимающей совершенно необозримое множество понятий и разветвляющихся явлений, но, наоборот, нечто узкое и исстари сосредоточенное, обозначение начала, входящего в состав художественного произведения, название примененной в нем силы или разработанной истины. И мне искусство никогда не казалось предметом или стороной формы, но поистине таинственной, даже какой-то сверхъестественной и скрытой частью содержания. Мне это ясно как день, я это чувствую, и мне невтерпеж выразить и сформулировать эту мысль. Ничто иное не занимает меня так сильно сейчас.

Произведения, безусловно, говорят многим: темами, положениями, сюжетами, героями. Но больше всего они так говорят присутствием содержащегося в них искусства. Присутствие искусства на страницах «Преступления и наказания» потрясает невообразимо сильнее, чем преступление Раскольникова.

Первобытное, египетское, греческое, наше искусство – это, наверное, на протяжении многих тысячелетий одно и то же, ничем не заменимое, в единственном числе остающееся искусство. Это какая-то мысль, преисполненная великолепия и красоты, какое-то никем еще не познанное утверждение о жизни, по всеохватывающей своей широте на отдельные слова никак не делимое, и когда миниатюрная частица этой силы входит в состав какой-нибудь более сложной смеси, то примесь искусства вдвое перевешивает значение всего переходящего и оказывается попросту сутью, душой и основой изображенного.

Фантастично прекрасно даже рядовое, незаметное на первый взгляд, когда его невзначай коснется рука гения. Лучший урок в этом отношении не кто иной, как Пушкин. Какое славословие честному труду, благородству души, долгу, обычаям повседневности!

Я не случайно больше всего люблю русскую детскость Пушкина и Чехова, их застенчивую неозабоченность насчет таких громких вещей, как конечные цели человечества и их собственное спасение. Во всем этом великолепно разбирались и они, но куда им было до таких нескромностей, – не к чему и не по чину! Гоголь, Толстой, Достоевский исподволь готовились к смерти, беспокоились, искали смысла, втихомолку подводили итоги, а эти до конца были отвлечены текущими частностями артистического призвания, и за их чередованием почти незаметно прожили жизнь, как такую же никого не касающуюся частность, и теперь эта частность оказывается общим делом;

наподобие снятых с дерева дозревающих яблок она сама дозревает в преемственности, всю наливаясь все большей сладостью и смыслом.

346 слов

По Б. Пастернаку

6. Размышления в пути

В свежевыкрашенном поезде в купе второго класса ехал вместе со своим отцом-инженером гимназист Миша. Он не был балованным ребенком, но привык к постоянной любви и пониманию его детских проблем и сейчас исподтишка поглядывал на отца. Отец переезжал на службу в Москву, и мальчик переводился в московскую гимназию. Они третий день находились в поезде и ехали навстречу неизвестности.

Мимо в облаках горячей пыли, выбеленная солнцем точь-в-точь как известью, летела Россия, поочередно мелькали то темно-зеленые верхушки рощ, то необъятные луга, то еще не кошенные поля, то малознакомые города и сёла. По дорогам потихоньку тянулись обозы, вперевалку сворачивая с дороги к переездам, и с бешено несущегося поезда казалось, что возы стоят не двигаясь. На больших остановках пассажиры вперегонки бросались в буфет, и еще не уставшее солнце из-за деревьев станционного сада освещало их ноги, беспорядочно, хаотично движущиеся; косые лучи гигантского светила пробирались даже под колеса вагонов.

Все движения в отдельности были как будто рассчитаны, а в общей сложности, казалось, безотчетно плыли общим потоком жизни, который ненадолго объединял их. Люди беспрестанно трудились и хлопотали, наперерыв приводимые в движение общим механизмом собственных забот. Но механизмы, конечно, не действовали бы, если бы главным их регулятором не было чувство высшей и краеугольной беззаботности. Эту беззаботность придавало никому не понятное ощущение связности человеческих существований, абсолютная уверенность в их переходе одного в другое; в добавление ко всему было чувство счастья по поводу того, что все происходящее совершается не только на земле, а есть в чем-то другом, в том, что одни вполголоса называют царством Божиим, а другие историей, а третьи еще как-нибудь.

Из этого правила веснушчатый мальчик-гимназист был горьким и тяжелым исключением. Его конечной пружиной оставалось непонятное ему чувство озабоченности, которое в продолжение всего детства кажется совершенно неестественным. Он знал за собой эту унаследованную черту и с мнительной настороженностью ловил в себе ее признаки, никому не заметные, подобные какому-то предзнаменованию, во что бы то ни стало стараясь втайне избавиться от нее. Конечно, она расстраивала его, но он надеялся-таки, что все это преходяще.

Издавна он не переставал удивляться, как это при одинаковости рук и ног и общности языка и привычек можно быть не тем, что все, и притом чем-то таким, что нравится немногим и чего не любят? Когда мальчонка обращался за ответом к отцу, тот говорил, что его исходные точки совершенно нелепы и

так рассуждать нельзя, но не предлагал взамен ничего такого, что привлекло бы Мишу глубиной смысла и обязало бы его молча склониться перед неотвратимым.

432 слова

По Б. Пастернаку

7. Лунная ночь

Ночь была полна тихих, чересчур таинственных, немного жутких звуков, казавшихся сверхъестественными. Рядом в коридоре в течение долгого времени капала вода из ручкомойника, мерно, с отяжкой. Где-то за окном слышался едва уловимый шепот, похожий на шорох. Где-то, где начинались огороды, вразнобой поливали огурцы на грядках, переливая воду из ведра в ведро, и подолгу гремели цепями, набирая воду из колодца.

Пахло всеми цветами на свете сразу, как будто земля в продолжение дня лежала без памяти, а теперь этими ароматами мало-помалу приходила в сознание. А из совершенно неухоженного графинино сада, засоренного сучьями валежника так, что он стал почти непроходимым, потихоньку заплывало во весь рост деревьев огромное, как стена колоссального здания, трущобно-пыльное благоуханье старой зацветающей липы.

За вороньими гнездами графинино сада показалась гигантских размеров исчерна-багровая луна, осветившая сразу полнебосклона. Сначала она была похожа на ветряную мельницу, а затем пожелтела наподобие расположенной неподалеку водокачки.

А внизу, под окном, к запаху чудесной ночной красавицы примешивался душистый, как чай с цветком, аромат свежескошенного сена.

Луна уже вовсю царствовала на небе, и ее желтовато-беловатый круг издали казался искусственным. Все сплошь было залито ее густым, как пролитые белила, светом. Озаренная луной ночь была поразительна, как милосердие или дар очевиденья, и вдруг в тишину этой светлой, мерцающей сказки невпопад стали падать мерные, рубленные, непрошенные звуки чьего-то знакомого, как будто только что слышанного голоса.

Гости расходились. Прощаясь, аккуратно отодвинули занавесь, настезь распахнули дверь и очутились на террасе с некрашеным дощатым полом. Показался желтоватый рассвет, мокрое небо в грязных, землисто-гороховых тучах.

В пустом и еще не освещенном переулке некстати слышалось перестукиванье вразнобой капающих с деревьев капель вперемежку с настойчивым чириканьем вымокших воробьев.

Прокатился гром, будто плугом провели борозду через все небо, и все тотчас же стихло. А потом раздались четыре гулких, запоздалых удара наподобие грохота никому не известного механизма, и вновь как ни в чем не бывало наступила тишина.

299 слов

По Б. Пастернаку

8.

Ураган

Шум урагана вплотную сливался с шумом ливня, не прекращавшегося в течение нескольких часов подряд. Дождь то отвесно обрушивался на крыши, то под напором изменившегося ветра наискось двигался вдоль улицы, как бы отвоевывая шаг за шагом своими яростными хлещущими потоками.

Раскаты грома непрерывно следовали один за другим, переходя в одно ровное рокотание наподобие аккомпанемента никому не знакомого музыкального инструмента. При сверкании частых молний показывалась убегающая вглубь улица с нагнувшимися и как будто бесшумными второпях в ту же сторону насквозь вымокшими деревьями.

Гроза мало-помалу слабела, понемногу удалялась. Гром гремел теперь наполовину реже и глуше, издали, и только блеснет изредка молния и осветит полнебосклона. Дождь прекращался временами, а вода с тихим плеском продолжала стекать вниз, образуя мощные ручьи, впадающие в небольшую, но быструю речонку. Бесшумные стоветы молний впереводку западали в комнату, озаряли ее и задерживались в ней лишним миг, словно что-то разыскивая.

Вдруг снова поднялся сильный северо-западный ветер. Над городом, как сумасшедшие, негодуя, стремительно, не останавливаясь ни на секунду, неслись тучи наподобие спасающегося от погони беглеца. Их клочья, черные, как дым вперемешку с копотью, перелетали так низко, что почти задевали за деревья, клонившись в ту же сторону, вследствие чего казалось, будто ими, как гнущимися ветвями, подметают небо. Дождь охлестывал деревянную сторону дома, и она из темно-серой становилась черной, как в затмение.

Наконец грозные тучи мало-помалу разошлись. По полям, сплошь залитым обжигающими лучами солнца, вразнобой перекатывалось из края в край почти несмолкаемое стрекотание кузнечиков. Всюду цвели никому не принадлежащие липы. Казалось, испокон веку стояли они здесь. Исстари они были высажены по краям аллеи неизвестным нынешним людям садовником и протягивали развесистые ветки с густой, как ночь, листвой, мелко усыпанной восковыми звездочками мерцающих соцветий.

269 слов

По Б. Пастернаку

.....

Почти незаметно проскочил нестерпимо жаркий август, кончался полетнему теплый сентябрь, и бабье лето подходило к концу. Стояли ясные дни словно позолоченной осени.

Светлая солнечная гостиная со свежавыкрашенными стенами, на которых располагались портреты и миниатюры, была залита сливочно-желтым светом солнца золотой осени, отличающим дни после Успения, когда по утрам нас застают враспloch первые заморозки и в пестроту и яркость еще не сбросивших листву роц невзначай залетают зимние синицы и сороки. Небо в такие дни кажется беспредельно высоким, и сквозь прозрачный столб воздуха между ним и землей тянет с севера ледяной темно-синей ясностью. Почти сверхъестественно повышаются видимость и слышимость чего бы то ни было. Расстояния передают звук в замороженной звонкости чересчур отчетливо и как-то разъединённо. Заново расчищая ося дали, как бы открывая вид через всю жизнь на много лет вперед. Эту разреженность вряд ли можно было бы вынести, если бы она не была преходяща, кратковременна, хотя и наступала исподволь, как-то исподтишка. Уж очень неуютно становилось в конце короткого осеннего дня, и ранние сумерки заставляли нас враспloch своей никому не понятной, на редкость угнетающей безысходностью.

Но пока еще радостный свет озарял комнату, свет рано садящегося осеннего солнца, сочный, стеклянный и водянистый, как спелое яблоко.

Доктор поднял голову и посмотрел в даль, безоблачную и необъятную. Действительно, сновавшие поочередно мимо окна загадочные птицы оказались вино-огненными листьями клена, которые отлетали прочь, ненадолго задержавшись в воздухе точь-в-точь как поплавок на серебряной поверхности воды, и причудливо выгнутыми оранжевыми звездами ложились в стороне от деревьев на траву газона.

В лесу осень уже резко обозначила границу хвойного и лиственного мира. Первый сумрачной, почти непроходимой черной стеной щетинился в глубине, второй огненными пятнами светился в промежутках, как древний городишко с теремами с золочеными куполами, казалось, лишь недавно выстроенный в чащобе.

Прохваченная утренними морозами земля во рву и в колеях была густо засыпана и забита сухим, мелким, как будто подстриженным никому не известным парикмахером-щеголем, в трубку свернувшимся листом опавшей ивы. Осень была насыщена ароматами этого горьковатого темно-коричневого листа и еще множества других приправ. Хотелось с жадностью вдохнуть

сложную пряность ледяного моченого яблока, горькой суши, сладкой сырости и золотистого сентябрьского утра. Осень становилась все старше и как будто мудрее, так что и человеку впору было задуматься о грядущих холодах.

356 слов

По Б. Пастернаку

10.

В лесу

Был ясный солнечный день, преисполненный покоя и легкости. Стояла тихая, как всю предшествующую неделю, погода.

В лесу было много еще не пожелтевшей зелени. В самой глубине он почти весь был свеж и всю зеленел. Пока не уставшее послеобеденное солнце пронизывало его сзади своими косыми лучами. Листья, наполовину пропускавшие солнечный свет, тотчас же загорались с изнанки волшебным огнем ярко-зеленого драгоценного изумруда.

Повсюду лес пестрел разнообразными спелыми ягодами: нарядными висюльками сердечника, кирпично-бурой размяченной бузиной, переливающимися наподобие великодержавной парчи бело-малиновыми кистями калины. Потихоньку позванивая маленькими, в пестринках крылышками, медленно проплывали по воздуху, издали казавшемуся стеклянным, серебряно-голубые, оранжево-коричневатые и светло-зеленые, как переливчатый атлас, стрекозы.

Юрий Андреевич издавна любил сквозящий огнем зари вечерний лес. В такие минуты точно и он по-новому пропускал сквозь себя эти столбы света. Волнующий кровь поток, как дар живого духа, потихоньку входил в его грудь, почти никогда не заставляя врасплох, а, напротив, пересекая, обновляя все его существо, и парой лебединых крыльев выходил из-под лопаток наружу. Тот юношеский первообраз, который исподволь складывается у каждого и потом навсегда служит и кажется ему его внутренним лицом, его личностью, со всей первоначальной безыскусственной силой мало-помалу пробуждался в нем, заставлял природу, лес, вечернюю зарю и все явственно проступающее и никем не видимое преобразиться заново.

Юрий Андреевич аккуратно, стараясь не потревожить ни на секунду не замирающую лесную жизнь, прилег, мечтая о счастье и вслушиваясь в неизъяснимо прекрасные звуки, на одном из еще не заросших мест на полянке, сплошь устланной позолоченными листьями, налетевшими на нее с окаймлявших лужайку деревьев. На этот роскошный золотой ковер врассыпную ложились лучи солнца точь-в-точь как старинные монеты, и от этой двойной, скрещивающейся пестроты отчасти рябило в глазах. Она усыпляла почти как чтение мелкой печати или бормотание чего-то однообразного.

11. Северная зима

Морозило. Мороз мало-помалу крепчал. На дворе было солнечно, и внезапно возникало такое чувство, что вот-вот ослепнешь. Под падающими наискось лучами полуденного солнца снег представлялся искусно выточенной беломраморной плитой, как будто скульптор-волшебник придал форму бескрайней равнине.

Облака, заволакивавшие полнеба с утра, напрочь разошлись. Небо сделалось абсолютно чистым, как бывает чист лист белоснежной бумаги. Парк, на разных расстояниях издавна окружавший эту местность, чересчур близко подступал к сараю, как будто для того, чтобы заглянуть в лицо доктора и напомнить ему что-то очень неприятное.

Снег в эту зиму располагался повсеместно и лежал глубоким слоем, отчасти выше порога сарая. Его дверная притолока как бы опустилась, сарай стоял точь-в-точь как сгорбившийся старик старожил. С его крыши почти на голову доктору наподобие шапки гигантского гриба свисал пласт наметенного в течение долгой зимы снега. Прямо под свесом крыши, точно воткнутый острием в снег, озаряя полнебосклона, стоял и горел серебряным светом в продолжение всей ночи молодой, только что народившийся полумесяц.

Ясная морозная ночь. Необычайная яркость и цельность видимого. Земля, воздух, месяц, звезды, сверкающие поистине сверхъестественным блеском, — все прочно сломано вместе, наглухо склепано морозом. В лесу лежат отчетливые тени деревьев, кажущиеся выточенными никому не известным скульптором, и по временам кажется, будто какие-то таинственные черные фигуры, вразнобой бредущие по снегу, потихоньку продвигаются тебе навстречу. Звезды наподобие ярко-синих миниатюрных фонариков повсюду блестят в лесу между ветвями. Звездочками помельче, как летние луга ромашками, сплошь усеяно все небо.

Выйдешь из сарая, где хранится копченая и сушеная на солнце рыба, соленые огурцы в бочонке, лежат аккуратно сложенные холщовые мешки, — день еще не занимается. Скрипнешь невзначай дверью, притворяя ее, или просто снег хрустнет под ногою, и с дальней огородной гряды с торчащими из-под снега капустными кочерыжками по двое, по трое врассыпную начнут улепетывать зайцы, размашистыми следами которых вдоль и поперек испещрен снег вокруг. И повсеместно, одна за другой, надолго разлаются

собаки. Последние петухи пропели еще затемно, им теперь не петь. И начнет светать.

Кроме заячьих следов, совершенно необозримую заснеженную равнину пересекают рысьи, тянущиеся аккуратно низанными нитками. Рысь ходит точь-в-точь как кошка, лапка за лапку, совершая, как утверждают, за ночь многоверстные переходы.

339 слов

По Б. Пастернаку

12. Царство весны

Вот и первые предвестники весны. Оттепель. Сонно, масляными глазками жмурится еще не отошедшее от зимней спячки солнце в лесу, пушистыми ресницами игл щурится лес, маслянисто блестят в полдень серебряно-свинцовые лужи, в которых как-то наискось отражаются занимающие полнеба облака.

Весна, как могучий волшебник, произвела молниеносный переворот в природе: вмиг выглянули бледно-сиреневые, фиолетовые, лимонно-желтые подснежники из-под льда, растаявшего лишь наполовину, послышался шорох и шепот потихоньку просыпающегося леса, оживленного аккомпанементом многочисленных птиц, присутствием насекомых, животных. Чуть позднее все враз зазеленело: черемуха, ольшаник, орешник. Спустя несколько ночей совсем по-летнему защелкали соловьи. И вновь, как будто слушая их впервые, я удивился тому, как непостижимо четко выделяется этот удивительный напев из остальных птичьих посвистов, какой скачок, без постепенного перехода, совершает природа к богатству и исключительности этого щелканья. Сколько разнообразия в смене колер, какая фантастическая сила отчетливого, далеко разносящегося звука! У Тургенева талантливо описаны эти высвисты. На редкость ясно выделялись два оборота. Учащенно-жадное и роскошное «тэх-тэх-тэх», иногда трехъярусное, иногда без счета, в ответ на которое заросль, вся в росе, сгряхивалась и прихорашивалась, вздрагивая, как от щекотки. И другое, распадающееся на два слога, несущееся навстречу, проникновенное, но в то же время никем не понятое: «Оч-нись, оч-нись!»

По мере того, как снижалось солнце, лес мало-помалу наполнялся грустным холодом и темнотой, с неба беспрестанно сыпалась очень неприятная изморось. В лесу запахло лиственной сыростью; в воздухе, словно поплавки на воде, почти недвижно распласталось множество висячих туч комаров, беспрестанно нывших в унисон, все на одной ноте. Я поспешил вернуться домой.

Ночь принесла много непредвиденного. Стало тепло, что было совершенно неожиданным для такого времени. Моросил дождь наподобие бисера. Он казался таким воздушным, что не достигал земли и дымкой водяной пыли расстилался в воздухе. Однако это была лишь видимость. Его теплых, ручьями растекавшихся вод было поистине достаточно, чтобы смыть дочиста грязь с еще не проснувшейся земли.

Малорослые яблони, все в почках, опушенных тончайшими ворсинками, чудесным образом перекидывали из садов ветки через дощатые заборы на улицу. С них, недружелюбно перестукиваясь, второпях падали капли на мощенные булыжником тротуары. Барабанный разнобой их раздавался по всему городу.

331 слово

По Б. Пастернаку

13. Таинственный лес

Юрий Андреевич, собираясь в лес, прихватил непромокаемый плащ, охотничьи сапоги, в холщовый мешок положил тушенку, свежесдобитый хлеб, плитку шоколада, копченую колбасу, чтобы не тратить время на разжигание костра, и двинулся в путь. Он углубился в лес в нескольких направлениях с целью его обследования и убедился как в нем нетрудно заблудиться. Два уголка издали привлекли его внимание.

У выхода из леса, который был теперь по-осеннему гол и виден насквозь, как будто в его пустоту настезь раскрыли ворота, росла на редкость одинокая, красивая, единственная из всех деревьев сохранившая еще не опавшую листву рябина. Она произрастала на горке и протягивала в высь небесную, в темную свинцовую даль предзимнего ненастья плоско расширяющиеся щетки своих твердых багрово-красных ягод. Зимние пичужки с ярким, как морозная заря, оперением, красногрудые красавцы снегири и синицы, чутко реагирующие на малейший шорох, – все оставшиеся на зимовку птицы, искоса поглядывая, потихоньку приближались к рябине, затем, осмелев, садились на нее, медленно, с выбором клевали крупные ягоды и, закинув кверху головки и вытянув шейки, с трудом их глотали.

Какая-то незаметная на первый взгляд близость запросто возникала между птицами и деревом. Казалось, что рябина, сжалившись над птичками, кормила их, точно мать младенца, и усмехалась.

Другое место в чащобе еще больше притягивало взгляд. Оно расположилось на возвышенности, неподалеку от оврага. Возвышенность эта с одного края круто обрывалась. Казалось, внизу под обрывом предполагалось что-то другое, чем наверху, — река, овраг или глухой, поросший некошеной травой луг. Однако под ним было повторение того же самого, что наверху, но только на головокружительной глубине, на другом, вершинами деревьев под ноги ушедшем, опустившемся вглубь уровне. Вероятно, это почти сверхъестественное явление возникло вследствие обвала. Точь-в-точь этот суровый лес, как-то споткнувшись, с разбегу полетел вниз и должен был провалиться в бездну, сквозь землю, но в решительный момент удержался и как ни в чем не бывало шумит внизу.

Но не этим, а другой особенностью была замечательна лесная возвышенность. Всю ее по краю запирали отвесные, ребром стоявшие гигантские глыбы. Они были похожи на плоские плиты геометрически правильной формы, как будто отесанные никому не известным мастером.

Когда Юрий Андреевич впервые попал на эту площадку, он готов был поклясться, что это место с камнями совсем не природного происхождения, а создано искусственно. Здесь могло быть в древности место священнодействий и жертвоприношения неизвестных нашим современникам языческих идолопоклонников.

370 слов

По Б. Пастернаку

14.

Ненастье

Накануне отъезда вовсю разыгралась снежная буря. Бешеный ветер, не останавливаясь ни на секунду, взметал в высь небесную светло-серые тучи вертящихся снежинок, которые белым вихрем возвращались вниз, на землю, улетали в глубину темной улицы и в течение получаса устлали ее белой пеленою.

Снегопад завешивал улицу до полу своим белым сползающим пологом, бахромчатые концы которого беспорядочно болтались и путались в ногах у пешеходов, так что по временам пропадало ощущение движения и им казалось, что они беспрестанно топчутся на месте.

В минуту даль заволоклась белым саганом, земля оказалась устланной белоснежной пеленой. В следующую минуту пелена сгорала, растаяв дотла. Выступала черная, как уголь, земля, а встед за ней свинцовое небо, обданное сверху косыми подтеками вдалеке долившихся ливней. Воды было чересчур много, и земля ее больше не принимала. В минуты просветления стаи туч расходились, как будто, прогнетывая небо, наверху настезь раскрывали окна, отливающие холодной стеклянкой белизной. Стоячая, никак не впитываемая почвой вода отвечала с земли такими же распахнутыми оконницами луж и серебряных озер, наполненных тем же нестерпимым блеском.

Ненастье дымом скользило по скипидарно-смолистым иглам хвойного бора, не попадая в них, как не проникает вода сквозь полиэтилен. Телеграфные провода были аккуратно унизаны каплями дождя точь-в-точь как бисером. Они висели тесно-тесно, одна к другой, не отрываясь.

Непостоянная осенне-зимняя тоскливая пора мало-помалу прошла. Зима вступала в свои права, чувствовала себя абсолютной хозяйкой, активно участвуя в неотвратимом превращении земли. Стояли трескучие морозы. Жутко становилось, когда сверхъестественные, разорванные чьей-то невидимой рукой звуки и формы без четко определенной связи двигались навстречу нам в морозном тумане, стояли, преисполненные величия, затем исчезали. Не то солнце, к которому исстари привыкли на земле, а какое-то другое, подмененное, как гигантский багрово-красный шар, занимало полнебосклона. От него туго и медленно растекались лучи густого, как мед, янтарно-желтого света и по дороге напрочь застывали в воздухе и намертво примерзали к деревьям.

Выдавались безветренные зимние вечера, светло-серые, темно-розовые. По светлой заре вычерчивались черные верхушки берез, истонченные, как

древнегреческие письма. Постепенно наступала зимняя морозная ночь, и желтовато-туманный свет полного месяца властно стягивал снежную поляну осязательной вязкостью яичного белка или клеевых белил. Роскошь морозной ночи была непередаваема.

336 слов

По Б. Пастернаку

15.

Дача в Крыму

Был прекрасный безветренный августовский вечер, преисполненный покоя и благоденствия. Солнце, окаймленное золоченым фоном, слегка подернутое оттенком багрянца, занимая полнебосклона, стояло над западным горизонтом, готовое опуститься за далекие курганы, устланные роскошным цветущим ковром. В неухоженных садах с последним лучом уже исчезли тени, воздух стал чересчур сырым, но на верхушках деревьев играли еще позолоченные блики. Было на диво тепло. Недавно шел несильный, но длительный дождь и еще более освежил и без того прозрачный ароматный воздух.

Я описываю не столичный август, туманный, ветренный, темно-серый, с его на редкость холодными, донельзя сырыми зорями. Нет! Я описываю не наш северный, жесткий август. Я попрошу читателя на время перенестись в Крым, на один из его южных берегов, поближе к Феодосии, вплотную к тому месту, где располагается дача одного из моих героев.

На берегу Черного моря, в местности, которая в моем дневнике значится «Зеленой Косой», находится прелестная дача. С точки зрения архитектора, любителей всего геометрически точного, абсолютно законченного, имеющего непохожий на другие стиль, может быть, эта дача никуда не годится, но с точки зрения поэта, художника она просто великолепна. Она мне нравится за свою смиренную, отчасти сдержанную, неподражаемую красоту, за то, что от нее не веет ни бездушным холодом белоснежного мрамора, ни важностью величественных колонн. Она глядит приветливо, тепло, романтично. Из-за стройных серебряных тополей, располагающихся неподалеку от башен, выступает она наподобие средневекового замка. Дача не в пример другим ухоженная, вплотную окруженная выровненными клумбами, деревьями и еще не стриженными кустами. Высокая, изящная, с тонкими стенами и очень тонкими перилами, хрупкая, нежная, свежескрашенная в светло-голубой цвет, увешанная тончайшими кружевными занавесями, парчовыми портьерами, — она напоминает миловидную хрупкую барышню.

Когда я смотрю на нее, в моем воображении проносятся сентиментальные немецкие романы с их рыцарями, замками, докторами философии, с таинственными графинями.

Эта дача стоит на горе; вокруг густой-прегустой сад с некошеным лугом, аллеями, фонтанчиками, заново выстроенными оранжереями, а внизу, под горой, — величественное, ни с чем не сравнимое море, оглашающее окрестность шепотом и шорохом волн.. Воздух, сквозь который то и дело пробегает влажный, но несильный ветерок, аккомпанемент птичьих голосов, вечно ясное небо точь-в-точь как хрустальная вода – чудесное местечко!

340 слов

По А.П. Чехову

16. Венгерская степь

В сонном, наполовину застывшем безветренном воздухе стоял монотонный шум, без которого не обходится степная летняя ночь: непрерывно трещали цикады, пели перепела, по краям дороги слышался невнятный шорох еще не убранной ржи, неподалеку протекал небольшой, но быстрый серебряный ручей, лениво пощелкивали молодые соловьи.

Четыре часа утра. Великолепие тихого летнего утра представлялось чем-то поистине сказочным, отчасти сверхъестественным. Земля, по-девичьи одетая в зелень, обрызганная алмазной росой казалась прекрасной и вдвойне счастливой. Солнце каждым своим лучом озаряло едва виднеющуюся в туманной дымке кайму темно-зеленых рощ, а в необыкновенно прозрачном, как бы хрустальном воздухе стояла такая свежесть, как будто весь мир только что выкупался, отчего стал моложе и здоровей.

Степь также обливалась позолотой первых солнечных лучей и, сплошь покрытая росой, сверкала наподобие усыпанной бриллиантовой пылью равнины. Туман прогнано утренним ветром, и он стлался свинцовой стеной недалеко, в камышовых зарослях, на берегу неглубокой речонки. Ржаные колосья, головки репейника и шиповника стояли тихо, смиренно, только изредка наклоняясь друг к другу и потихоньку пошептывая. Неподалеку, плавно помахиывая крыльями, наперерыв носились коршуны и совы. Они охотились.

Вскорости природа изменилась, и мало-помалу наступила невыносимая летняя жара, вследствие чего даже дыхание стало затруднено.

В июне венгерская степь дает себя знать. На небе ни облачка... Выжженная солнцем трава глядит обреченно, по временам безнадежно: хоть и непременно будет дождь, но вряд ли зеленеть ей... Лес вдали стоит молча, почти неподвижно, словно рассматривает что-то незнакомое. Земля растрескивается, и немощная песчаная дорога обращается в реку, в которой вместо воды волнуется лишь серо-желтая пыль. Ветер, если он и есть, горяч и обжигает ничем не защищенную кожу путника. В воздухе, сплошь подернутом как бы стеклянной дымкой тишина от утра до вечера. Тишина эта наводит на путника ничем непобедимую тоску. Одни только роскошные, всему миру известные венгерские сады и не в пример другим ухоженные виноградники не блекнут, не желтеют, не сохнут под раскаленными лучами разъяренного степного солнца. Они, разбросанные рукой культурного

человека по сторонам многочисленных рек и речонок с дощатыми мостками, от ранней весны до середины осени как ни в чем не бывало щеголяют своей зеленью, манят к себе прохожего и издавна служат убежищем всему живому, бегущему от испепеляющего солнца. В них царят тень, прохлада и чудесный воздух.

352 слова

По А.П. Чехову

17.

Бенефис соловья

Мы расположились в камышовых зарослях на берегу небольшой, но быстрой речонки, забыв захватить второпях съестные припасы. Впереди нас к еще не исследованному оврагу спускался глинистый коричневато-желтый берег, а за нашими спинами невдалеке темнела небольшая рощица.

Роща, небо и поле вплоть до самой глубокой дали были залиты серебряным лунным светом, а вдали едва-едва мерцал пунцовый огонек. Воздух был тих, прозрачен, душист. Все благоприятствовало бенефицианту. Оставалось ему только не злоупотребить нашим терпением и поскорей начинать. В ожидании его мы, как будто согласуясь с программой концерта, слушали других исполнителей.

Безветренный вечер начался пением кукушки. Она вполголоса закуковала где-то вдалеке и, прокуковав раз одиннадцать, внезапно умолкла. Тотчас же поверх наших голов пронеслись два скворца. Затем запела контральто иволга, певица известная, серьезно и подолгу занимающаяся, оттачивающая певческое искусство. Мы прослушали бы ее с невыразимым удовольствием, если бы не грачи, летевшие издалека на ночевку. Вдали показалось несколько черных туч, все это вразбивку двинулось к нам и с отвратительным карканьем опустилось на рощу. Долго не умолкали эти тучи. Когда кричали грачи, загалдели и лигушки, издавна живущие в камышовых зарослях, и целых полчаса концертное пространство было заполнено разнообразными звуками, слившимися вскоре в один-единственный звук. Где-то неподалеку закричал засыпающий дрозд. Затем последовал антракт, наступила тишина, почти ничем не нарушаемая; только изредка слышалось пение сверчка, сидевшего в траве возле публики. В антракте наше терпение достигло апогея: мы начинали уже роптать на бенефицианта.

Когда на землю спустилась ночь и луна заняла полнеба, настала его очередь. Он показался в молодом ольшанике, порхнул в терновник и, кокетливо повертев хвостом, стал совершенно неподвижен. Минуты три сидел он молча, не двигаясь. Но вот зашумели верхушки деревьев, задул несильный, но прохладный ветерок, затрещал сверчок, и под аккомпанемент этого оркестра соловей исполнил свою первую трель. Он запел. Сам оркестр умолк в смятении и замер, когда артист, слегка приподняв свой клюв,

засвистал и осыпал рошу шелканьем и дробью. И властная сила, и томительная нега, и искренняя страсть – вся гамма неподдельных чувств слышалась в его чудесном голосе. Он пел, никем не видимый, а кругом царила внимающая тишина. Раз только сердито заворчали деревья и зашикал ветер, когда вздумала запеть сова, желавшая заглушить солиста.

Когда засерело небо и потухли миниатюрные фонарики звезд, голос артиста стал слабее и нежнее. Певец попел еще чуть-чуть и мало-помалу умолк.

366 слов

По А. П. Чехову

18.

Дом

Много я видел на своем веку домов, больших и малых, каменных и деревянных, старых и новых, с дощатыми террасами и роскошными беломраморными колоннами, но особенно врезался мне в память один непохожий на другие дом. Это, впрочем, не дом, а домик. Он не в пример другим мал, одноэтажный, всего в три окна, и очень похож на маленькую горбатую старушонку в чепце. Правда, под одним-единственным этажом располагается погреб, но это отнюдь не жилое помещение. Оштукатуренный в белый цвет, с крышей, покрытой черепицей, и давно ободранной трубой, он весь утонул в зелени шелковиц, акаций и серебряных тополей, посаженных местными старожилами. Его не видно за зеленью. Эта темно-зеленая масса не мешает ему, впрочем, быть городским домиком. Его широкий двор стоит в ряд с другими, тоже широкими зелеными дворами, и входит в состав Московской улицы. Незнакомые мне люди по этой улице никогда не ездят.

Ставни в домике держатся постоянно закрытыми: жильцы не нуждаются в свете. Окна почти никогда не отворяются, потому что жильцы, как это ни странно, не любят свежего воздуха. Парадокс заключается в том, что люди, постоянно живущие среди шелковиц, акаций и репейника, абсолютно равнодушны к природе. Одним лишь дачникам дана способность воспринимать и понимать красоты природы, остальное же человечество относительно этих красот коснеет в глубоком невежестве. Чересчур мало ценят люди то, чем богаты. Вокруг домика поистине рай земной, зелень, постоянно слышен аккомпанемент вразнобой поющих птиц, в домике же – увы! Летом в нем невтерпех от нестерпимого зноя и духоты, зимою – так же жарко, угарно, как в бане, отчего кажется, что тебя все время клонит в сон.

Природа же, не знавшая той вопиющей неблагодарности, которая изначально была присуща лишь человеку, чувствовала себя здесь намного привольнее и веселее. В саду происходила возня наподобие той, какая бывает только на ярмарках. Бесчисленные скворцы, рассекая воздух и вперегонки прыгая по тенистым аллеям, с криком и шумом гонялись за майскими жуками, где-то квакал лягушонок, повсюду стрекотали неугомонные кузнечики. В сиреневых кустах, которые своими нежными пахучими цветами лезли прямо в лицо, беспрестанно копошились воробьи. Куда ни повернешься, отовсюду несло почти профессиональное пение иволги и не

лишенный приятности писк удода. Если бы я смог вернуться хотя бы ненадолго в детство, я тотчас же начал бы гоняться за оранжево-оливковыми, голубовато-серебряными и изумрудно-зелеными стрекозами или бросать камнями в ворона, который сидел на невысокой, но объемной копне под осиной и по временам поворачивал в стороны свой тупой нос; теперь же, к сожалению, было не до шалостей.

392 слова

По А. П. Чехову

19. Извозчик

Выпал снег, и затянулась надолго зима со своими трескучими морозами, ветренными ночами и гигантскими сугробами. Не люблю я зимы и не верю тому, кто говорит, что любит ее. Ненастно на улице, чересчур дымно в комнатах, промокают ноги в калошах; даже в безветренный день кажется, что холод пронизывает насквозь. То суровая, как свекровь, то плаксивая, как балованный ребенок, со своими серебряными лунными ночами, бешеными тройками, охотой, концертами и роскошными балами, зима вскорости надоедает.

Грустные вечерние сумерки сплошь покрывают замерзший город, невдалеке слышится непонятный для человеческого уха шорох и неясные звуки, отдаленно напоминающие чей-то невнятный шепот. Крупный мокрый снег лениво кружится посередине улицы и тонким мягким пластом ложится на крыши, лошадиные спины, плечи, шляпы и шапчонки. Зажженные никому не известным человеком фонари стоят выровненными рядами наподобие сторожевых. С краев крыши угрожающе свисают громадные сосульки. Извозчик Иван Потапов точь-в-точь как привидение. Он согнулся в три погибели и совершенно неподвижно сидит на козлах. Упав на него целый сугроб, то и тогда бы, кажется, он не счел необходимым стряхнуть с себя снег. Его лошаденка тоже почти недвижима. Она, по всей вероятности, погружена в мысль. Кого оборвали от плуга, от привычных темно-серых картин и вмиг бросили сюда, в этот омут, наполненный чудовищными, сверхъестественными огнями, жутким грохотом и вразнобой бегущими людьми, тому нельзя не думать.

Иван и его лошаденка не двигаются с места в течение нескольких часов. Выехали они со двора тотчас же после полудня, и в продолжение всего этого времени нет работы. Но вот на город мало-помалу спускается вечерняя мгла, деревья покрывает распушенная, отчасти колючая изморозь. Бледность уличных огней в открытую уступает свое место живой краске, и уличная суматоха становится наполовину оживленнее. Наконец раздается крик: «Извозчик! На Выборгскую!», и Иван вздрагивает и сквозь ресницы, напрочь облепленные снегом, видит военного в шинели с капюшоном. Сонное оцепенение враз спадает, и лошадь неуверенно трогается с места.

Получив двугривенный, Иван долго глядит вслед своему пассажиру, потихоньку исчезающему в темном подъезде. Снова он одинок. Утихшая

ненадолго тоска появляется вновь и распирает грудь еще с большей силой. Глаза Ивана тревожно всматриваются в даль: не найдется ли из этих тысяч людей, идущих бок о бок в толпе, хоть один, который выслушал бы его? Но толпы бегут, не замечая ни его, ни тоски.

Наконец Иван, не выдержав, начинает говорить с лошадыю. Лошаденка жует, слушает и дышит на руки своего хозяина. Наконец-то нашлось существо, способное выслушать пострадавшего человека! Иван по-настоящему увлекается и рассказывает все.

412 слов

По А.П. Чехову

.....
20. Ненастная ночь

Время потихоньку приближалось к ночи. Дьячок Савелий сидел у себя в церковной сторожке, которая расположилась вплотную к ограде, и единственное ее окно выходило в поле. На дворе было ненастно. Что-то бешеное, злобное, но глубоко несчастное яростно металось вокруг дома и неистово старалось ворваться вовнутрь. Беспрестанно стуча в окна и по крыше, настезь распахивая двери, безжалостно царапая стены, оно то угрожало, то умоляло, а то утихало ненадолго и потом с радостным, предательским воем вмиг врывалось в печную трубу, но тут поленья враз вспыхивали, а огонь, как цепной пес, со злобой несся навстречу врагу, вследствие чего начиналась отчаянная борьба, а после нее рыдания, ни на что не похожий визг, жуткий рев. В поле же в продолжение всего вечера была сущая война. Трудно было понять, кто кого сживал со света и ради чьей гибели заварилась в природе такая сумасшедшая каша, но, судя по неумолкаемому зловецему гулу, кому-то приходилось очень несладко. Какая-то сверхъестественная, поистине фантастическая сила в течение нескольких часов кряду гонялась вперегонки с ураганным ветром за кем-то по полю, бушевала в лесу и срывала черепицу с крыш, озлобленно стучала кулаками по окну, метала и рвала, а что-то побежденное втихомолку выло и плакало. По всей пустынной белоснежной равнине сплошь стлалась позёмка, а грустный плач поочередно раздавался то посередине поля, то за не прикрытым ставнями окном, то на крыше, то в печке. В нем звучал не призыв на помощь, а тоска, сознание того, что уже чересчур поздно и спасения нет. Снежные сугробы еще накануне подернулись тончайшей ледяной коркой, отчего все блестело и переливалось наподобие драгоценной белоснежной парчи. На сугробах и на деревьях потихоньку дрожали бриллиантовые слезы, по дорогам и тропинкам разливалась небольшая речонка из грязи и подтаявшего снега. Одним словом, на дворе была оттепель, но небо сквозь черно-синюю ночь не видело этого и что есть силы по-прежнему сыпало на измученную землю новые хлопья снега. А ветер кружил точь-в-точь как заблудившийся странник. Он не давал этому снегу ложиться на землю и кружил его в потемках, не останавливаясь ни на секунду.

Во всем этом слышались и злобствующая тоска, и неудовлетворенная ненависть, и оскорбленное бессилие того, кто когда-то привык к победам...

345 слов

По А.П. Чехову

21. Июльская ночь

Вечер был безветренный, теплый и почти душный, как все те однообразные июльские вечера, которые, раз начавшись, правильной, ничем не прерываемой чередой неспешно тянутся один за другим неделю-две, иногда и больше, а затем совершенно неожиданно, заставая всех врасплох, нежданно-негаданно обрываются бешеной грозой с роскошным, надолго освежающим ливнем.

Солнце, похожее на раскаленный багровый шар, давно уже закатилось за темно-зеленые верхушки рощ, точно выровненные чьей-то аккуратной рукой, и на всю землю опустилась таинственная темно-серая тень. В неподвижном, в течение долгого дня застоявшемся воздухе сгущались медово-приторные испарения дикорастущих трав и цветов. Бледно догорала вечерняя заря; светлая полоса пресекалась узким неуклюжим облаком, которое походило то на чёлн, то на человека, закутанного в одеяло...

Потемки понемногу сгущались, и предметы постепенно растворялись в сумерках, предаваясь заслуженному отдыху. Полоска за бугром совсем уже потухла, а звезды становились все ярче и каждым своим лучом, казалось, пытались дотянуться до земли. Меланхолически-однообразная трескотня кузнечиков, шорох и шепот еще не заснувшей листвы, сдержанное щелканье соловья и непривычный для нас крик перепела не нарушали ночной тишины, а, напротив, придавали ей еще большую монотонность. Казалось, тихо-тихо звучали и очаровывали слух не птицы, не насекомые, а звезды, наподобие миниатюрных фонариков глядевшие на нас сверху.

На дворе, неотвратимо вступая в свои незыблемые права, величественно воцарялась русская летняя ночь. Из-за далеких, напоминающих зеленый бархат курганов неторопливо всходила бледно-желтая луна. Ей навстречу вразбивку тянулись растрепанные облачка с серебряной каймой. Небосклон сначала побледнел, а затем во всю ширь его разлилась гигантская волна темно-сиреневого, отчасти фиолетового оттенка. Звезды замелькали как-то настороженно и, как будто испугавшись громадного круга луны, занявшей полнебосклона, враз втянули в себя свои маленькие лучики. С небольшой, шумевшей невдалеке речонки, через которую были переброшены дощатые мостки, во все стороны потянуло ночной, щеки ласкающей прохладой.

.....

Мало-помалу начинало светать. Было абсолютно незаметно, как небо меняло свой цвет; оно все еще казалось темным, но уже видна была песчаная дорога. Лунный свет становился все белее, а растянувшееся под ним облако, похожее на незнакомое нам орудие, чуть-чуть желтело на своем нижнем крае.

Утро наступало исподволь. Месяц побледнел и слился с мутно-серым небом, облако все стало желто, звезды потухли, как будто кто-то невидимый щелкнул выключателем, но восток все еще был холоден, такого же цвета, как и все небо, так что не верилось, что за ним предполагается солнце.

365 слов

По А.П. Чехову

22.

Животворящее воздействие весны

С еще не проснувшейся земли пока не сошел снег, а в душу уже исподтишка заглядывает весна. Если вы когда-нибудь выздоравливали от тяжелой болезни, то вам известно блаженное состояние, когда вмиг замираешь от сладостных предчувствий и беспричинно улыбаешься. Повидимому, то же состояние переживает теперь и природа. Земля холодна, грязь вперемешку со снегом хлюпает под ногами, так что не спасают даже непромокаемые сапоги, но как преобразается окрестность! Воздух так ясен и прозрачен, что если взобраться на колокольню, то, кажется, увидишь всю вселенную от края и до края. Солнце светит вдвое ярче, и каждым лучом своим старается коснуться свинцово-серой поверхности луж. Речонка надувается и темнеет; она уже проснулась, не сегодня-завтра оживет, и вскоре на ее серебряной поверхности появятся разноцветные поплавки. Деревья еще не одеты, но уже пробудились и своим шорохом радостно приветствуют весну.

В такое время хорошо разгонять лопатой грязную воду в канавах, пускать по воде кораблики или долбить каблуками чересчур упрямый лед, вздувшийся и почерневший, но никак не сдающийся. Хорошо также гонять голубей в высь поднебесную или лазить на деревья и привязывать там скворечники. Да, все чудесно в это счастливое время года, в особенности если вы молоды и искренне любите природу. Очень нехорошо, если вы нездоровы.

Поглядите, как славно чувствуют себя веселые, общительные, приветливые люди. Например, старик садовник Василий Петрович на природу глядит с сознанием своего превосходства над ней, и во взгляде у него что-то хозяйское, повелительное и даже презрительное, точно, сидя у себя в оранжерее или удовлетворенно глядя на выровненную клумбу, все еще усталенную еловыми лапками, он узнал о растительном царстве что-то такое, чего не знает никто.

Ему кажется, что он знает все: тайны, чары и чудеса, а красавица весна для него точь-в-точь как рабыня.

А охотник-любитель Иван Захаров? Он сидит на бочонке и изготавливает пыжи: собирается на промысел. В его воображении рисуется

труднопроходимый путь в самую чащобу, по которому он пойдет, со всеми нехоженными тропинками, нескошенными полянами, небольшими, но быстрыми ручьями; закрыв глаза, он видит длинный, аккуратный ряд устремленных ввысь стройных деревьев, под которыми он будет стоять со своим старинным шомпольным ружьем, подрагивая от вечерней прохлады, от сладостного волнения и напрягая свой тонкий слух; ему уже чудятся звуки, которые издает перепел. Ему хорошо, он безмерно, бестолково счастлив.

383 слова

По А.П.Чехову

23.

Ледоход

Лед трогается аккуратно каждую весну, но тем не менее ледоход всегда представляет собой на редкость занимательное зрелище. Заслышав крики, вы, если живете в городе, бежите к мосту, причем вам так невтерпеж, что вы даже не ищите извозчика. То же серьезно-сосредоточенное выражение лица, конечно, и у мальчонки, который бежит почти вплотную к вам и должен попасть на мост во что бы то ни стало. Издали видна публика, собравшаяся на мосту. Все, свесившись через перила, стоят, не двигаясь и не отвлекаясь, и вопросительно глядят вниз на реку. Слышится лишь приглушенный шепот, и только незнакомый вам городской рассуждает вполголоса о предстоящем событии. Свесившись через перила, вы тоже глядите на реку и вмиг испытываете сильнейшее разочарование. Вы ожидали грохота, но ничего не слышите, кроме глухого шороха да однозвучного шума наподобие отдаленного грома. Вместо чудовищной ломки, столкновений и дружного натиска вы видите безмятежно лежащие, неподвижные груды еще не растаявшего льда, подобного беломраморным плитам, выточенным никому не известным скульптором. Поверхность реки наполовину изрыта и взбудоражена, как будто по ней прошелся с гигантским плугом пахарь-великан. Воды не видно ни капли, а только сплошь лед. Ледяные холмы стоят совершенно неподвижно, но у вас мало-помалу начинает кружиться голова: кажется, что мост вместе с вами и с публикой уходит куда-то вдаль. Тяжелый мост как будто мчится вдоль реки вместе с берегами точь-в-точь как фантастический корабль и рассекает своими боками груды льда. Вот одна громадная льдина, упершись в бок, напрочь преградила путь, а затем враз, как живая, начинает ползти вверх, напрямую к вам, словно хочет проститься с вами, но, не выдержав собственной тяжести, ломается надвое и бессильно падает. Вид у льдин грустный, унылый. Они как будто сознают, что навсегда покидают родные места и, уплыв в никому не известное будущее, попросту обратятся в ничто.

Вскоре холмы начинают редеть, и между льдинами показывается темно-свинцовая, стремительно бегущая вода. Теперь незаметный на первый взгляд обман исчезает, и вы начинаете видеть, что движется отнюдь не мост, а река. К вечеру река почти уже совсем чиста ото льда, лишь изредка попадаются на ней отставшие льдины, но их так мало, что они не мешают фонарям глядеться в воду, как в серебряное зеркало.

345 слов

По А.Чехову

24.

На плоту

Оба берега залиты ярким светом, и перед глазами людей, сплавающих бревна вниз по реке, поочередно мелькают картины одна другой роскошнее. Наподобие птицы молниеносно проносятся перед ними заросли можжевельника, множество рощ, пашен, деревень. Вот они видят впереди на высоком крутом берегу белоснежную церковь с золоченым куполом. Прошла минута, и церковь уже не видна, а впереди расстилается равнина, наполовину залитая озлобленной рекой; за равниной тянется синяя-черная пашня точь-в-точь как посланный кем-то ковер, а сверху просматриваются стаи туч не то грачей, не то галок.

Издали виден высокий и крепкий, как сказочный пахарь-великан, мужик в разорванной шапчонке, который гонит по берегу тощую корову с обломанным рогом. Далее барская усадьба: на балкончике с настезь распахнутыми дверями стоит красавица барыня с желтым шелковым зонтиком и спешит указать девочке на плот. Рядом с ними мальчонка-сорванец забавляется с котенком. Потом вновь пашня, лес, деревня. Если теперь оглянуться назад, то отчетливо можно видеть лишь озаряемый одиноким солнечным лучом золоченый купол церкви на фоне свинцовых туч у горизонта, а мужика с коровой и след простыл. Но не думайте, что плот чересчур далеко ушел. Сплавщики движутся еще в течение некоторого времени и вьюсь видят на горизонте золоченые купола. Начинают вглядываться, и – что за чудеса? – они всю несутся к той церкви, которую недавно оставили позади. Подплывают поближе и тотчас же убеждаются, что это не что иное, как она. Вот уж издали виднеются ее окна, позолоченный крест на верхушке, свежеразкрашенная дощатая крыша. Проехать еще минутку, и сплавщики будут у самой церкви, – но плот круто поворачивает, и церковь снова остается позади.

Путь казался прекрасным. Оба берега – один высокий, крутой, белый, с нависшими соснами и дубами, с народом, спешившим обратно по тропинке, и другой – отлогий, с темно-зелеными лугами и тенистой дубовой рощей, – имели такой счастливый и прямо-таки восторженный вид, как будто только им одним было обьязано это чудесное майское утро своей прелестью. Отражение солнца в серебряном зеркале быстро текущей речонки дрожало, расползлось во все стороны, и на душе было по-весеннему радостно.

По А.П.Чехову

25.

Позднее путешествие

Как-то раз ехали мы с другом поздним июльским вечером на почтовую станцию за газетами. Проехали мы уже верст одиннадцать, и вот на бледно-розовом фоне зари стали вырастать один за другим стройные серебряные тополя; вслед за ними заблестала небольшая, но быстрая речонка. Перед нами тотчас же предстала замечательная в своей непосредственности картина. Пейзаж был поистине роскошен: еще не уснувшая, но уже по-вечернему притихшая природа никого не могла оставить в равнодушии; своим потрясающим видом она как будто призывала взяться за кисть или за перо и запечатлеть ее великолепие.

В воображении рисовались фантастические картины, точно никому не известный художник обронил в этих благодатных местах, где, казалось, все пребывает в покое и благоденствии, свою волшебную палитру, вследствие чего краски беспорядочно залили всю окрестность, придав ей удивительную законченность. У нас создалось впечатление, что мы вот-вот попадем в сказку и непременно встретимся с уже известными и никому не знакомыми персонажами.

Подъехав вплотную к обрыву, мы придержали лошадей, так как прямая дорога мало-помалу спускалась вниз по крутому, исподволь зараставшему и сейчас наполовину заглушенному ольшаником скату. Мы стояли на горе, а внизу под нами находилась гигантская яма, наполненная темно-серыми сумерками, причудливыми, никому не понятными фигурами и необъятным простором. На дне этой ямы, на широкой равнине, сторожимое тополями и потихоньку ласкаемое блеском реки, располагалось незнакомое нам село. Оно еще не спало: возмущенно лаяла какая-то собачонка, из-под приоткрытых ставень в образовавшуюся щелку понемногу пробивался свет, а невдалеке слышался шорох и шепот дикорастущих трав, приклонившихся к земле, растущих на еще не кошенных лугах. Деревянные избы, церковь с золочеными куполами, позолоченным крестом поверх дощатой крыши и величественной колокольней, еще не уснувшие деревья отчетливо вырисовывались из темно-серых сумерек, и на зеркальной поверхности реки темнели их отражения.

Вдоволь насладившись чудесным зрелищем, мы потихоньку двинулись наискосок от равнины, по направлению к дому.

По А.П.Чехову

26. Тайнственный огонек

Я спускался с горы, и рядом со мной, звеня пустыми стремянами, шла в поводу усталая лошадь. Внизу, под горой, располагалось небольшое, но четко обрисованное в темно-серых сумерках село. Наиболее примечательным строением в нем была величественная церковь с золочеными куполами и аккуратным позолоченным крестом на дощатой крыше. С первого же взгляда поражало воображение непонятное мне обстоятельство: на самом верху трехъярусной колокольни, в крошечном окошке, раскрытом настежь, по временам мерцал огонек. Этот огонь, похожий как две капли воды на свет потухающей лампадки, сначала замирал на мгновение, а вслед за тем вновь вспыхивал багрово-красным светом. Откуда он мог взяться? Происхождение его было для меня непонятно. За окном он не мог гореть, оттого что в верхнем ярусе колокольни не было ни икон, ни лампад.

Этот ничем не объяснимый огонек мог быть лишь отражением внешнего света, но, как я ни напрягал зрение, в громадном пространстве, которое располагалось передо мной, я не увидел-таки, помимо этого огня, ни одной светлой точки. Луны, обычно занимавшей полнебосклона, не было. Бледная, еще не потухшая полоса зари, виднеющаяся в дали, неясной и туманной, не могла отражаться, поскольку окно с огоньком было обращено не на запад, а на восток. Все эти соображения наперерыв бродили в моей голове в продолжение всего времени, пока я спускался с лошадью вниз. Оказавшись внизу, я снова взглянул на огонек. Он по-прежнему беспрестанно мелькал и вспыхивал. «Странно, — размышлял я, по-детски теряясь в догадках. — Совершенно непостижимо».

И мною мало-помалу овладело весьма неприятное чувство. Сначала я думал, что это досада на то, что я не в состоянии объяснить простого явления, но потом, когда я вдруг в ужасе отвернулся от огонька, стало ясно, что мною исподволь овладевает жуткий страх. Меня охватило чувство одиночества, тоски и ужаса, как будто меня нежданно-негаданно бросили в эту большую, казалось, наполовину наполненную привидениями яму, где я очутился с ними один на один. «Глупо! — говорил я себе. — Это явление страшно только оттого, что очень непонятно. Все никому не понятное таинственно, отчасти сверхъестественно и вследствие этого кажется ужасным». Я убеждал себя и в то же время, не переставая ни на минуту, подгонял лошадь. Приехав на станцию, я нарочно задержался там подольше, в течение получаса прочитал две-три газеты, но беспокойство исподтишка все-таки досаждало мне. На

обратном пути огонек исчез, но зато силуэты деревянных изб, шорох серебряных тополей, шепот еще не кошенной ржи и покрытая зарослями можжевельника гора, на которую пришлось въезжать, казались мне одушевленными. А отчего был тот огонек, мне и по сей день неизвестно.

399 слов

По А.П. Чехову

27. Странное явление

Я возвращался домой. Было полпервого ночи – время, когда природа обыкновенно погружена в самый крепкий и сладостный предутренний сон. В этот же раз природа не спала, и ночь вряд ли можно было назвать тихой. Кричали коростели, перепела, щелкали соловьи, кулички, трещали сверчки-невидимки, по временам под ногами наподобие миниатюрной молнии мелькал светлячок. Над травой весь вечер напролет стался легкий туман, а на небе вперегонки с луной куда-то без оглядки бежали не тяжелые, а полетному полувоздушные облака-непоседы. Природе не спалось, как будто она боялась невзначай пропустить лучшие мгновения своей жизни.

Я шел, отчасти прислушиваясь к этим звукам, по узкой, почти нехоженой тропинке, у самого края железнодорожной насыпи. Серебряный лунный свет потихоньку скользил по рельсам, на которых уже всю лежала роса. Большие тени от облаков то и дело в рассыпную пробегали по насыпи. Далеко впереди беспрестанно горел тусклый ярко-зеленый огонек. «Значит, все благополучно», — думал я, по временам поглядывая на него.

На душе у меня было на редкость хорошо. Шел я из гостей, предаваясь покою, мечтая о счастье; смешить мне было некуда, бьющая ключом молодость чувствовалась в каждом вздохе, в каждом моем шаге, глухо раздававшемся в однообразном гудении ночи.

Пройдя полвесады, я вдруг услышал неподалеку однозвучный, похожий на журчанье гигантского ручья, незнакомый мне звук наподобие рокота. С каждой секундой он становился все громче и слышался все ближе. Я оглянулся: шагах в одиннадцати от меня темнели верхушки рощ, откуда я только что вышел; там насыпь геометрически правильным полукругом поворачивала направо и вскорости исчезала в деревьях. Я остановился в недоумении и стал ждать. Тотчас же на повороте показалось нечто громоздкое и черное, с шумом молниеносно понеслось напрямик ко мне и с быстротою птицы пролетело вблизи меня. Прошло всего лишь полминуты, и пятно исчезло. Это было не что иное, как обыкновенный товарный вагон. Сам по себе он не представлял ничего особенного, но появление его одного, без локомотива, да еще ночью, меня озадачило. Откуда он мог взяться, и какие неведомые силы мчали его с невообразимой, поистине немислимой быстротой по рельсам?

Будь я с предрассудками, я решил бы, что этот вагон двигала какая-то таинственная, сверхъестественная сила, и пошел бы дальше, но теперь это явление было для меня решительно необъяснимо. Я не верил глазам своим и

путался в догадках точь-в-точь как муха в паутине, и вдруг я ощутил беспредельное одиночество, почувствовав, что я один как перст во всей окрестности, что ночь, которая казалась почти нелюдимой, исподтишка рассматривает мое лицо и караулит мои шаги; все звуки, птичий аккомпанемент, шорох и шепот деревьев казались уже зловещими предзнаменованиями, существующими только для того, чтобы пугать мое воображение...

414 слов

По А.Чехову

28.

Неожиданная встреча

Были по-летнему тихие вечерние сумерки. Малоезженная лесная дорога была сплошь покрыта свинцово-черными лужами от только что прошедшего дождя, и почва жалостно всхлипывала под ногами. Багровая заря напрямую сквозила через весь лес, придавая беломраморным стволам берез и темно-зеленой листве золотисто-розоватый оттенок. Я был утомлен и едва продвигался вперед.

Верстах в двенадцати от дома я неожиданно встретился с большой черной собакой. Пробегая мимо, пес как-то пристально, по-человечьи посмотрел на меня. «Хорошая собака, — подумал я, — чья она?»

Я оглянулся. Пес стоял шагах в одиннадцати, ни на секунду не отрывая глаз от меня. С полминуты мы исподтишка рассматривали друг друга, затем пес, вероятно польщенный моим вниманием, потихоньку приблизился ко мне и как ни в чем не бывало приветливо замахал хвостом. Я пошел дальше в глубь леса. Пес за мной. «Чья это собака? — спрашивал я себя. — Откуда она?» В нашей местности я знал всех помещиков-старожилов и знал их собак. Ни у одного из них не было такой. Откуда же мог взяться этот незнакомый мне пес здесь, в чащобе, на никем не хоженной дороге?

Я присел на пенек отдохнуть и начал рассматривать своего незваного спутника. Он тоже сел, поднял голову вверх и устремил на меня пристальный взор. Не знаю под влиянием ли обволакивающей тишины, движущихся вразнобой лесных теней, а возможно, шороха и шепота деревьев, или, может быть, из-за утомления, но от пристального взгляда обыкновенных собачьих глаз мне стало вдруг жутко. Я вспомнил про Фауста и его бульдога и про то, что чересчур нервные люди вследствие утомления бывают по временам подвержены галлюцинациям. Достаточно было этого, чтобы я быстро поднялся и пошел дальше. Собака тотчас же побежала вслед. «Пошла прочь!» — крикнул я. Псу, вероятно, понравился мой голос, потому что он весело подпрыгнул и побежал впереди меня. Тогда я еще раз прикрикнул на него. Пес оглянулся, пристально поглядел на меня и вновь весело замахал хвостом. Очевидно, его забавлял мой грозный тон. Мне бы следовало приласкать его, но, ввиду того, что фаустовский бульдог не выходил из моей головы, гнетущее чувство страха становилось все нестерпимее, как будто эта, как мне казалось, сверхъестественная собака может причинить мне зло. Я не выдержал и побежал.

Дома я застал гостя, приятеля-инженера, который, поздоровавшись, начал мне жаловаться, что, пока он ехал ко мне, заблудился в лесных зарослях, и у него отстала хорошая, дорогая собака.

373 слова

По А.П. Чехову

29.

Дорога у озера

Солнце, еще не остывшее, было близко к своему ночлегу, но невтерпеж было от жара и духоты. Накаленный воздух был почти неподвижен и чересчур сух, несмотря на то, что мощенная булыжником дорога проходила недалеко от громаднейшего озера. Справа видел я водную массу, слева ласкали мой взгляд миниатюрные, только что народившиеся листочки дубового леса, а между тем щеки мои переживали Сахару.

«Быть грозе!» — подумал я об освежающем холодном ливне.

Озеро потихоньку засыпало. Ни единым звуком не приветствовало оно моей лошади, летящей наподобие птицы, и лишь беспрестанный писк молодого кулика невпопад нарушал гробовое безмолвие неподвижного озера-великана. Над озером сплошь стались рваные клочья тумана. Солнце каждым своим лучом гляделось в него, как в большое зеркало, и заливало всю его беспредельную серебряно-свинцовую ширь от дороги до берега ослепительно ярким светом. Слепленным глазам казалось, что не что иное, как озеро, дает свой свет природе.

Зной исподволь вогнал в дремоту и жизнь, которую так богато озеро, и его ярко-зеленые берега. Не слышалось птичьего аккомпанемента, не плескалась рыба, безмолвствовали полевые кузнечики, и только по временам стрекотал сверчок. Пустынная равнина окружала окрестность. Лишь изредка моя Зорька вносила меня в густое облако прибрежных комаров, да вдали, в камышовых зарослях, едва-едва шевелились три черные лодчонки старика рыбака.

Я ехал не по прямой линии, а по геометрически правильной окружности, которую представляли собой берега круглого озера. В продолжение всего путешествия я, глядя на озеро, видел лишь противоположный глинистый берег, над которым белела полоса цветшего черешневого сада; из-за черешен виднелись небольшая, но красивая часовенка и церковь с золочеными куполами поверх дощатых крыш. У глинистого берега располагалась купальня с настезь открытыми дверями; на резных деревянных перилах сушились выстиранные простыни. Все это я видел, и мне казалось, что меня отделяет от моего приятеля-графа какая-нибудь верста, а между тем, чтобы добраться до графской усадьбы, мне нужно было проскакать одиннадцать верст.

297 слов

По А.П.Чехову

30.

В графском саду

Добравшись до усадьбы засветло, я встретил хозяина-графа в саду. Взобравшись на холм, мы увидели серебряное зеркало озера во всей пленительной шире и не поддающейся описанию красоте. Еще не заснувшее солнце уже не отражалось в нем; оно все больше клонилось к западу и оставило после себя лишь широкую багровую полосу, окрасившую окрестности в приятный розовато-желтый цвет. У наших ног расстилалась графская усадьба с ее белокаменным домом, деревянной церковью с позолоченными куполами, с великолепным, но неухоженным садом, а вдали, по ту сторону озера, серела деревенька. Свинцовая поверхность озера была по-прежнему совершенно неподвижна.

Графский сад, по которому мы гуляли, ввиду его поражающей роскоши достоин особого, специального описания. В ботаническом, хозяйственном и во многих других отношениях он гораздо грандиознее всех садов, какие я когда-нибудь видел. Кроме поэтических тенистых аллей с темно-зелеными сводами, вы найдете в нем все, чего только может потребовать взгляд прихотливого щеголя и балованного роскошной жизнью. Невдалеке виднеются всевозможные, местные и иностранные, фруктовые деревья, начиная с черешен и слив и кончая крупным, с гушиное яйцо, абрикосом. Шелковица, барбарис, французские бергамотовые деревья и даже греческая маслина погаданы попеременно.

Тут и полуразрушенные, исподволь зараставшие мхом гроты, кажущиеся издали стеклянными фонтаны, небольшие, но глубокие прудики, предназначенные для бесчисленных золотых рыбок и ручных карпов, тенистые некрашеные беседки, дорогие оранжереи... И эта редкая роскошь, кропотливо собранная руками дедов и отцов, это богатство больших, когда-то аккуратно выровненных клумб, источавших завораживающий аромат роз, поэтических гротов и бесконечных аллей было варварски заброшено и отдано во власть дикорастущим травам, воровскому топору и галкам, бесцеремонно вившим свои никак не вписывающиеся в чудесный пейзаж гнезда на редкостных деревьях! Законный владелец этого добра как ни в чем не бывало шел рядом со мной, и ни один мускул его лица не дрогнул при виде запущенности и кричащей человеческой неряшливости, словно он не был хозяином сада.

292 слова

31.

Буря на озере

Безветренный предьюльский день. В воздухе сплошной пеленой висит зной, от которого приклоняются к земле головки полевых цветов и сплошь покрывается трещинами песчаная почва. Чувствуется ничем не объяснимая тоска; так и хочешь, чтобы враз полетели вперегонки тучи, закрывая полнебосклона, подул резкий северо-западный ветер, началась ни с чем не сравнимая летняя гроза. Хочется, чтобы всплакнула природа и прогнала дождевой слезой свою гнетущую тоску.

Вероятно, действительно будет гроза. Уздали видно, как на западе потихоньку синеет и хмурится какая-то полоска. Добро пожаловать!

Ровная немощеная дорога располагалась неподалеку от гигантского озера. Громадная свинцовая туча, казалось, приблизилась уже вплотную; ее непроницаемый свод то и дело посередине пересекали огненные зигзаги молний. Вместе с тучей молниеносно налетел бешеный ветер, гул которого по временам перекрывали тяжелые удары грома. Озеро, как фантастическое водяное чудовище, наполняло своим сумасшедшим ревом все окрестности. Высокие волны с аккуратными белоснежными гребешками сплошь покрывали всю громадную поверхность бушующей воды. В воздухе стоял невообразимый гул. Холодный, сырой ветер, летящий без удержу, пронизывал меня насквозь. Слева возмущенно рокотало сердитое озеро, а справа несся монотонный шум сурового старика леса. Я чувствовал себя с природой один на один, как на очной ставке. Казалось, весь ее гнев, весь этот шум и рев предназначались исключительно для меня. При других обстоятельствах я, быть может, ощутил бы робость, но теперь я едва замечал окружавших меня старожил-богатырей. Что гнев природы был в сравнении с той бурей, которая исподволь закипала внутри меня?

Однако к вечеру разбушевавшаяся стихия мало-помалу стала успокаиваться. Освежающий дождь прекратился. Грозовая туча, по временам сверкая молниями и издавая отдаленное рокотание наподобие шума мчащегося поезда, спешила на северо-восток, все более и более приоткрывая темно-голубое звездное небо. Казалось, тяжело вооруженная сила, произведя опустошения и взяв страшную дань, стремительно уносила навстречу новым победам. Отставшие тучки изо всех сил спешили за ней, словно боялись не догнать. Природа получила обратно свой великолепный мир.

И этот чудесный мир чувствовался в ароматно-пряном воздухе, наполненном негой и птичьим аккомпанементом, среди которого явственно слышалось соловьиное шелканье. В молчанье спящего сада вкрадчиво пробиралась ночь, вступая в свои незыблемые права. Озаряя очистившийся небосклон, царственно всходила серебряная луна. Озеро проснулось после долгого освежающего сна и легким ворчаньем давало знать о себе человеческому слуху.

351 слово

По А.П.Чехову

32. Перед праздником

На Крещение в губернском городишке решено было устроить с благотворительной целью народное гулянье. Четко рассчитав, выбрали наиболее широкую часть местной речонки между рынком и некрашеной деревянной церквушкой с золочеными куполами, огородили ее канатом, елками и флажками и соорудили все, что необходимо для катанья на коньках, на санях и с гор. Праздник предполагался в возможно широких размерах. Выпущенные гигантские афиши обещали далеко не обычные удовольствия: громадный каток, залитый задолго до праздника, известный оркестр военной музыки, беспроигрышную лотерею. Но вся затея могла сорваться ввиду того, что на улице стоял тридцатиградусный мороз. Кроме того, незваным спутником этого мороза оказался сильный, насквозь пронизывающий ветер, вследствие чего находиться на улице более получаса представлялось почти невыносимым. Казалось, большего мороза уже быть не может. В такую погоду хорошо сидеть в теплой гостиной с тяжелыми парчовыми шторами, смотреть на пылающий в камине огонь, пить обжигающий чай с бисквитом и мечтать о счастье. Особенно ценишь домашний уют и тепло, когда на улице завывает сумасшедший ветер и от сильнейшего мороза даже дышать тяжело.

Подобная погода была и сейчас. Зима на улице была полноправной хозяйкой, и всем казалось, что все силы природы сговорились испортить праздник. Из-за такого разгула стихии гулянье хотели отложить, но не сделали этого только потому, что публика, долго и нетерпеливо ожидавшая гулянья, наотрез отказывалась разойтись и не соглашалась ни на какие отсрочки.

От мороза враз побелели деревья, лошади, бороды; казалось даже, сам воздух потихоньку потрескивал, не вынося такого жуткого холода, но, несмотря на это, тотчас же после водосвятия озябшая полиция была уже на катке, и ровно в одиннадцать часов утра военный оркестр взял первые аккорды.

259 слов

По А.П. Чехову

33. Размышления в саду

Сквозь скудный свет звезд просматривались немощеная дорога и исчезающие в потемках прибрежные камышовые заросли. Направо располагалась равнина, такая же пустынная и безграничная, как небо; далеко на ней вразнобой, вероятно, на торфяных болотах, горели тускло-желтые огоньки. Налево, параллельно дороге, тянулся холм, сплошь покрытый можжевельником, а над холмом, посередине небосклона, неподвижно стоял большой полумесяц, багрово-красный, слегка подернутый туманом и полувоздушными облачками-непоседами, которые, казалось, рассматривали его и стерегли, чтобы он не ушел.

Во всей природе чувствовалось что-то безнадежное, нездоровое; земля томила воспоминаниями о красавице весне и апатично дожидалась неизбежной зимы с ее незваными спутниками – снегопадами, морозами и метелями. Куда ни взглянешь, всюду природа представлялась темной, безгранично глубокой и холодной зимой, откуда, казалось, не выбраться ни мне, ни красному полумесяцу.

Я шел в раздумье. Мои мысли молниеносно сменяли одна другую. Я размышлял о том, как часто приходится в жизни встречаться с хорошими людьми и как жаль, что от этих встреч зачастую не остается ничего, помимо незабываемых воспоминаний. Бывает так, что на горизонте мелькнут журавли, несильный ветерок донесет их жалобно-восторженный крик, а через минуту, как ни глядишься в даль, неясную и туманную, не увидишь ни точки, не услышишь ни единого звука – так точно люди с их непохожими на других лицами мелькают в жизни и утопают в нашем прошлом, не оставляя ничего больше, кроме ничтожных следов памяти. «В жизни поистине нет ничего дороже людей», – подумал я, потихоньку шагая к калитке.

В небольшом ухоженном саду, озаренном серебряным лунным светом, расположенном недалеко от двухэтажного дома с дощатой террасой, было тепло и безветренно. Пахло резедой, табаком и вразнобой растущими астрами, которые еще не успели отцвести на выровненных стариком садовником клумбах. Промежутки между кустами и стволами деревьев были наполнены туманом, негустым, неживым, стлавшимся по земле наподобие ковра, пропитанного насквозь каждым лунным лучом, и, что надолго осталось в моей памяти, клочья тумана, похожие как две капли воды на привидения, тихо, но заметно для глаза брели вперевалку по тенистой аллее навстречу мне. Полумесяц, из багрово-красного превратившийся в ярко-желтый, казалось,

занимал полнебосклона. По временам куда-то на восток врассыпную неслись прозрачные туманные пятна. Весь мир, казалось, состоял только из черных силуэтов и бродивших вразбивку серовато-беловатых теней, а Огнев, наблюдавший туман в лунный осенний вечер чуть ли не впервые в жизни, думал, что он видит отнюдь не природу, а декорацию, где неумелые пиротехники, желая осветить сад белым бенгальским огнем, засели под кусты и повсюду напустили белого дыма.

386 слов

По А.П. Чехову

34.

Вечер

Было полшестого вечера. Над просекой сгустились белоснежные, точно опушенные инеем облака с бледно-розовой каймой, из-под которых кое-где как бы исподтишка проглядывал ярко-голубой клочок неба. Облака стояли совершенно неподвижно, как будто зацепившись за верхушки рощ. Было безветренно и душно.

Мы размышляли о скуке в течение получаса, пока сквозь никем не мытые, отливавшие радугой оконные стекла не обратили внимание на незаметную на первый взгляд перемену: петух, стоявший невдалеке от ворот на куче прошлогодней полусгнившей листвы и поднимавший то одну ногу, то другую (ему хотелось поднять обе ноги разом), вдруг встрепенулся и, как ужаленный, тотчас же стремглав бросился от ворот в сторону.

Мы вышли на прогулку и пошли по немощеной песчаной дороге. Теперь уже деревья не заслоняли простора, и отчетливо просматривались и небо, и даль вплоть до линии горизонта. Точно прикрытая вуалью, природа потихоньку пряталась за полупрозрачную матовую дымку, сквозь которую проглядывала ее безыскусственная красота; туман, что погуще и побелее, неравномерно ложился поближе к зарослям можжевельника или клочьями стлался по выровненной дороге, прижимался к земле и как будто старался не заслонять собой окрестность. Сквозь дымку просматривалась пустынная равнина. В полуверсте от палисадника темнела темно-зеленая полоса леса.

Мало-помалу, почти незаметно, как-то исподволь опустилась тихая августовская ночь, царственно вступая в свои незыблемые права. Туман, освещенный каждым лучом серебряной луны, по временам производил впечатление то беспредельного моря, оглашающего все вокруг шепотом и шорохом волн, то гигантской беломраморной стены. В воздухе сыро и холодно, вследствие чего находиться на улице очень неудобно. Неподалеку виднеется старый заброшенный дом с полуразрушенной дощатой террасой и настежь распахнутыми окнами. Даже в самые яркие весенние дни этот дом кажется полуприкрытым чересчур густой тенью, а в светлые лунные ночи, когда деревья и небольшие, издали кажущиеся миниатюрными домишки, слившись в одну сплошную тень, погружены в умиротворяющий сон, он один как-то нелепо и некстати, каким-то давящим каменным старожил-великаном высится над роскошным пейзажем, портит общую гармонию и бодрствует, как будто не может отделаться от тяжелых воспоминаний о прошедших непрощенных грехах.

314 слов

По А.П. Чехову

35. Охотники

Беседуя, охотники мало-помалу приближаются к лесу, где их ждут малохоженные тропинки, незнакомые на первый взгляд растения и множество незабываемых впечатлений. Еще не уснувшее солнце бесшумно скользит по линии горизонта на западе и потихоньку садится, оставляя после себя багряную, как пожарное зарево, полосу, перерезанную кое-где по-осеннему темными облаками; цвет этих облаков не поймешь: кайма их красна, но сами они то серовато-розоватые, то бледно-лиловые, то пепельные. Вдали, где последний видимый холм сплошь сливается с туманом, ничто не шевелится: уже не слышно птичьего аккомпанеента, умолкли кузнечики, даже шорох деревьев не нарушает величественной лесной тишины. Сторожевые и могильные курганы, кое-где возвышающиеся над горизонтом и безграничной пустынной равниной, суровы и очень не приветливы. В их неподвижности и беззвучии чувствуются века и абсолютное равнодушие к человеку: пройдет еще тысячелетие, умрут миллиарды людей, а они испокон веку будут стоять, как всегда стояли, нимало не сожалея об умерших, не интересуясь живыми, и ни одна душа не будет знать, зачем они стоят, отчего так беззвучны и какую нераскрытую тайну прячут в глубине своих недр.

В чащобе леса между густыми ветвями елей и в зарослях орешника темно, и в воздухе ясно вырисовываются только крайние, обращенные к солнцу ветки с их опушенными миниатюрными волосками почками и лоснящейся корой. Слышится запах подтаявшего снега и полусгнивших листьев. Безветренно, ничто не шевелится. Издали доносится утихающий крик грачей. Проснувшиеся грачи в одиночку летают над землей. Ни в ленивом полете этих долговечных птиц, ни в вечере, который повторяется аккуратно каждые сутки, ни в беспредельной безграничности степи, живущей своей, никому не понятной жизнью, – ни в чем не видно смысла.

Гигантская тень движется слева и понемногу заволакивает землю. Наступают вечерние сумерки. Если взглянуть направо, то сквозь кусты и стволы деревьев видны багровые пятна зари. Тихо и сыро...

Внезапно слышится легкое потрескивание. Охотники многозначительно переглядываются и, переговариваясь вполголоса, почти шепотом сообщают друг другу, что это пустяки, трещит сучок или кора. Вечерняя тень все растет, багряные пятна мало-помалу тускнеют, и сырость становится очень неприятной. В течение получаса почти неподвижно стоят охотники, но ничего они не слышат и не видят. В продолжение всего этого вечера слух их

предельно напряжен, и каждое мгновение ждут они, что вот-вот пронесется в воздухе тонкий свист, послышится торопливое карканье наподобие кашля осипшего детского горла, беспорядочное хлопанье крыльев.

360 слов

По А.П. Чехову

36. Пастух-философ

Утро было нехорошее, на редкость пасмурное. С деревьев, сплошь окутанных легким туманом, и с папоротника, как с аккуратно сотканного кружева, по временам срывались крупные тяжелые брызги; лесная сырость издавала острый, никому не приятный запах.

Впереди, где кончалась чащоба, росли березы, а сквозь их беломраморные стволы и слегка покачивающиеся ветви что-то непонятное серело в дали, неясной и туманной. Кто-то за березами как бы нехотя играл на пастушеской свирели. Никому не известный музыкант брал не более пяти-шести нот, лениво тянул их, не стараясь придать своей музыке хоть какой-то мотив, однако в этих аккордах слышалось что-то грустное, чересчур тоскливое.

Когда чаща поредела и елки вскорости сменились молодой березой, мы увидели стадо. Спутанные лошади, коровы и овцы вразбивку бродили между кустов и, кое-где потрескивая сучьем, обнюхивали дикорастущие травы. На опушке, прислонившись к вымокшей березке, расположился незнакомый нам старик пастух. Он глядел в землю, о чем-то напряженно размышлял и играл на свирели, по-видимому, машинально. Старик пытался припомнить хоть одно место в природе, которого еще не коснулась бы всеохватывающая гибель. По разорванным ключьям тумана и косым дождевым полосам, как по матовым стеклам, вразнобой заскользили светлые пятна, тотчас же угасая, — это восходившее солнце понемногу старалось пробиться только что народившимся своим лучом сквозь тяжелые, по-осеннему темно-серые облака.

Попрощавшись с пастухом-философом, мы потихоньку побрели по опушке, а потом вниз по лугу, который постепенно переходил в болотистую местность. Под ногами беспрестанно всхлипывала вода, и ржавая осока, все еще ярко-зеленая и сочная, приклонялась к земле, как бы боясь, что ее растопчут. За болотом на берегу небольшой, но быстрой речонки, о которой говорил старик, произрастали ивы, а за ивами в тумане темнел неокрашенный деревянный дом с настежь распахнутыми ставнями, окруженный небольшим, но ухоженным палисадником. Чувствовалась близость того несчастного, непредотвратимого времени, когда поля становятся темны, земля не одета и холодна, когда плакучая ива кажется еще печальнее и по стволу ее катятся непрошенные слезы, и лишь одни журавли уходят от общей беды, да и те, точно боясь оскорбить унылую природу выражением своего счастья, вразнобой оглашают полнебосклона грустной, тоскливой песней.

Мы шли к реке и слушали, как позади нас мало-помалу замирал аккомпанемент свирели. Печально смотрели мы по сторонам, и становилось нестерпимо жаль и небо, и землю, и солнце, и лес, а, когда самая высокая нотка свирели пронеслась протяжно в воздухе и задрожала точь-в-точь как голос плачущего человека, нам стало горько и обидно на непорядок, который замечался в природе.

384 слова

По А.П. Чехову

37.

Наступление осени

Утро наступало быстро, прямо-таки стремительно. Месяц вмиг побледнел и слился с мутно-серым небом, по-осеннему тяжелые, совершенно неприглядные облака приобрели какой-то пепельно-желтый цвет; звезды, горевшие всю ночь наподобие миниатюрных фонариков, потухли как-то одновременно, но восток все еще был неприветлив и холоден, такого же цвета, как и все небо, вследствие чего не верилось, что за ним пряталось солнце.

Холод утра и угрюмость почтальона сообщились мало-помалу и озябшему студенту-философу. Он апатично глядел на природу, нетерпеливо дожидаясь животворящего солнечного тепла и думая только о том, как, должно быть, жутко и противно уже не одетым деревьям и покорно приклонившимся к земле дикорастущим растениям переживать эти неуютные холодные ночи. Солнце взошло мутное, еще не проснувшееся, не теплое, как предполагалось, а на редкость холодное, какого-то никому не понятного цвета. Верхушки деревьев не были позолоченными, как обычно, от восходящего солнца, даже не пытавшегося одарить вымокшую за ночь землю хоть одним своим лучом, и в полете сонных птиц не заметно было радости. Каков был холод ночью, таким он остался и при солнце...

Исподволь, потихоньку, как-то незаметно воцарялась осень. Наступивший день, пожалуй, впервые говорил о неотвратимом приближении непрошеной гостни. Тяжелые, неуклюжие свинцово-серые облака стлались по всему небу; дул холодный, насквозь пронизывающий ветер, и деревья с жалобным плачем сгибались все в одну сторону, вследствие чего сорвалось и полетело вдаль несколько желтых листочков. Прощай, лето! Эта тоска природы, если взглянуть на нее оком художника, в своем роде прекрасна и поэтична. В сумрачном осеннем воздухе, как бы оттеня ветреный день, носятся разнородные звуки: лай небольшой, но вьедливой собачонки, неясное бормотанье человеческих голосов, суетливая, беспокойная беготня, поскрипывание настезь раскрытых ставень, чеканный топот верховой лошади. Однако это все искусственный, человеком созданный шум. У природы же собственные, ни на что не похожие звуки: таинственный шорох деревьев, похожий на приглушенный шепот, веселый птичий аккомпанемент, непрерывная возня насекомых в траве. К сожалению, все это чудесное многообразие мало-помалу прекращалось, покидало нас, оставаясь в пределах солнечного лета. Мы же понемногу вступали в полосу ненастной осени с ее

затяжными дождями, неизбежными утренними заморозками и постепенным замиранием жизни.

328 слов

По А.П. Чехову

38. Побег

Это была длинная процедура. Сначала Пашка, отнюдь не балованный веснушчатый мальчонка-сорванец, шел с матерью под дождем то по мощенной булыжником дороге, то по аккуратно скошенному полю, то по малохоженным лесным тропинкам, где к его сапогам прилипали желтые листья. Затем он в течение полутора часов стоял в темных сенях и ждал, пока раскроется дверь. Когда сени мало-помалу заполнились народом, стиснутый Пашка припал лицом к чьему-то плащу, от которого пахло вяленной на солнце рыбой, и потихоньку задремал. Но вот щелкнула задвижка, дверь настежь распахнулась, и Пашка с матерью вошел в приемную. Доктор осмотрел мальчика и сказал матери, что его нужно-таки оставить в больнице. Пашка исподлобья посмотрел на мать.

— Оставайся, сыночек! — сказала та.

— Остается, остается! — весело закричал доктор. — И рассуждать не о чем. Я ему живую лисицу покажу! Поедем вместе на ярмарку леденцы покупать.

Незнакомый мальчику доктор, по-видимому, веселый, приветливый и покладистый человек, рад был компании; Пашке захотелось сделать ему приятное, тем более что он не бывал на ярмарке и охотно бы поглядел на живую лисицу, однако как обойтись без матери?

Пашка удобно расположился в палате со свежевыкрашенными стенами и стеклянными дверями, переоделся и пошел обедать. Дотемна мальчонка путешествовал по больнице, но, когда стемнело, ему вдруг стало невыносимо тоскливо и в то же время жутко. Пашка, не разбирая дверей, сломя голову бросился в коридор, молниеносно пробежал через приемную, в которой сидел с утра, и стал искать выход. Задвижка щелкнула, насквозь пронизывающий ветер вмиг оказался в помещении, и Пашка, спотыкаясь, стремглав выбежал во двор. Дорога ему была совершенно неизвестна, но он был уверен, что если побежит, то непременно очутится в доме у матери. Ночь была пасмурная, ненастная, но из-за темно-свинцовых туч как-то исподтишка выглядывала серебряная луна. Отчаянный мальчишка обогнул сарай и наткнулся на заросли можжевельника. Пробегая невдалеке от больничных строений, он увидел лишь одно ярко освещенное окно.

Багрово-красное пятно, светившееся неподалеку, в потемках казалось жутким, каким-то сверхъестественным, но Пашка, обезумевший от страха, не знавший, как быть, повернул к нему и побежал по песчаной дорожке по направлению к небольшому флигелю с террасой.

Рядом с окном располагалось дощатое крыльцо со ступенями и деревянная некрашеная дверь с белой дощечкой; Пашка враз очутился на ступенях, заглянул в полуприкрытое ставнями окно, и острая, захватывающая радость враз овладела им. В гостиной сидел не кто иной, как доктор-весельчак, при свете масляной лампы читавший книгу в роскошном кожаном переплете.

Когда Пашка пришел в себя, было уже светло, и очень знакомый голос, обещавший накануне ярмарку, чижей и лисицу, ласково журил его.

401 слово

По А.П. Чехову

39.

Беглецы

В семье Королёвых поджидали Володю, мальчика-гимназиста, который вот-вот должен был приехать домой на рождественские каникулы. И вот наконец послышался чеканный стук копыт, и к дощатому крыльцу подъехали сани. Мать и тетка бросились обнимать и целовать Володю, сестры подняли визг, раскрытые настежь двери скрипели, хлопали, а отец мальчонки вмиг выбежал на улицу и закричал испуганно: «А мы тебя еще вчера ждали. Хорошо доехал?»

Все враз смешалось в сплошной радостный звук, продолжавшийся в течение десяти-одиннадцати минут. Когда первый порыв радости прошел, Королёвы заметили, что в прихожей находится еще один веснушчатый мальчишка. Тут Володя спохватился: «Это мой друг Коля Чечевицын, ученик второго класса. Я пригласил его погостить у нас».

Полчаса спустя мальчики, мало-помалу растирая озябшие щеки, ошеломленные чересчур шумной встречей, сидели за большим деревянным столом в гостиной, украшенной миниатюрами в позолоченных рамках, и пили чай. Зимнее солнышко, исподтишка пробираясь сквозь узоры на окнах, дотягивалось одиноким лучом к золоченому самовару. В помещении было домашнему уютно и тепло, и ребята чувствовали, как в их замерзших телах, не уступая друг другу, щекотались тепло и мороз.

В продолжение вечера слышался непрерывный шепот, мальчики вели себя очень необычно. И обе старшие девочки, Катенька и Зочка, стали наперерыв следить за друзьями. Вечером, когда мальчики ложились спать, сестры подкрались к приоткрытой двери и потихоньку подслушали их разговор. О, что они узнали! Мальчики собирались бежать в Америку добывать золото; у них для дороги все уже было готово: в холщовый мешок они сложили припрятанную заранее банку тушенки, черный хлеб, копченую колбасу, вяленную на солнце рыбу, две плитки шоколада и жареного цыпленка. Здесь же нашлось место мотку бечевки, щетке с серебряной

ручкой, увеличительному стеклу для добывания огня, компасу и двенадцати рублям. Кроме того, Володя нашел в кладовой две пары непромокаемых сапог и плащ. Девочки узнали, что друзьям придется пройти пешком несколько тысяч верст, а по дороге сражаться с тиграми и дикарями, затем добывать золото и слоновую кость, безжалостно убивать врагов, поступить в морские разбойники, пить джин и в конце концов жениться на красавицах и обрабатывать плантации. Чечевицын вполголоса хвалил Америку, рычал точь-в-точь как тигр, гудел наподобие парохода. Сестры решили ничего не говорить родителям, надеясь получить в подарок золото и слоновую кость.

На следующий день обнаружилось, что мальчики пропали. Разыскали их в близлежащем городке.

390 слов

По А.П. Чехову

40. Июньское утро

Было восхитительное июньское утро. Небо было удивительно красиво: по ярко-голубому простору беспредельной небесной равнины вразной проплывали по-летнему полувоздушные облачка-непоседы с беловатозеленой каймой. Солнце отражалось в серебряном зеркале небольшой, но глубокой речонки, потихоньку скользая своими лучами по росистой траве в тенистых зарослях. Река и зелень, казалось, были сплошь осыпаны драгоценными бриллиантами. Птицы пели совсем как по нотам. Мы шли по песчаной аллейке и вполголоса беседовали под радостный птичий аккомпанемент, полной грудью вдыхая в себя чудесные ароматы июньского утра. Деревья представлялись одушевленными, и нам казалось, что в их шорохе слышится приглушенный шепот.

Погода вначале была великолепная, однако на обратном пути послышались отдаленные раскаты грома, и мы увидели несколько сердитых туч, которые молниеносно мчались навстречу нам. На их фоне отчетливо белели наш неокрашенный дом с дощатой террасой и деревянная церковь с золоченым куполом и невысокой колокольней. Пахло дождем и еще не кошенными дикорастущими травами. Мой неожиданный спутник был в ударе. Он много смеялся и говорил, что было бы недурно, если бы на пути нам вдруг встретился какой-нибудь сверхъестественный средневековый замок с зубчатыми башенками, подъемным мостом, с привидениями и совами; чтобы мы спрятались туда от дождя и встретили там красавицу девушку, хозяйку фантастического замка, которой бы угрожала какая-нибудь опасность. Конечно же, в его фантазиях мы являлись избавителями прекрасной девушки, но прежде нам предстояло сразиться с ужасным чудовищем.

Но вот по неубранной ржи и по овсяному полю пробежала первая волна, вмиг поднялся бешеный ветер, и в воздухе закружилась пыль, точно песчинки мчались вперегонки, стремясь поскорее подняться ввысь. Мы, отбросив прочь фантазии, второпях прищипорили лошадей. Этот вихрь и быстрая езда, когда задыхаешься и чувствуешь себя поистине птицей, волнуют и щекочут

чувства. Когда мы въехали в наш двор, ветра уже не было, но начавшийся недавно дождь еще не прекратился. Тяжелые капли дождя поочередно стучали по траве, отталкиваясь от крыш, покрытых ярко-красной черепицей. Около конюшен не было ни души.

303 слова

По А.П. Чехову

41. По дороге к соседу

В поле было безветренно и нестерпимо душно, как будто природа истомилась и с нетерпением ожидала дождя. В лесу парило, и шел душистый тяжелый запах от сосен и полусгнившей листвы. Петр Михайлович по временам останавливался и вытирал вымокший лоб. Он осмотрел свои озимые и яровые, обошел клеверное поле и раза два согнал на опушке куропатку с цыплятами; и все время он размышлял о том, что это совершенно невыносимое состояние не может продолжаться беспрерывно и что оно во что бы то ни стало должно поскорее закончиться. «Что же делать?» — спрашивал он себя и умоляюще поглядывал на небо и на деревья, как бы прося у них помощи. Однако деревья и небо безмолвствовали и словно не желали участвовать в решении проблем Петра Михайловича.

Было жарко. Низко над землей стояло несколько туч тонко визжащих комаров, и в пустырях жалостно плакали чибисы. Весь этот аккомпанемент предвещал дождь, но на небе не было ни единого облачка. Петр Михайлович ехал вначале межой, а затем поскакал по еще не кошенному лугу, наполненному чудесным ароматом темно-синих васильков, ромашек, напоминающих солнышко, светло-сиреневых колокольчиков, приклонивших свои головки к земле, — всех дикорастущих растений. Незаметно, находясь в раздумье, он выехал на неширокую песчаную дорогу, вьющуюся точь-в-точь как змея и стремительно убегаящую вдаль. Он часто ездил по этой дороге и знал на ней каждый кустик, каждую ямку. То, что маячило невдалеке, теперь, в сумерках, представлялось темным утесом, была красная церковь; он мог припомнить ее всю до мелочей: и деревянное крыльцо, и дощатую крышу с позолоченным крестом и недавно окрашенными куполами, даже штукатурку на воротах. Петру Михайловичу вспомнился также и бычок, который всегда пасся посередине церковного лужка. В полуверсте от церкви темнеют верхушки рощ, а издали виднеется уже земля помещика-соседа.

Когда Петр Михайлович ехал через рощицу, напрямик, слышались отдаленные раскаты грома. Под напором внезапно налетевшего бешеного

ветра деревья шумели и сгибались почти вполювину. Надо было торопиться. От рощи до усадьбы приятеля-помещика оставалось еще ехать в течение пятнадцати-двадцати минут. Здесь по обе стороны дороги бок о бок росли старые березы. Они были так же печальны и несчастны на вид, как их хозяин. В березах и в траве слышался шорох крупных тяжелых капель дождя; ветер тотчас же стих, и запахло мокрой землей и растущим вдали серебряным тополем. Наконец показалась изгородь с желтой акацией, окружающая старинный дом с беломраморными колоннами; в настежь распахнутую калитку был виден неухоженный фруктовый сад с аккуратно выровненными тенистыми аллеями.

390 слов

По А.П. Чехову

42.

В Венеции

Когда в позапрошлом году мы путешествовали по Италии (мы остановились в прекрасной, поистине сказочной Венеции), я слегка простудился и приболел.

Ночью мне было неуютно, немного больно и скучно, но днем я упивался жизнью, счастливой и беззаботной, — лучшего выражения не придумаешь. Яркое-оранжевое раскаленное солнце, занимающее полнеба, бьющее в настежь раскрытые окна и в дверь на балконе, крики внизу, плеск весел, переливчатый звон колоколов, раскатистый гром лушки в полдень и чувство абсолютной свободы делали со мной чудеса: я ощущал на своих боках белоснежные мощные крылья, способные унести меня в высь небесную. А как радостно становится на душе, когда отчетливо сознаешь, что рядом находится любящий тебя человек. Даже болеть приятно, когда знаешь, что есть люди, которые заботятся о твоем выздоровлении и ждут его совсем как праздника.

Когда приблизился вечер и жара мало-помалу ослабела, я вышел на балкон. Солнце, уже не воинственное, как в полдень, а ласковое и приветливое, несильный ветерок, прилетевший с беспредельной морской равнины, потихоньку нежат и балуют меня. Я смотрю вниз на давно знакомые гондолы, которые плывут с женственной грацией, плавно и величаво, как будто живут и чувствуют всю роскошную изысканность этой оригинальной, обаятельной культуры. До меня доносятся ароматы соленых морских испарений. Где-то невдалеке поют в два голоса под аккомпанемент гитары. Как хорошо! Как не похоже на ту ненастную петербургскую ночь, когда шел мокрый снег, прикрывая улицы гигантским белоснежным пологом, которому предстояло вскоре утратить свою великолепную белизну и превратиться в сплошное мутно-серое месиво. Снег вперемешку с дождем так грубо хлестал по лицу, что, сколько ни отворачивайся, все-таки вымокнешь насквозь. Бывает погода, когда зима, словно всерьез рассердившись на человеческую немощь, призывает к себе на помощь суровую ненастную осень и работает с нею сообща. В беспросветном, свинцово-туманном воздухе одновременно

кружатся снег и дождь. Ветер, сырой, холодный, пронизывающий, с неистойвой злобой стучит в окна, стеклянные двери, жутко воет в печных трубах наподобие какой-то сверхъестественной силы и плачет навзрыд в вентиляции. В темном, как сажа, воздухе, потихоньку, исподволь зарождается ничем не объяснимая тоска и подолгу висит в пространстве. Природу мутит. Сыро, холодно и очень неуютно.

333 слова

По А.П. Чехову

43. Воспоминания об Италии

Не так давно, путешествуя по Италии, я обратил внимание на чудесное, ни с чем не сравнимое южное море, совершенно непохожее на угрюмо-сердитые северные моря, подавляющие своей унылой величественностью.

Если взглянуть напрямую через канал, то отчетливо просматривается песчаная коса на взморье и на горизонте виднеется безграничная равнина моря нежно-зеленоватого, отчасти сиреневого цвета. Солнышко каждым своим лучом старается искупаться в этом беспредельном водном просторе, блестящем ослепительно ярко, вследствие чего становится больно смотреть. Гармония цвета, света и звуков порождает воображение. Тянет душу туда, к приветливому морю, хочется услышать шорох и шепот волн, полюбоваться на гонящихся наперегонки дельфинов, и все это вместе наполняет душу невыразимой радостью абсолютного слияния с этой роскошной природой. Жить хочется! Жить – и больше ничего!

Безветренным вечером мы поехали кататься. Помнится, наша черная гондола потихоньку качается на одном месте, под ней чуть слышно хлопает вода. По всей гондой поверхности попеременно дрожат и колышутся серебряные отражения звезд, как будто нарисованных на небосклоне никому не известным художником, и прибрежных огней. Невдалеке от нас в гондоле, сплошь увешанной разноцветными фонарями, которые вразнобой качаются на ходу, сидят какие-то люди и распевают мелодичные итальянские песни. Аккомпанемент гитар, скрипок, мужские и женские голоса напереерыв раздаются в густых иссиня-черных потемках, и мы, переполненные восторгом этой чудесной летней ночи, тоже подпеваем им.

Все это теперь лишь приятные воспоминания. Наступила осень, такая же сырая, грязная и ненастная, как и прошлогодняя. На дворе стояло унылое, словно заплаканная барышня, грустное утро, способное довести неуравновешенного человека до приступа сумасшествия. Темно-серые, точно грязью вымазанные облака сплошную заволкли небо и своей неподвижностью наводили непреодолимую тоску. Казалось, солнце прекратило свое существование и больше не сможет странствовать по небосклону; оно в продолжение целой недели ни разу не озарило землю, как бы боясь испачкать свои золотисто-желтые лучи в этой непроходимой грязи.

Сегодня пасмурный полдень, я стою у окна и молча гляжу на стаи свинцово-черных туч, которые понемногу движутся с запада, и жду, что вот-вот хлынет дождь, не такой, как летом, освежающий, животворящий, а по-осеннему холодный и затяжной. Мне тотчас же становится особенно грустно, когда густая полоса дождя наподобие темно-серой шелковой ткани сплошь закрывает все пространство вплоть до линии горизонта.

345 слов

По А.П. Чехову

44. Воплотившаяся легенда

Легенда эта не отличается ясностью, а скорее, наоборот, преисполнена таинственности. Тысячу лет тому назад никому не известный монах, одетый в черное, шел по пустыне, где-то в Сирии или Аравии. За полмили от того места, где он шел, рыбаки-старожилы видели другого черного монаха, который потихоньку двигался по серебряной поверхности озера. Этот второй монах был миражом. Теперь забудьте все законы оптики, которых легенда, кажется, не признает, и слушайте дальше. От миража получился другой мираж, потом от другого третий, вследствие чего образ черного монаха стал бесконечно передаваться из одного слоя атмосферы в другой. Его видели то в Африке, то в Испании, то в Индии, то на Дальнем Севере. Затем он вышел из пределов земной атмосферы и теперь блуждает по всей Вселенной, все никак не попадая в те условия, при которых он мог бы померкнуть. Быть может, он видим теперь где-нибудь на Марсе или на какой-нибудь неизвестной людям звезде Южного Креста. Но самая суть легенды заключается в том, что ровно через тысячу лет после того, как монах шел по пустынной равнине, мираж снова попадет в атмосферу и втайне покажется людям. И как будто это тысячелетие уже на исходе.

По малохоженой тропинке, извивавшейся наподобие змеи неподалеку от воды, я спустился вниз к реке. Угрюмые сосны кое-где еще озаряло последним своим лучом заходящее солнце, но на гладкой, точно выровненной поверхности реки вечер уже вступил в свои неотъемлемые права. Я перешел по неширокому, но длинному мостку на другой берег. Передо мной теперь стлалось широкое поле, покрытое молодой, еще не цветущей рожью. Ни человеческого жилья, ни единой живой души вдали; кажется, что тропинка, если пойти по ней, непременно приведет в то самое незнакомое мне место, куда только что мало-помалу опустилось солнце и где так величественно пламенеет красновато-багровая заря.

Но вот по ржи вперегонки пробежали волны, она зашумела, и сзади послышался глухой шорох дикорастущих трав, отчасти напоминающий чей-то приглушенный шепот. Я остановился в изумлении. На горизонте, точно вихрь или смерч, поднимался ввысь гигантский черный столб. Контур его были неясны, но в первое же мгновение можно было понять, что он не стоял

на месте, а двигался с невероятной быстротой напрямую ко мне, и чем ближе он продвигался, тем становился все меньше и отчетливее. Передо мной стоял седой монах в черной одежде. Босые ноги его не касались земли. Монах оглянулся на меня и улыбнулся ласково, но в то же время лукаво. Опять начиная расти, он пролетел через речонку, неслышно ударился о глинистый берег и тотчас же исчез точь-в-точь как дым.

Потрясенный увиденным, я неспешно возвращался домой. Потом еще долго я не мог прийти в себя, так и не сумев объяснить этого фантастического, сверхъестественного явления.

425 слов

По А.П. Чехову

45.

В саду

В большом фруктовом саду, который назывался коммерческим и приносил Егору Саввичу ежегодно несколько тысяч дохода, стлался по земле черный, густой, едкий дым и, сплошь обволакивая деревья, поистине кстати спасал от будущего мороза эти тысячи. Деревья здесь росли в шашечном порядке, ряды их были правильны, точно построенные в шеренги солдаты, и эта строгая педантическая правильность, а также и то, что все деревья были абсолютно одинакового роста и имели аккуратно выровненные, похожие друг на друга как две капли воды кроны и стволы, делали картину несколько однообразной и отчасти скучной. Целое множество вишен, слив, черешен и яблонь, но весь сад сплошь утопал в дыму, как в ключьях густого молочно-белого тумана, и только неподалеку от оранжерей можно было вздохнуть полной грудью.

Вырвавшись из цепких объятий черного дыма, я принялся бродить по саду. Сначала ненадолго остановился у небольшого, но глубокого пруда с серебряной поверхностью, затем присел на некрашеную скамью, потом прошелся по парку, дойдя до речонки, я спустился вниз и здесь постоял в раздумье, беспрестанно глядя на почти неподвижную воду. В этот безветренный вечер не слышно было шепота угрюмых сосен с обнаженными корнями; они не шептались, а стояли неподвижные, но отнюдь не немые, как будто не узнавали окрестность. По недавно срубленному мостику я перешел на другой берег. Там, где в прошлом году произрастала рожь, теперь вразнобой лежал скошенный овес. Утомленное в течение дня солнце мало-помалу закатилось за линию горизонта, и невдалеке от этой линии полыхала широкая ярко-красная заря, предвещавшая на завтра ветреную погоду. Однако в этот вечер я еще мог наслаждаться тишиной и безветрием.

Гуляя по саду, вдыхая ароматы цветущих фруктовых деревьев, я поневоле возвращался мыслями в прошлое, отыскивая в их водовороте самые приятные моменты жизни. Теперь же, глядя на полыхающий закат, вместе с грядущим ненастьем предвещающий что-то таинственное, возможно, печальное, я устремился мыслями в будущее. Как странно влияет природа на человеческое воображение, каким-нибудь запахом или звуком вызывая порой

необъяснимые ассоциации! Как правило, нам кажется сверхъестественным и пугающим то, что невозможно объяснить, и лишь только мы понимаем суть природного явления, как тотчас же успокаиваемся.

331 слово

По А.П. Чехову

46.

Последний лицеист

Электричество, представлявшееся чем-то сверхъестественным, каким-то чудом, уже вовсю освещало парижские аллеи и улицы Берлина; люди понемногу привыкали к разговорам по телефону, казавшемуся ранее неосуществимой мечтой; по тяжелым металлическим рельсам потихоньку прополз первый в мире трамвай; Алеша Пешков служил поваренком на пароходе, а Феденька Шаляпин был подмастерьем сапожника; автомобиль, похожий на колымагу, готовился отфыркнуть в атмосферу пары бензина, служившего ранее лишь аптечным средством для выведения пятен на одежде, когда здесь, в душистой Ницце, доживал дряхлый старик, которому абсолютно не нужны были ни телефоны, ни трамваи, ни автомобили, — он был весь в прошлом. Сегодня, 18 октября, накануне дня лицейской годовщины, ему грезилось далекое, к сожалению, невозвратное:

Невидимо склоняясь и хмелея,
Мы близимся к закату своему,
Кому ж из нас под старость День Лицея
Торжествовать придется одному?

Их было двадцать девять юношей, вперегонки выбежавших на заре века в огромный и чарующий мир, — старик поочередно зажигал перед собой двадцать девять свечей, а затем в глубоком раздумье, сдерживая накатившуюся слезу, гасил их колышущееся пламя пальцами, совершенно не ощущая боли ожогов. Его деятельность издавна предполагалась вдали от Родины, и сейчас в пустынном одиночестве перед ним, по временам дымясь и мало-помалу оплывая воском, тихо догорала последняя свеча — свеча его жизни.

Этим неприметным на первый взгляд стариком был Александр Михайлович Горчаков, последний лицеист пушкинской плеяды, ставший впоследствии последним канцлером Российской империи.

Ницца жила на свой лад, веселясь как ни в чем не бывало, по-детски радуясь непонятым до сих достижением цивилизации и научно-технического прогресса, и абсолютно никому не было дела до одинокого старика канцлера. Вряд ли кто-то смог бы догадаться, что еще недавно этот интеллигентный человек, в прошлом балованный щеголь, в течение многих лет мудро

повелевал политикой могучей державы, исподволь стремясь к ее могуществу и процветанию, а к его словам чутко прислушивались кабинеты Берлина и Вены, Парижа и Лондона.

Последний лицеист закрыл глаза и потихоньку отошел в круг давно ушедших друзей, уже в продолжение долгого времени принадлежавших русской истории. Это случилось 27 февраля 1883 года, в то время, когда двадцатый век уже вплотную приблизился и понемногу отеснял век девятнадцатый. С Горчаковым простились, и он тоже стал незабываемой частью истории Российской империи.

345 слов

По В. Пикулю

47. Последний канцлер Российской империи

Испокон веку помня о народе как о решающей силе государства, не будем забывать и о роли личности в истории. За давностью лет одни герои прошлого были канонизированы, другие, наоборот, были беспощадно забыты. Еще более столетия назад историк Петр Бартенев с горечью констатировал: «Мы нестерпимо равнодушны к отечественной истории, да и ко всему на свете. Сколько безвозвратно погибло страниц, не озаренных никаким светом». Он абсолютно прав. Человечество, к сожалению, так устроено, что умеет многое забывать, не задумываясь ни на секунду о важнейшем значении для грядущих поколений хорошо сохранившихся исторических памятников. Задача истории как раз в обратном – вспоминать!

Светлейший князь Горчаков вниманием потомства ничуть не обижен. Историки дипломатии заново вникают в его дальновидные замыслы: он был крупнейшим политиком века, ему чересчур часто приходилось принимать жизненно важные для огромной страны решения. Историки литературы старательно просвечивают, выставляя напоказ его старомодную, на первый взгляд ничем не примечательную фигуру, на которую солнечным лучом исподволь ложились блики русской поэзии, — он начал жизнь дружбой с Пушкиным и закончил ее дружбой с Тютчевым.

В основе всех политических концепций Горчакова лежало самое необходимое во все времена – неустанная, ни на минуту не прекращающаяся борьба за мир. Канцлер был, пожалуй, самым страстным и убежденным борцом за сохранение мира в Европе и этим резко выделялся среди своих иностранных коллег, будучи далеко не всегда правильно понятым и заслуженно оцененным.

Борьба за мир началась не сегодня, и не завтра она завершится: эта борьба также имеет собственную великую историю протяженностью в тысячелетия. Еще в глубокой древности, потихоньку ступая босыми ногами по обжигающим золотисто-желтым песчаным пляжам Средиземноморья, писатели-философы в развеваемых несильным ветерком белоснежных одеждах рассуждали по-латыни о том, как уничтожить извечное, никому не нужное истребление человека человеком.

Горчаков пребывал в раздумье, мало-помалу вынашивая мысль о создании нерушимого международного объединения, которое, обладая обширными юрисдикциями, сделалось бы залогом сохранения всеобщего мира и сокращения всех видов вооружения. Этот проект был положен в основу созыва знаменитых мирных конференций в Гааге, которые и явились предзнаменованием возникновения Организации Объединенных Наций. Невольно вспоминается высказывание Гёте: «Ничто не исчезает из старого – все развивается, и новая жизнь наплывает на старые обломки».

А неподалеку от окраины Петербурга, на кладбище Троицко-Сергиевской лавры, тихая малохоженная тропинка приводит нас к могиле российского канцлера Горчакова.

359 слов

По В. Пикулю

48.

Писатель о себе

Зигзагообразная трасса моей несбыточной мечты пролегает неподалеку от покрытых черепицей крыш домов в моем городе; по временам прислушиваясь, как незаметно на первый взгляд набирают высоту серебрянокрылые самолеты, я в раздумье провожаю грустным взглядом багрово-красные вспышки фонарей и впервые в жизни пытаюсь рассказать о себе.

Моя биография отнюдь не исключение; просто я хочу сказать о себе нечто, что могу знать только я сам, и никто другой. Благожелательные критики вперевод пытались откликнуться на мою литературную судьбу, наперерыв сообщая читателям, что «у Пикуля нет законченного образования – ни исторического, ни филологического». Между тем жизнь сложилась так, что я навсегда остался писателем-самоучкой, и виной тому – война! Война, впервые давшая толчок к размышлениям, рассуждениям над поступками людей. Война, которой я поистине без остатка посвятил свою тяжелую юность, оказался весьма несговорчивым экзаменатором, а 9 Мая 1945 года я считаю как об дием получения диплома: самый трудный экзамен был сдан! День Победы стал для меня переломным этапом: я навсегда распрощался с юными годами и вплотную подошел к той взрослой жизни, когда не что иное, как время, оказывается худшим из врагов.

Колоссальное влияние на меня как на литератора оказала русская классическая живопись. Музеи исподволь научили меня многое понимать, а картины вдвойне обострили мое восприятие окружающего и зачастую непонятного мне мира. Пожалуй, мне самому кажется абсолютно неясным, как бы я писал свои исторические романы, не пережив множества восторгов над роскошными полотнами недавнего прошлого. Я умышленно остановился на этом виде искусства и снова подчеркиваю, что живопись совершенно неразрывно связана с литературой, а пишущему об истории просто немислимо пройти, не приметив картин старой русской жизни.

Из старых писателей я сохранил давнюю прочную дружбу к Герцену, Салтыкову-Щедрину и Глебу Успенскому, которых частенько перечитываю;

из советских романистов высоко ставлю непохожего на других Александра Малышкина, которого Максим Горький назвал «совестью нашей литературы». Так писать, как написаны Малышкиным романы «Севастополь», «Люди из захолустья», – это для меня пока что недостижимая мечта...

306 слов

По В. Пикулю

49.

Размышления об историческом романе

Роль исторической романистики в развитии народа читающего, и много читающего, каким исстари является наш народ, – поистине колоссальна! Исторический роман призван в течение всей жизни воспитывать читателя в духе осмысленного патриотизма, поскольку нельзя быть патриотом сегодняшнего дня, не опираясь при этом на богатейшее, прямо-таки гигантское наследство наших предков. Знание прошлого Отечества незаметно на первый взгляд делает человека богаче духом, тверже характером и сильнее разумом. Не что иное, как история, воспитывает в нем незыблемое чувство национальной гордости. История требует от нас прежде всего уважения к себе, а культура народа всегда зависима от того, насколько народ ценит собственное прошлое и ориентируется в нем. Сопоставляя прошлое с настоящим и делая выводы на будущее, читатель должен знать, что наше государство не имело блаженных, ничем не омраченных времен, а жизнь русского народа в продолжение множества столетий была сопряжена с непрерывным преодолением неслыханных кризисов. Нам в удел достался никем непобедимый дух наших предков, испокон веку закаленных в тяжелых испытаниях и никогда не боровшихся в одиночку, вследствие чего мы выстояли летом 1941 года.

Мне хочется во что бы то ни стало охватить своими романами период с 1725 до 1825 года – от смерти Петра I вплоть до восстания декабристов. А из темной глубины семнадцатого века, как будто из мрачной пропасти, мне давно уже мерцает наподобие звезд, загадочно и притягательно, глаза несчастной царевны-мученицы Софьи.

Хочется выстроить на полке серию книг, чтобы читатель, прочтя их не вразнобой, а поочередно, мало-помалу сложил отчетливое представление о главных событиях целого столетия русской истории.

244 слова

По В. Пикулю

50.

Лягушонок

В полдень от горячих лучей по-весеннему приветливого солнца исподволь стал расплавляться снег. Пройдет два-три дня – и весна вовсю загудит: послышится шорох и шепот проснувшихся деревьев, а леса и множество рощ огласятся радостным птичьим аккомпанементом. В полдень

солнце так прогревает землю каждым лучом своим, что весь снег и вокруг нашего домика, и поодаль покрывается абсолютно неясной чёрной пылью. Мы думали, что осталась пыль от разжигаемого костра. Приблизив ладонь к этому грязному снегу, я остановился в изумлении: на сером снегу вмиг возникло белое пятно. Оказалось, что отнюдь не грязь и не копоть оставили свой след на белоснежной равнине, а миниатюрные жучки-прыгунки врассыпную разлетелись в разные стороны.

В полуденных лучах на какой-нибудь час или два оживают на снегу разные жучки, паучки, блошки; даже комарики, по временам тонко взвизгивая, вразнобой перелетают с места на место. Талая вода проникла в глубь снега, вследствие чего проснулся спящий на земле под пушистым снежным пологом маленький розовый лягушонок. Он выполз из-под снега наверх, решил по глупости, что началась настоящая весна, и потихоньку отправился путешествовать. Общеизвестно, куда направляются лягушки, — к небольшому, но быстрому ручью, а затем к болотцу.

Случилось, что в течение этой ночи как раз хорошо припорошило, и след путешественника был отчетливо виден. След вначале был прямой, аккуратный, лапка за лапкой к близлежащему болотцу. Вдруг почему-то след сбивается, как будто лягушонок мечется вперёд и назад, затем след становится похожим на запутанный клубок ниток.

Что случилось? Отчего лягушонок вдруг бросил свой прямой путь к болоту и пытался вернуться назад? Чтобы разгадать, распутать этот клубок, мы идём дальше и вот видим: сам лягушонок, маленький, розовый, лежит, растопырив безжизненные лапки. Всё становится понятным. Ночью мороз взялся за вожжи и так стал поддѣстывать, что лягушонок, пытаясь спастись, повернул к тёплому отверстию, из которого почуял весну.

Мы согревали лягушонка своим горячим дыханием в продолжение получаса — он всё-таки не оживал. Но мы догадались: налили тёплой воды в кастрюльку и мало-помалу стали погружать туда розовое тельце с растопыренными лапками. Вскоре наш лягушонок под воздействием животворящего тепла шевельнул лапками, понемногу ожил и вновь потянулся навстречу ласковому весеннему солнышку. Крепче натягивай свои вожжи, старик мороз, — с весной, неотвратимо вступающей в свои незыблемые права, ты больше не справишься!

Когда пробудились первые светло-сиреневые подснежники и на близлежащей речонке вздулся и почернел лед, мы выпустили нашего путешественника в то же болотце, куда он так настойчиво пробирался раньше времени.

380 слов

По М. Пришвину

51.

Выбор профессии

Когда мне было лет шесть с половиной, я совершенно не представлял, какую же профессию я в конце концов изберу. У меня тогда в голове была

ужасная путаница, я был чересчур растерянным и никак не мог решить, за что же мне все-таки приниматься.

То я хотел быть астрономом, чтобы не спать по ночам и любоваться голубоватыми, желтыми, багрово-красными звёздами, наблюдать в телескоп Млечный Путь и, может быть, повстречаться с инопланетянами, а то я мечтал сделаться капитаном дальнего плавания, путешествовать на белоснежном пароходе с развевающимся флагом и каким-нибудь мудреным названием, посетить далёкий Сингапур и приобрести там забавную обезьянку-озорницу. По временам мне даже снилось море, то ласково приветствующее меня шорохом волн, отчасти напоминающим приглушенный шепот, то бурное, темно-синего, почти черного оттенка, с гигантскими волнами. Иногда мне представлялось, что я стану водолазом, спущусь в глубь океана и разыщу там кованный жестью сундук, наполненный доверху серебряными монетами и драгоценными бриллиантами.

А то мне до смерти хотелось превратиться в машиниста метро, ходить в форменной фуражке и мчаться в электропоезде по темному многокилометровому тоннелю. Или у меня разгорался аппетит выучиться на такого художника, который рисует на асфальтированной поверхности аккуратные белоснежные полосы для летящих, как птицы, машин.

А то мне казалось, что очень неплохо было бы стать отважным путешественником, не боящимся никаких опасностей, и переплыть все океаны на небольшой свежевывкрашенной лодюнке, питаясь одной лишь сырой рыбой. Правда, знаменитый Алан Бомбар после своего путешествия похудел на двадцать семь килограммов, а я всего-то весил двадцать восемь, вследствие чего выходило, что если я тоже поплыву, как он, то мне худеть будет совершенно некуда. А вдруг я где-нибудь не поймаю одну-другую рыбку и похудею чуть побольше? Тогда я, по-видимому, мало-помалу растаю в воздухе точь-в-точь как дым.

Когда я всё это подсчитал, то решил-таки отказаться от этой затеи, но зато в течение следующего дня мне уже хотелось стать боксёром, потому что я увидел по телевизору чемпионат Европы по боксу. А затем показали тренировку, и я увидел, как спортсмены наперерыв колотили тяжёлую «грушу» — продолговатый кожаный мяч, по которому нужно бить изо всех сил, чтобы понемногу развивать в себе силу удара. Все это произвело на меня такое колоссальное впечатление, что я тоже решил стать самым сильным человеком во дворе. Я сказал папе:

— Папа, купи мне грушу! Удивившись, отец ответил:

— Сейчас январь, груш нет. Съешь пока морковку.

Я рассмеялся:

— Нет, папа, не такую! Мне нужна не съедобная груша, а боксерская!

388 слов

По В.Ю. Драгунскому

Неподалеку от Антарктиды, справа от Африки, расположился небольшой, но приметный островок. Он чересчур скалистый, сплошь покрыт льдами. И поодаль в холодном, очень неприветливом океане вразнобой плавают льдины, как небольшие, так и гигантские. Всюду на редкость крутые скалы, и только в одном месте берег низкий, вполне приемлемый, – это пингвиний пляж. Прибыв на остров, мы стали поочередно выгружать свои вещи с корабля на этот пляж, переговариваясь вполголоса. Позаботились мы и о съестных припасах, захватив из дому ящик копченой колбасы, несколько десятков жестяных банок с тушенкой и сгущенкой, небольшой стеклянный бочонок с медом, холщовый мешок вяленой на солнце рыбы и многое другое. Чтобы почаще вспоминать о домашних деликатесах, не забыли прихватить даже шоколад.

Любопытные, никого не боящиеся пингвины, выйдя из воды, столпились у ящиков. Наперерыв бегают по мешкам, клюют их и громко кричат, как будто переговариваются: никогда они не видели таких удивительных вещей!

Один пингвин сначала потихоньку, а затем по сильнее клюнул мешок, голову склонил набок, постоял, подумал и тотчас же издал какой-то громкий, никому не понятный звук. Другой пингвин тоже клюнул холщовый мешок; вместе в течение нескольких минут постояли, исподтишка поглядывая друг на друга и громко закричали.

Тут ещё одиннадцать-двенадцать пингвинов прибежали с гор на нас смотреть. Их собралось множество; беспрестанно толкаются сзади и спереди, слева и справа, кричат точь-в-точь как на базаре. Ещё бы: ведь они впервые увидели людей, и каждому непременно хочется вперед пролезть, посмотреть на нас, клюнуть-таки мешок. Вдруг слышу, сзади кто-то танцует.

Среди массы разнообразных вещей у нас был большой лист фанеры. Он лежал на громадных черных валунах, и пингвины на нём устроили танцы. Пробежит пингвин по фанере, назад вернётся, ещё раз пробежит, да затем ещё лапкой притопчет! Очередь выстроилась: всем хочется потанцевать. Один пингвин поскользнулся на гладкой фанере и на брюхе проехал, вслед за ним другие тоже стали падать и кататься. В течение целого дня эти необычные птицы танцевали на фанере. Я её не убирал. «Пусть, – думаю, – повеселятся; они, по-видимому, радуются, что мы приехали».

Вечером пингвины построились в аккуратную шеренгу наподобие дисциплинированных солдат и ушли. Один пингвин загляделся на меня, вследствие чего и отстал. Затем он догнал остальных пингвинов, но никак не мог идти в ногу, оттого что всё на меня оглядывался.

356 слов

По Г.Я. Снегиреву

Как-то раз Солнце и сердитый Ветер затеяли спор о том, кто из них сильнее. Долго спорили они, наперерыв пытаясь доказать свою правоту, и, так и не придя к общему мнению, решились помериться силами, проведя своеобразный эксперимент над путешественником, который в это самое время ехал верхом по немощеной дороге; недалеко располагался холм, за которым просматривались темно-зеленые верхушки рощ.

– Посмотри, – сказал Ветер, – как я налечу на него: вмиг сорву с него плащ, напрочь спутаю волосы, враз устрою песчаную бурю. Сказал – и начал дуть что есть мочи. Однако случилось непредвиденное: чем больше старался Ветер, тем крепче закутывался путешественник в свой непромокаемый плащ: он ворчал на непогоду, злился и сожалел, что есть вещи, не зависящие от воли человека, но мало-помалу продвигался всё дальше и дальше. Ветер, во что бы то ни стало стремясь сдернуть с плеч путника плащ, рассердился не на шутку, вследствие чего спокойный шорох деревьев превратился в сплошной, неприятный для слуха гул, прекратился шепот дикорастущих трав, которые так приклонились к земле, что, казалось, стлались по ней изумрудно-зеленым бархатным ковром, по которому наперегонки катились волны. Ветер поднял в воздух стаи песчаных туч, летевших навстречу путешественнику, а затем, абсолютно рассвирепев, осыпал бедного путника косыми, остро бьющими дождевыми струями, молниеносно запылил его глаза песком и в заключение устроил сплошной кошмар: с неба вразнобой посыпались градины точь-в-точь как горошины, предельно ударяя человека. Проклиная Ветер, путешественник поплотнее закутался в свой непромокаемый плащ, подвязался широким кожаным ремнем и надел солнцезащитные очки с дымчато-серыми стеклами. Тут уж Ветер и сам убедился, что ему плаща не сдернуть.

Солнце же, видя бессилие своего стремительного соперника, приветливо улыбнулось, выглянуло из-за облаков с темно-серой каймой, каждым лучом своим постаралось обогреть, осушить возмущенную, потревоженную кратковременным ураганом землю, а вместе с тем и бедного полузамерзшего путешественника. Почувствовав животворящую теплоту ласковых солнечных лучей, человек мало-помалу приободрился, благословил Солнце, сам снял свой плащ, свернул его и привязал к седлу.

– Видишь ли, – сказала тогда кроткое Солнце сердитому Ветру, – лаской и добротой можно делать гораздо более, чем гневом.

322 слова

По К.Д. Ушинскому

Вася, отнюдь не балованный веснушчатый мальчик лет одиннадцати, сидел в кресле на дощатой некрашеной террасе в продолжение всего дня и читал. А когда ему надоедало читать о Робинзоне, о дальних странах, где в зарослях джунглей можно встретить и грациозных жирафов, и величественно-медлительных слонов, и вертлявых обезьян-проказниц; где на невиданной красоты деревьях в течение целого года произрастают экзотические фрукты, где есть чудесные бирюзовые озера, на серебряной поверхности которых напропалую резвятся солнечные лучики, он оставлял раскрытую настешь книжку и забирался в расположившийся неподалеку цветник. Здесь ему был знаком каждый куст и чуть ли не каждый стебель. Вася садился на корточки перед толстым, окружённым множеством невидимых на первый взгляд волосков стеблем коровяка, который был вдвое выше его, и подолгу смотрел, как беспокойные, ни на минуту не останавливающиеся муравьи беспрестанно бегают вверх и вниз. Он смотрел, как толстяк жук хлопотливо и усердно тащит куда-то свою никому не понятную ношу; как паук, исподтишка раскинув тончайшую, почти невидимую сеть, подстерегает мух; как ящерица, раскрыв навстречу солнцу миниатюрную мордочку, греется на гигантском бревне, по временам поблескивая аккуратными ярко-зелёными щеточками своей спины; а один раз, незадолго до вечера, он увидел живого ежа! Тут и он не мог удержаться от радости и чуть было не закричал и не захлопал руками, но, опасаясь спугнуть колючего зверька, притаил дыхание и, широко раскрыв счастливые глаза, в восторге смотрел, как тот, фыркая, обнюхивал своим свиным рыльцем корни розового куста, ища между ними червей, и смешно перебирал толстенькими лапками, отчасти похожими на медвежьи.

– Вася, милый, иди домой, сыро становится, – громко сказала сестра. Ежонок, испугавшись человеческого голоса, вмиг надвинул себе на лоб и на задние лапы колючую шубку и враз сделался точь-в-точь как шар. Мальчик потихоньку прикоснулся к его колючкам, вследствие чего зверёк ещё больше съёжился и глухо и торопливо запыхтел наподобие маленькой паровой машины.

Потом мальчонка немного познакомился с этим ёжиком. Вася был такой слабый, тихий и кроткий мальчишка, что даже разная звериная мелкота как будто понимала это и впоследствии понемногу, исподволь привыкала к нему. Какая же была невообразимая радость, когда ёж впервые попробовал молока из принесённого хозяином цветника блюдечка!

338 слов

По В.М. Гаршину

Эта собачонка никому не принадлежала, у неё испокон веку не было собственного имени, и вряд ли кто-то мог бы сказать, где находилась она в продолжение всей долгой морозной зимы и чем кормилась. От тёплых деревянных изб с палисадниками, огороженными некрашеными заборами, её наперерыв отгоняли дворовые собаки, тоже голодные, но вдвое гордые и сильные своей принадлежностью к дому; когда, гонимая голодом и инстинктивной потребностью в общении, она показывалась-таки на улице, — мальчишки вперебой бросали в неё небольшими, но тяжелыми камнями и палками со множеством сучочков, а взрослые пронзительно свистели. Не помня себя от страха, переметываясь слева направо, натываясь на изгороди, сплошь покрытые неизвестными ей вьющимися растениями, она мчалась по немощенной песчаной дороге, останавливалась невдалеке от края поселка и, забравшись в глубину большого неухоженного сада с тенистыми аллеями и малохоженными тропинками, пряталась там дотемна в одном ей известном месте. Там она потихоньку зализывала ушибы и раны и в абсолютном одиночестве исподволь копила жуткий, никогда не покидающий ее страх и нестерпимую злобу. Лишь однажды к ней отнеслись по-хорошему, приласкав и пожалев ее. Это был мужичонка-пьяница, возвращающийся из кабака. Он всех любил и всех жалел и что-то вполголоса бормотал себе под нос о своих надеждах на добрых людей; пожалел он и бездомную собаку, грязную, отнюдь не красивую, на которую издали упал его пьяный и бесцельный взгляд.

— Жучка! — позвал он её именем, общим для всех собак. — Жучка! Пойди сюда, не бойся! Жучке очень хотелось подойти; она завиляла хвостом, склонив голову набок, но чересчур часто обижали ее, и она не решалась. Но, пока собака колебалась, всё яростнее размахивая хвостом и маленькими шажками мало-помалу подвигаясь вперед, настроение пьяного человека совершенно необъяснимо изменилось. Он враз вспомнил все обиды, нанесенные ему людьми, почувствовал скуку и исподтишка нараставшую злобу и, когда Жучка легла перед ним на спину, с размаху ткнул её в бок носком тяжелого сапога с окованными каблуками. Собака завизжала, причем больше от неожиданности и обиды, чем от боли. С тех пор она абсолютно не доверяла людям, которые изъявляли желание её приласкать, и, поджав хвост, убегала прочь. Как-то она поселилась под неокрашенной дощатой террасой одной из дач, где не было сторожа, и бескорыстно сторожила здание в течение долгой зимы: выбегала по ночам на дорогу и лаяла до хрипоты. Зимняя ночь тянулась долго-долго, и чёрные окна пустой дачи угрюмо глядели на замерзший, совершенно неподвижный сад. Иногда в них как будто вспыхивал голубоватый огонёк наподобие миниатюрного фонарика: то отражалась на стеклянной поверхности упавшая звезда, а, может быть, посылал робкое приветствие своим лучом остроорогий месяц.

Наступила весна, и тихая дача с дощатой свежевыкрашенной террасой огласилась шорохом пробудившихся деревьев, шепотом трав в старом неухоженном саду, птичьим аккомпанементом; мало-помалу наполнилась ароматом только что распустившихся цветов на аккуратно выровненной клумбе. К этим естественным природным звукам присоединились и звуки искусственные: громкий говор, скрип никем не смазанных колес и тяжелый топот людей, вразнобой переносящих тяжести. Приехали из города дачники: целая ватага взрослых, подростков и детей, опьянённых воздухом, животворящим теплом и солнечным светом, озарявшим и полнебосклона, и окрестности.

Первой, с кем познакомилась собака, была хорошенькая девушка-гимназистка в темно-коричневом форменном платье, выбежавшая в сад. Жадно и нетерпеливо, желая охватить и сжать в своих объятиях всё видимое, она посмотрела на ясно-голубое небо с мимолетно проплывающими облачками, не тяжелыми, как осенью, а по-весеннему полувоздушными; на красноватые сучья вишен и, повинуясь какому-то почти необъяснимому желанию слияния с природой, вмиг легла на траву, лицом к горячему солнцу. Затем так же внезапно вскочила и, обняв себя руками, целуя весенний освеженный воздух, выразительно и вполне серьезно произнесла вполголоса: «Вот весело-то!». Сказала и быстро закружилась. И в ту же минуту беззвучно подкрадываясь собачонка яростно впелась зубами в раздувшийся подол платья, рванула и так же беззвучно скрылась в зарослях крыжовника и смородины. — Ах, злая собака! — убегая, крикнула девушка, и долго еще слышался её взволнованный голос: — Мама, дети! Не ходите в сад: там собака!

Ночью собака потихоньку подкралась к заснувшей даче и бесшумно улеглась на привычное место под террасой. Пахло людьми, и из открытых настежь окон приносились тихие звуки короткого дыхания. Люди спали, были беспомощны и никому не страшны, и собака ревниво сторожила их: была настороже и при каждом шорохе вытягивала голову с двумя неподвижными огоньками фосфорически светящихся глаз. А тревожных звуков было множество в чуткой весенней ночи: в траве шуршало что-то миниатюрное, невидимое для глаз, и мало-помалу подбиралось к самому лоснящемуся носу собаки; хрустела прошлогодняя ветка с небольшими сучочками, на близлежащем шоссе грохотала телега, по временам скрипели нагруженные возы, передвигающиеся чересчур медленно, вперевалку, как бы нехотя. А вдаль в неподвижном безветренном воздухе сплошь стлался запах свежего дёгтя.

330 слов

По Л.Н. Андрееву

Приехавшие издалека дачники были на редкость добрыми людьми, а то, что они были далеко от города, дышали хорошим воздухом, видели вокруг себя все изумрудно-зеленым, бирюзовым и беззлобным, делало их еще добрее. Каждым лучом своим входило в них солнце, понемногу отогревая озябшую душу, а выходило смехом и безыскусственностью, искренним расположением ко всему живому. Сначала они хотели прогнать напугавшую их собачонку и даже застрелить ее из охотничьего шомпольного ружья, если не уберется подобру-поздорову; но потом мало-помалу привыкли к лаю по ночам и вскорости по утрам спрашивали: «А где же наша Кусака?» И это новое имя «Кусака» приклеилось к незваной гостье, так и оставшись за ней навсегда. Случалось, что и днем замечали в кустах нечто темное, никому не понятное, бесследно пропадавшее при первом движении руки, бросавшей кусочек копченой колбасы или жаренной на масле рыбы. Однако собака никак не могла забыть прежних обид и думала, что в нее вновь бросают камень.

Скоро все понемногу привыкли к Кусаке, называли ее «своей» собакой и впереводку шутили по поводу ее дикости, беспрестанного лая и беспричинного страха. В продолжение последующих дней Кусака мало-помалу уменьшала пространство, издавна отделявшее ее от людей; исподволь присмотрелась к их лицам и впоследствии даже усвоила их привычки: за полчаса до обеда уже стояла в кустах, по временам ласково томаргивая.

Та же девушка-гимназистка, забывшая обиду, окончательно ввела ее в круг отдыхающих и в открытую веселящихся людей. «Кусачка, походи ко мне!» – звала она собаку. Но Кусака не шла: боялась. И осторожно, похлопывая себя руками и говоря так ласково, как это можно при приветливом голосе и прелестном лице, озаренном сочувствием и добротой, девушка подвигалась к собаке и сама боялась: вдруг укусит.

И Кусака, наговину доверившись этому голосу и лицу, перевернулась на спину и закрыла глаза, не зная наверняка, ударят ее или приласкают. Однако ее приласкали.

Когда прибежали дети, шумные, звонкоголосые, воодушевленные, быстрые, как капельки разбежавшейся серебряно-свинцовой ртути, собака вмиг насторожилась и замерла от страха и беспомощного ожидания: она отчетливо представляла, что, если теперь кто-нибудь ударит ее, она уже не в силах будет впиться в тело обидчика своими острыми зубами: у нее отняли ее непримиримую злобу. И, когда все наперерыв стали ласкать ее, она долго еще вздрагивала при каждом прикосновении детской руки, и, как ни странно, ей было больно от непривычной ласки точь-в-точь как от удара.

369 слов

По Л.Н. Андрееву

Всею своей собачьей душой расцвела Кусака. У неё было имя, на которое она стремглав неслась из зеленых зарослей роскошного сада с тенистыми аллеями; она принадлежала людям и в открытую могла им служить. Разве недостаточно этого для счастья собаки?

С привычкою к умеренности, исподволь привившейся ей в течение нескольких лет бродячей голодной жизни, она ела чересчур мало, но и это немного изменило её поистине до неузнаваемости: длинная шерсть, прежде висевшая рыжими сухими клочьями, вечно покрытая засохшей грязью, мало-помалу очистилась, почернела и стала лосниться точь-в-точь как атлас. И когда она от нечего делать подбегала к воротам, становилась неподалеку от порога и важно посматривала вверх и вниз, то никому уже не приходило в голову дразнить её или бросать камнем.

Однако такой гордой и независимой она бывала лишь наедине с собой. Страх не совсем ещё выпарился обжигающим лучом ласк из её сердца, и всякий раз при виде людей, при их приближении она по-прежнему замирала в растерянности, как раньше, бесчисленное количество раз ожидая побоев. И долго еще всякая ласка казалась ей искусственной, неожиданной, отчасти чудом, которого она была не в силах понять и на которое она не могла ответить.

Кусака абсолютно не умела ласкаться. Другие собаки умеют становиться на задние лапки, тереться у ног и даже по-своему улыбаться, таким образом выражая свои чувства; но она не умела.

Единственное, что могла Кусака, это упасть на спину, закрыть глаза и слегка завизжать. Но этого было мало, это не могло выразить её восторга, благодарности и любви, — и, повинаясь интуиции, Кусака начала делать то, что, может быть, когда-нибудь она видела у других собак, но уже давно забыла. Она нелепо кувыркалась, весьма неуклюже прыгала и вертелась вокруг себя самой и вследствие этого казалась очень неповоротливой и смешной.

Мало-помалу Кусака привыкла к тому, что о пище не нужно заботиться, и уверенно и спокойно ложилась на свое место под окрашенной в темно-зеленый цвет дощатой террасой. Однако по ночам, когда луна озаряла окрестности своим серебряным светом, все так же громок и бдителен был ее сторожевой лай.

325 слов

По Л.Н. Андрееву

Как всегда, так и в этом году на Чудское озеро пришла красавица весна. И на всей его необъятной равнине потихоньку начал таять снег, вследствие чего вперегонки побежали небольшие, но шустрые ручейки, вразной скатываясь по еще гладкому, но уже испещренному трещинами льду, и мало-помалу стали их размывать. Воде всюю помогало солнце, не раскаленное, как летом, а по-весеннему ласковое и приветливое. А тут ещё подоспел тёплый южный ветер-проказник, который отчасти прогнал лёд, и на озере открылось большое темно-свинцовое пространство, где тотчас же отразилось ярко-голубое небо и лёгкие облачка-непоседы.

И враз над водой начали вразной кружиться чайки. К ним подлетела стая уток, стала нырять, плавать, чиститься. И вдруг замерла. С неба донёсся трубный клик лебедей. Всё ниже, ниже опускаются белоснежные царственные птицы. Распрямив крылья, почти не шевеля ими, лебеди аккуратно опустились на воду и поплыли наподобие сказочных кораблей, гордо оглядывая окрестности. Утки посторонились, молча признавая превосходство роскошных, великолепных, величественных птиц, а чайки ещё веселее закружились и ещё громче закричали, приветствуя прилёт лебедей.

Среди прилетевших птиц один был на редкость красив. Они все родились здесь и вновь прилетели сюда, чтобы свить гнездо и вывести птенцов. Лебедя звали Белопух.

Белопух уверенно плыл по широкому протоку, окруженному камышовыми зарослями и тростником. Он на память знал маленький островок, затерянный в густых зарослях. Маленький островок был точь-в-точь как круглый стол. Однако его было вполне достаточно, чтобы свить гнездо.

Одним концом проток выходил в Чудское озеро, откуда приплыл Белопух со своей подругой, другим концом — вплотную подходил к большой бухте. На дальнем берегу этой бухты, недалеко от темно-зеленых рощ, располагалась деревня. Белопух об этом знал и решил проверить, так ли уж она далеко, не может ли быть от неё какой-либо опасности.

Над камышами вразной летала мошкара, а на серебряной поверхности озера, подобно миниатюрным поплавам, резвились жучки-прыгунки. Играя, беспечно летали вперегонки разноцветные бабочки наподобие ярких бантиков. С веткой во рту неподалеку проплыла ондатра. Беспечно плескалась рыба, приветствуя животворящие солнечные лучи, тепло которых ощущалось и в глубине озера. «Вроде бы ничего опасного нет», — подумал Белопух, раздвигая грудью заросли. И вдруг раздался выстрел! Тотчас же сразу у берега что-то захлестало, завозилось. Белопух приклонил голову вплотную к воде, чтобы его не заметили. Он даже перестал дышать. Замер. И только когда все стихло и уже где-то в стороне от него слышался треск каких-то сучочков, осмелился посмотреть и увидел человека в высоких непромокаемых сапогах. Через плечо у него висело шомпольное ружьецо. По-видимому, небезопасным было это место.

391 слово

По С. А. Воронину

Сказка

В сказках исподволь раскрывается жизненная правда целого народа, причем раскрывается непременно в развернутом повествовании. Яркая наглядность художественных образов, безыскусственное совершенство и удивительная простота композиции, непревзойденное богатство языка сказок, безусловно, способствуют глубокому и устойчивому восприятию маленьким человеком нравственных и эстетических идей народа, исстари отражавшихся в них, его представлений о добре и зле, о правде и несправедливости, о красоте человеческой. Сказки беспрестанно развивают личность ребенка, они мало-помалу пробуждают его фантазию, учат мечтать и добиваться осуществления настоящей, большой мечты. В.Л.Сухомлинский говорил: «Сказка, игра фантазии — по-настоящему животворный источник детского мышления, поистине благородных чувств и стремлений».

Многолетний опыт убеждает, что эстетические, нравственные и интеллектуальные чувства, понемногу зарождающиеся в душе ребенка под впечатлением сказочных образов, тотчас же активизируют поток мысли, который мало-помалу побуждает к активной деятельности мозг, связывает полнокровными нитями живые островки мышления. Через сказочные образы в сознание детей входит слово с его тончайшими, зачастую невидимыми глазу оттенками; оно становится сферой духовной жизни ребенка, единственно возможным средством выражения мыслей и чувств. Без сказки — живой, яркой, овладевшей сознанием и чувствами ребенка, невозможно представить детское мышление и детскую речь.

Парадоксально, но дети находят глубокое удовлетворение в том, что их мысль живет в мире сказочных образов. Десять, одиннадцать раз ребенок может пересказывать одну и ту же сказку и беспрерывно открывает в ней что-то новое. Девчонкам и мальчишкам хорошо известно, что в мире нет ни Бабы Яги, ни Царевны лягушки, ни Кашея Бессмертного, однако в этих образах воплощаются добро и зло, и каждый раз, рассказывая одну и ту же сказку, маленький человек выражает свое отношение к плохому и хорошему.

Сказка неотделима от красоты, способствует развитию эстетических чувств, без которых немислимы благородство души, сердечная чуткость к человеческому несчастью, горю, страданию. Благодаря сказке ребенок познает мир не только умом, но и сердцем. Причем не только познает, но откликается на события и явления окружающего мира, выражает свое отношение к добру и злу.

299 слов

По А.В. Дановскому

Грустные размышления

Почему все так вдруг вмиг изменилось? Самые светлые имена враз потускнели, стали как будто никому не известными, незбылемые ранее самые великие слова тотчас же сделались необъяснимо пошлыми и отчасти смешными, вследствие чего кажется, что мир перевернулся с ног на голову. Ввиду того, что на смену вчерашнему поколению явилось новое, какое-то чересчур поверхностное, не верится, что такие грандиозные изменения могли произойти столь стремительно, так некстати оказаться поистине непредсказуемыми. В литературе медленно, как-то исподволь, однако непрерывно, не останавливаясь ни на секунду, шло общее заворачивание фронта, и шло вовсе не во имя каких-либо новых начал!

Я с пристальным вниманием следил за всеми этими переменами; для меня все это было отнюдь не приемлемым, и обидно становилось за беспомощного человека, так покорно и бессознательно идущего туда, куда его гонит время. Однако даже представить было трудно, что этому беспощадному времени можно как-то сопротивляться. Казалось, попробуй только – и ты вмиг окажешься между гигантскими жерновами, незаметными на первый взгляд, но очень ощутимыми впоследствии. К сожалению, при этом я не мог не видеть и всей чудовищной уродливости моего собственного положения: отчаянно стараясь стать выше времени (как будто это возможно!), недоверчиво встречая всякое новое веяние, я мало-помалу обрекал себя на абсолютную неподвижность; мне грозила опасность обратиться в совершенно «обесмысленную щепку» когда-то «победоносного корабля». Путаясь все больше в этом безысходном противоречии, заглушая в душе горькое презрение к себе, я пришел наконец к результату, о котором говорил так: «Уничтожиться, уничтожиться совершенно — единственное для меня спасение».

Я не бичую себя, оттого что тогда непременно начнешь лгать и преувеличивать; но в одном нужно сознаться: такое настроение мало способствует уважению к себе. Заглянешь в душу — так там холодно, неуютно и темно; так жалок этот бессильный страх перед окружающим! И кажется тебе, что никто никогда не переживал ничего подобного, что ты — какое-то сверхъестественное существо, брошенное на произвол судьбы теперешним странным, отчасти неопределенным временем... Тяжело жить так. Меня спасала только работа, причем работа тяжелая и ответственная, которую необходимо было выполнять скрупулезно и весьма аккуратно.

319 слов

По В.В. Вересаеву

62. Прогулка верхом

Устав сидеть в нестерпимо душной гостиной с тяжелыми багрово-красными парчовыми портьерами, сплошь увешанной миниатюрами в

овальных золоченых рамах, я пошел в конюшню и оседлал Бесенка. Ему тоже было жарко, он застоялся и стремился навстречу ветру, вследствие чего мне с трудом удалось сесть на него. Бесенок сердито ржал и, весь дрожа от нетерпения, рвался подо мною вперед. Я же нарочно, чтоб побороться с ним, проехал тихим шагом деревенскую улицу и весь луг, благоухающий смешанным ароматом самых разных цветов: трогательных васильков, напоминающих клочки неба, веселых ромашек наподобие солнышка, светло-сиреневых колокольчиков, послушно приклонивших свои головки к земле. От кожаного седла исходил специфический запах и мешался с ароматом влажных от недавно выпавшей росы дикорастущих трав.

Проехав плотину, я свернул на немощеную песчаную дорогу и пустил Бесенка вскачь. Он словно сорвался и понесся вперед совсем как бешеный. Безумное веселье овладевает при такой езде; трава по краям дороги сливается в одноцветные полосы, дух захватывает так, будто мчишься наперегонки с чем-то сверхъестественным в даль, неясную и туманную, навстречу неизведанному. Я все подгонял Бесенка, и он мчался точь-в-точь как ветер. Слева над рожью затемнели верхушки рощ, я придержал Бесенка и вскоре остановился совсем. Рожь без конца тянулась во все стороны, по этой беспредельной равнине медленно бежали золотисто-серебряные волны. Кругом была абсолютная тишина, и лишь в бездонном ярко-синем небе звенели жаворонки. Бесенок, подняв голову и насторожив уши, стоял и внимательно вглядывался в даль. Теплый южный ветер ровно дул мне в лицо, я не мог им надыхаться.

Ласточка быстро пронеслась неподалеку и вдруг, как будто что-то вспомнив, взмахнула крыльшками, издала мелодический звук и крутым полукругом вильнула обратно. Бесенок опустил голову и нетерпеливо переступил ногами. Я свернул на дорогу, вившуюся среди ржи по направлению к близлежащему лесу, и поехал межой вдоль поля.

Рожь кончилась, дорога вилась среди ореховых и дубовых кустов опушки и терялась в темистой чащобе леса. Меня отовсюду охватило свежим запахом дуба и лесной травы; высоко вверх взбегали темно-серые стволы осин, и сквозь их жидкую листву отчетливо просматривалось небо. Исподволь зараставшая дорога была заброшена и уже наполовину заросла можжевельником, ветви липовых и кленовых кустов низко наклонялись над нею; в траве виднелись красновато-оранжевые шляпки подосиновиков, пахло папоротником, своими узорными листьями напоминавшим аккуратно сплетенное мастерицей кружево. Угомонившийся Бесенок шел, как щеголь, изогнув красивую черную шею. Утомленный, но бодрый и радостный, я повернул домой.

374 слова

По В.В. Вересаеву

Солнце, уже не раскаленное, как в полдень, а утомленное и вследствие этого нежаркое, понемногу садилось за темно-зеленую кайму роц. Тележка, мелодично позвякивая блестящими, похожими на серебряные, миниатюрными колокольчиками, медленно двигалась по глинистому гребню. Я сидел и по временам сомнительно поглядывал на моего возницу. Направо, прямо из-под колес тележки, бежал вниз обрыв, а под ним весело струилась неширокая, но бурная речонка; налево, также от самых колес, располагался овраг, на дне его тянулась наподобие змеи размытая весенними дождями глинистая дорога. Тележка переваливалась с боку на бок, наклонялась то над рекою, то над оврагом. В какую сторону предстояло нам свалиться?

Мой возница — молчаливый невысокий дед-старожил — втягивал голову в плечи, дергал локтями и осторожно придерживал лошадей. «Как, старик, не боишься? Ведь мы вот-вот свалимся!» — не выдержал я, готовясь услышать в ответ классическое «не бойся!». Но старик неожиданно ответил: «Свалимся, барин. Как же не бояться? Уж то-то боюсь!» Он снял выдавшую виды шапчонку и утер рукою лоб.

Поразмыслив, я сошел с тележки. Возница ожизился, задергал вожжами и второпях покотил по откосу в овраг. Бубенчики зазвенели испуганным прерывистым звоном; затем тележка, увязая в гниле, мало-помалу потащилась в гору.

Я перебрался через овраг и пошел перелеском. По ту сторону реки, над бором, стлались по небу ярко-золотые тучки, а сам бор под ними казался мрачным и молчаливым. Кажется, что, если войдешь туда, с тобой обязательно произойдет что-то необычное, сверхъестественное. А кругом стоял тот смутный, непрерывный и веселый шум, которым днем и ночью преисполнен воздух в начале лета. Среди орешника и березняка все пело, стрекотало, жужжало. Бдали, неподалеку от речки, щелкал соловей, внизу вовсю стрекотали кузнечики, которые с отчетливым шорохом бросались врассыпную, лишь только пошевелится трава; по стволам деревьев, не останавливаясь ни на секунду, двигались муравьи-непоседы, а вверху стояли веселые комариные тучи. Казалось, попадешь внутрь — пострадаешь от этих туч. С серьезным видом неподалеку от беломраморных берез кружились майские жуки, сплошь наполняя окрестности своим беспрестанным гулом; птички вперегонки проносились через поляны. Ввиду того, что праздновали троицу, вдали повсюду звучали девичьи голоса, поющие под аккомпанемент свирели, по деревьям водили хороводы. На душе становилось легко и радостно — то ли за счет безыскусственного очарования природы, то ли оттого, что был праздник.

350 слов

По В.В. Вересаеву

Я остановился на опушке, недалеко от межи. Когда стоишь так один, не шевелясь, лицом к лицу с природой, то тобой исподволь овладевает странное чувство: кажется, что она не замечает тебя, и ты, пользуясь этим, вот-вот сейчас увидишь и узнаешь какую-то самую ее сокровенную тайну. И тогда все окружающее представляется необычным и преисполненным этой тайны.

Под дубами, сплошь усыпанными молоденькими ярко-зелеными листочками, земля была устлана темно-бурыми прошлогодними листьями наподобие красновато-коричневого ковра; каждый лист потихоньку шуршал и шевелился, какая-то скрытая, никому не видимая жизнь таилась под ними. Что могло быть там? Может быть, это суетились лесные муравьи-труженики, не прекращающие своей работы ни на секунду, или это прорастающая трава неизменно стремилась вверх, к лучам животворящего солнца? И все кругом тоже слабо, но беспрестанно шумело и шуршало точь-в-точь как живое, доверху наполненное счастьем и радостью жизни, — трава, цветы, кусты. Не замечая человека, все как будто ожило и зажило свободно, не скрываясь. Несильный ветерок мягко пронесся по матово-зеленой ржи, вследствие чего еще не сжатое поле стало напоминать слегка волнующееся серебряно-стальное море с волнами, вперегонки стремящимися к песчаной косе, чтобы выплеснуть там свою силу, досыта напоить горячий песок бело-розовым прибоем. Затем ветер-проказник переместился поближе к осиннику. Осины враз зашептались, как-то беспричинно заволновались, с коротким шумом вздрагивая листьями. Вследствие этого шепота облако белоснежных пушинок сорвалось с их сережек и, словно сговорившись с ветром, весело понеслось в темнеющую чащобу.

Я стоял где-то в течение получаса, наслаждаясь безыскусственными звуками природы, и вдруг мне показалось, что справа на меня кто-то смотрит. Я оглянулся. Действительно, послышался легкий шорох, и неподалеку, шагах в одиннадцати от меня, выскочили из волнующейся равнины ржи два зайчонка. Не видя ничего вокруг и не предчувствуя никакой опасности, они сидели спокойно, с каким-то юмористически-глупым видом. Казалось, пройдет минута-другая, и они начнут резвиться и играть, как и все малыши. Однако ничего подобного не произошло. Под ногой у меня случайно треснул сучок, и звук этот, конечно же, перепугал зайчат.

311 слов

По В.В. Вересаеву

65.

О силе искусства

Да, сила искусства поистине велика, но сила его, что отчасти парадоксально, вовсе не в способности пробуждать «добрые чувства». По-настоящему действенная сила искусства, по-видимому, заключается в том, что оно самым невероятным образом способно вмиг перерождать и преобразовывать всякое чувство, всякое душевное движение, вызываемое

действительностью. Художник замахивается на жизнь бичом, но в момент удара бич его враз превращается в роскошную гирлянду душистых ландышей, способных достучаться до каждой души серебряным звоном своих белоснежных колокольчиков. Не кто иной, как художник, подносит к людским сердцам обжигающий огонь, способный зажечь никем не освещенный тоннель и в течение минуты сдвинуть гигантский валун, а людские сердца в ответ зачастую начинают лишь тлеть чуть теплым огоньком чересчур мягкой и бездеятельной душевной потрясенности. Не что иное, как искусство, подобно буферу вагона, дает человеку возможность в продолжение короткого времени легко и приятно переживать все самые тяжелые душевные толчки. И вот за это-то буферное действие искусства люди в действительности так горячо благодарны литературе. Будем говорить начистоту! Литература дает возможность переживать чувства посильнее и поприятнее чисто эстетических, вследствие чего мы можем сполна пережить вместе с литературными героями два самых высших счастья, какие только знает жизнь, — счастье борьбы и счастье всеохватывающей любви к человеку. И как дешево можно получить это счастье: для этого не нужно ни бороться, ни любить! Притом счастье это, скрупулезно обработанное аккуратными руками мастера, так гладко, тепло и комфортабельно! В жизни оно гораздо более шероховато и более жестче. Раненый боец, уверяю вас, совершенно не замечает своей красивой позы, а только ощущает ужасно неприятную боль в ране; когда человек гибнет в истинной борьбе, он вовсе не окружен тем всеобщим сочувствием, которое возбуждается к нему в читателях художественным изображением этой борьбы.

О, счастье их велико — счастье побежденных и измученных, но горячо верящих в грядущую победу. Однако это счастье отличается от реального счастья несоизмеримо больше, чем неукротимый лесной пожар от тлеющего мало-помалу в камине мирного огонька. Художники — начиная с Толстого, Гюго, Достоевского и кончая никому не известными людьми, — дают нам уникальную возможность легко и приятно пережить все самые тяжелые душевные катастрофы. И мы ими, наверное, пресытились. Однако полное пресыщение здесь совершенно невозможно, оттого что искусство как бы аккумулирует все наши достоинства и недостатки, превращая все это в шедевр. Ничто иное не может обладать такой сверхъестественной силой.

365 слов

По В.В. Вересаеву

66.

Ночью

Начало июля. По-летнему тихий безветренный вечер передает полномочия такой же тихой и сверхъестественно таинственной ночи. Полная луна занимает полнебосклона и распространяет свет своих серебряных лучей на всю окрестность. Черные тени от деревьев и близлежащих строений ложатся на травку двора и кажутся поистине гигантскими. В дали, неясной и

таинственной, стелется туман, располагаясь по равнине еще не кошенных полей какими-то клочьями, и каждый клочок, кажется, живет своею жизнью, никому не доступной и непонятной. Вследствие тумана даль приобретает беловато-серебристый оттенок.

Неподалеку от запертого на ночь крыльца барского дома с беломраморными колоннами сидит черный пес Цыган и непрерывно, не останавливаясь ни на минуту, воет. Перестанет на одно-единственное мгновение, прислушается, начнет лаять и кончает жалующимся воем.

В окне дома зажегся огонек. Раскрылось настежь окно, высунулась седая голова Федора Федоровича. Он крикнул сердито: «Цыц, Цыган! Успокойся!». Наступила тишина, и окно медленно закрылось. И вдруг Цыган вновь завыл громко, во весь голос, как будто вспомнил что-то очень горькое. И выл, выл, звал и искал кого-то тоскующим воем. Дверь раскрылась. Во двор вышел Федор Федорович в халате, за ним мальчонка-гимназист Боря. Федор Федорович жалким, заискивающим тоном говорил сыну: «Отчего так собака воет? Может, заболела?» Цыган, виляя хвостом, подошел поближе. Определив, что нос у собаки холодный, Боря с уверенностью сказал, что пес здоров, и, расстроенный, что его так некстати разбудили, ушел спать. Однако Федору Федоровичу не спалось. Веря в разные приметы, он вспомнил, что собака воет не к добру, и попытался логически объяснить поведение животного. Старик начал вполголоса почти шепотом разговаривать с собакой, как будто пытаясь пристыдить ее: «И что же ты, братец, воешь, спать людям не даешь?» Цыган сочувственно вилял хвостом, но никак не мог объяснить хозяину, что ему во что бы то ни стало надо выть, что луна такая полная и ясная, что не выть просто невозможно.

Так и не найдя взаимопонимания, Федор Федорович ушел спать, а Цыган, усевшись невдалеке от крыльца, вновь завыл, наверное, находя в этом занятии какое-то свое, никому не ведомое удовольствие.

319 слов

По В.В. Вересаеву

67.

Пушок

Вспомнился мне недавно один интересный, хотя на первый взгляд ничем не примечательный случай. В соседней квартире живет кот Пушок. Кот удивительно красивый, с роскошной пушистой шерстью и умными ярко-зелеными глазами. Надо заметить, что кошки – животные отнюдь не простые. Вряд ли можно ожидать от них собачьей преданности: кот ласков лишь тогда, когда он хочет есть, а вслед за тем, насытившись, как ни в чем не бывало требует, чтобы его оставили в покое, и, найдя местечко потеплее,

укладывается спать. Однако вместе с тем кот — на редкость умное, хотя и своенравное существо.

Так, однажды Пушок, издавек увидев меня в коридоре, начинает мяукать. Ввиду того, что я его иногда прикармливаю, я и сейчас думаю, что кот просит поесть. Однако Пушок, беспрестанно мяукая, искоса поглядывает на меня и бежит вниз, затем на мгновение остановится, поглядит и бежит вниз дальше. Заинтересовавшись, иду вслед. Кот подбежал к двери, ведущей во двор, глядит мне прямо в глаза и мяукает. Я открыл настежь дверь, и Пушок тотчас же выскочил на улицу.

Поразительно, но кот совершенно определенно просил меня выпустить его на улицу. Какой дикий зверь знает просьбу? Может взять — берет. Не может — мало-помалу смиряется и уходит прочь. Но обратиться к живому существу и ждать, что оно без всякой для себя пользы сделает что-то зверю нужное, — это ему не может прийти в голову.

Откровенно говоря, человек среди зверей — все-таки существо совершенно особенное. Общение с ним зверей (так называемых домашних животных) создает у них особенные, ни на что не похожие навыки, которые почти невозможны при общении ни с какими другими животными. На домашних животных можно ясно наблюдать пробуждение и исподволь растущее развитие такой умственной и душевной деятельности, которая роднит их с человеком и совершенно неприемлема для диких зверей. Стоит вспомнить о ничем не объяснимой любви и преданности собаки, кошки или лошади к своему хозяину, и становится даже немного жутко: а вдруг и животные наделены таким же тонким эмоциональным внутренним миром и чуткой, ранимой душой, как и люди? Может быть, стоит относиться к братьям нашим меньшим по-человечески, и тогда мы в ответ получим ту огромную, ни с чем не сравнимую благодарность и преданность, каких не выразишь словами.

346 слов

По В.В. Вересаеву

68.

Умница кошка

Когда мы жили в Туле, у нас была кошка. Дымчато-серая, с роскошной холеной шерсткой, с острою мордочкой точь-в-точь как у куницы. Надо сказать, что старожилы, разбирающиеся в приметах, утверждают, что острая мордочка у кошки — вернейший признак того, что она хорошо ловит мышей; кошки же с круглой мордочкой как будто созданы для того, чтоб ласкаться к людям и мурлыкать. Наша кошка действительно ловила мышей с удивительным искусством, причем можно было подумать, что занятие это поистине доставляет ей ни с чем не сравнимое удовольствие. И, что самое

интересное и отчасти парадоксальное, — никогда их не ела, вследствие чего можно было предположить, что делала это кошка абсолютно бескорыстно. Однако это было не так. Кошка совершенно по-человечески знала, что, поймав мышь, сделала нечто заслуживающее похвалы. Она появлялась с мышью в зубах и, как-то особенно, призывно мурлыкая, потихоньку терлась о ноги мамы. Уже по этому торгующему, громкому мурлыканью все мы узнавали, что она поймала мышь. Мама одобрительно гладила всеобщую любимицу по голове, и кошка тотчас же пихала голову под мамину руку, чтоб еще раз погладили. Вслед за тем обходила всех, и каждый должен был ее погладить и похвалить. Впоследствии она душила мышь, бросала ее и равнодушно уходила прочь

Больше всего в моей детской памяти запечатлелись тихие семейные вечера, когда мы все собирались в большой гостиной с темно-зелеными шелковыми шторами, которые мама сшила сама. Посередине комнаты стоял большой деревянный стол, а в углу – расстроенное фортепьяно, на котором сестры разучивали гаммы и распевали песни, неумело аккомпанируя себе. По праздникам за столом собиралась вся наша семья, приходили гости и приносили дорогие детскому сердцу подарки: шоколадные конфеты в блестящих, казавшихся издали золотыми обертках, маленький игрушечный грузовичок для меня, плюшевых медвежонка и зайчонка для сестер.

Когда все усаживались за стол, уставленный различными яствами, из другой комнаты появлялась кошка. Исподтишка поглядывая на нас и мало-помалу приближаясь к столу, где ее все наперерыв старались покормить и погладить. Кошка начинала удовлетворенно мурлыкать и, пресытившись нашим вниманием, вперевалку уходила спать поближе к печке.

320 слов

По В.В. Вересаеву

69.

Модница

Случилось нам как-то раз неожиданно уехать в город. Отправились мы с приятелем-шофером на его автомобиле. Пробыв в городе часа три и в течение этого времени завершив все свои дела, мы возвращались обратно. Проехав полпути, наблюдаем такую картину: навстречу нам мчится грузовик, а рядом с ним, высунув язык, бежит вперегонки с машиной неутомимый наш доберман – непохожая на других потешнейшая собачонка из породы малорослых косматых пинчеров. Оказывается, не став терпеть нашего отсутствия и соскучившись, наш питомец бросился встречать нас, может

быть, испугавшись, что мы уже не вернемся и оставим его на произвол судьбы. Безобразна собака была до крайности. Длинная, косматая шерсть, спутанная точь-в-точь как войлок, от глаз волосы расходятся лучеобразно, глаза как будто совиные. Несмотря на свою далеко не привлекательную внешность, собака великолепно ловила крыс.

Мне даже неловко писать, до чего она была умна. Наверно, никто не поверит. Сама безобразная, очень любила все красивое. Когда молодая девушка в семье надевала белоснежное платье с пунцовым поясом, собачонка садилась на задние лапы и в продолжение получаса любовалась ею. Сидит и смотрит. Любила и сама покрасоваться. И это было самое потешное. На косматую шерсть ее лба привязывали ярко-красный бантик. Она опроретью мчалась к трюмо, чтобы поглядеться в зеркало, оглядывала себя, вслед за тем располагалась на подоконнике открытого настежь окна (жили мы на первом этаже) и гордо сидела, выставляя себя напоказ. Прохожие оглядывались на эту рожицу, многие останавливались и хохотали без удержу. А она величественно сидела, преисполненная гордости и самодовольства. Мы часто говорили, что нашей любимице следовало бы родиться не собакой, а обезьяной – настолько смешны были ее ужимки и самолюбование.

255 слов

По В.В. Вересаеву

70.

Птичье путешествие

Хочу поделиться с читателями своим наблюдениями. На сей раз заинтересовали меня птицы.

У угла моей дачи стоял деревянный бочонок, полный воды. Рядом произрастал куст бузины, а неподалеку – заросли можжевельника. На бузине сидели бок о бок два молодых воробья, совсем еще молодых, с пушком, сквозящим из-под перьев, с ярко-желтыми пазухами по краям клювиков. Один бойко и уверенно перепорхнул на край бочонка и стал пить. Пил — и исподтишка поглядывал на другого, по временам перекликаясь с ним на звенящем своем языке. Другой, чуть поменьше, с серьезным видом сидел на ветке и опасливо косился на бочонок. А пить-то, по-видимому, хотелось — клюв был разинут от жары. И вдруг я ясно увидел: первый уж давно напился и просто собственным примером ободряет другого, поменьше, как будто говорит, что ничего тут нет страшного. Он непрерывно набирал клювом воду и тотчас же ронял ее из клюва, поглядывая при этом на брата, и звал его. Братишка на ветке в конце концов решился, подлетел к бочонку. Но лишь только коснулся лапками сырого, позеленевшего края — и тотчас же испуганно порхнул назад в бузину. А тот опять стал его звать и добился-таки наконец. Братишка перелетел на край бочонка, неуверенно сел, все время трепыхая крылышками, и напился. Оба улетели.

В марте 1911 года я ехал на пароходе из Египта в Грецию. Корма сплошь была завалена разнообразными товарами: ящиками с экзотическими фруктами и овощами, копченой и вяленой на солнце рыбой, медом в стеклянной таре, свежевыкрашенными и еще не крашенными скамейками, циновками из тростника и многим другим. Самое интересное заключалось в том, что поверх всего этого беспорядочно лежавшего товара сидела масса самых разнообразных перелетных птичек. Создавалось ощущение, что на пароход опустилась радуга: так неописуемо красиво и разнообразно было оперение птиц. Оливково-оранжевые, небесно-голубые, изумрудно-зеленые, блестящие под обжигающим солнечным лучом точь-в-точь как драгоценная парчовая ткань, самые разнообразные птицы вперегонки носились в воздухе, вразнобой порхали над волнами и вслед за тем вновь садились на корму, клевали сквозь камышовые решетки упаковочных ящиков пунцовые египетские помидоры. На ночь птички расположились спать на мачтах и реях нашего парохода. Матросы очень любят этих птичек и не позволяют пассажирам их обижать. Я расспрашивал матросов про птичек. Весною их можно видеть лишь на судах, идущих на север, осенью — на судах, идущих на юг. Вы догадываетесь? Какой здесь мог быть инстинкт? Птицы как-то почувствовали, каким-то немислимым, никому не понятным образом поняли: зачем им тратить силы на трудный перелет через море, когда можно роскошно, с великолепнейшим комфортом переплыть море на пароходе? Когда-нибудь, может быть, мало-помалу выработается и инстинкт.

403 слова

По В.В. Вересаеву

71.

Щенок Бобка

По временам я с интересом наблюдаю за бегущей неподалеку собакой. Она беспрестанно обнюхивает на ходу камни, клумбы с подрастающими цветами, аккуратно выровненные стариком садовником, белокаменные стены близлежащих домов с колоннами. Вдруг враз остановится у заинтересовавшей ее клумбы, обнюхивает подолгу и тщательно, затем снова бежит дальше. И все время нос ее находится вблизи камней мощенной булыжником мостовой, беспрерывно она что-то нюхает. Конечно, это естественно: для собаки обоняние — то же самое, что для нас зрение. Я гуляю — смотрю. Она гуляет — нюхает.

А зрение у собак плохое и совершенно неприметливое. У меня на даче в Коктебеле щенок наш Бобка как-то раз в безветренный солнечный день, когда солнце, занимающее полнебосклона, обжигало землю каждым лучом своим, притащил в большой, но абсолютно неухоженный сад крыло дохлой птицы, как вы понимаете, далеко не привлекательное; вслед за тем с большим наслаждением грыз его и перетаскивал с места на место. Я сказал племяннице Алле, чтоб она понемногу отвлекла внимание Бобки, и тут же, шагах в одиннадцати от него, почти на его глазах, тотчас же закопал крыло в землю. Бобка воротился — крыла нет. Он ничего не заметил. Не заметил, как я

положил на лопату крыло, как закопал в землю, не обратил внимания на свеженасыпанную кучу земли. Крыло для него напрочь исчезло. Он бегал и понапрасну нюхал. Однако впоследствии, спустя полчаса, крыло вновь было в зубах Бобки: он таки вынюхал его сквозь землю и откопал.

С этим щенком в Коктебеле был еще такой случай. У него ни с того ни с сего образовался гигантский нарыв на лапе, вследствие чего песик мог погибнуть. Алла, девчонка-гимназистка, попросила своего отца-доктора вскрыть нарыв. Она держала на коленях Бобку, положив руку ему на голову. Отец с бесстрастным лицом резал, а девочка, казалось, страдающая ничуть не меньше, чем щенок, по временам всхлипывала и сочувственно поглаживала песика по голове. Когда Бобке было чересчур больно и невтерпеж, он начинал потихоньку скулить, пытался выдернуть лапу и вопросительно взглядывал на Аллу. Девочка гладила его по голове и успокаивающе говорила: «Ну, Бобочка, потерпи еще чуть-чуть! Сейчас не будет больно!» И Бобка покорно терпел и уж не пытался вырвать лапу: настолько он доверял маленькой хозяйке и понимал, что все делается для его блага. И мало-помалу вытерпел всю операцию.

357 слов

По В.В. Вересаеву

72.

Удивительная легенда

Эту легенду мне когда-то рассказал англичанин-путешественник. Однажды на сверкающую серебряным светом равнину морской поверхности опустился такой густой туман, что в двух шагах не видно было ничего; даже верхушки рощ, произрастающих на острове, отчетливо видимые прежде, куда-то исчезли точь-в-точь как по волшебству. Вследствие этого пароход, лишенный возможности продвигаться дальше, заночевал неподалеку от острова Самба. Толпа веселых моряков съехала на песчаный берег. Вошли в лес, расположились поудобнее, насобирали веток и стали разводить костер. Ввиду того, что веток оказалось недостаточно, нарезали сучьев, срубили и свалили кокосовое дерево, чтобы сорвать орехи. Вдруг набежали стаи свинцово-черных туч, закрыв собой полнебосклона и словно проглотив раскаленное солнце. Вмиг стало темно, как будто внезапно на землю опустилась нежданная ночь. И почти тотчас же моряки услышали в темноте кругом тихие стоны и оханья. Стало нестерпимо жутко. Всю ночь моряки не спали и жались к костру. И в течение всей долгой ночи поодаль раздавался судорожный какой-то шорох, напоминавший приглушенный шепот, беспрестанные вздохи и стоны.

А когда все-таки наступил рассвет, поистине ужасная картина представилась им: из ствола и из пня срубленной накануне пальмы, не останавливаясь ни на минуту, сочилась кровь, повсюду стояли темно-красные лужицы. Оборванные лианы корчились на земле точь-в-точь как

перерезанные наполовину змеи. Каждый сучок сочился алой кровью. Это был священный лес. В Самоа есть священные леса, деревья в них живые, у них есть души, а в волокнах бежит кровь. В таком лесу туземцы-старожилы не позволяют себе сорвать ни листочка.

Веселые моряки, к счастью, не погибли. Они воротились на пароход и постарались поскорее покинуть заколдованное место. Однако всю остальную жизнь они никогда уже больше не улыбались.

Мне по временам кажется, что вся наша жизнь — это такой же священный лес. Мы входим в него как ни в чем не бывало, чтобы развлечься, позабавиться. А кругом все живет, все чувствует глубоко и сильно. Мы ударим топором, ждем, что побежит бесцветный, напоминающий стеклянную струю, холодный сок, а начинает хлестать красная горячая кровь. Как все это сложно, глубоко, таинственно, а порой сверхъестественно и просто-напросто недоступно пониманию! Да, в жизнь нужно входить не веселым гулякою, как в приятную рощу, а с благоговейным трепетом, как в священный лес, полный жизни и тайн, которые необходимо сберечь для потомков.

352 слова

По В.В. Вересаеву

73. Великий художник древности

Когда я читаю Гомера вокруг меня сначала потихоньку, как-то исподволь, а вслед за тем бурно и неукротимо начинает волноваться сверкающая сотнями тысяч солнц стихия жизни, я заново чувствую молодую бодрость в каждом мускуле, мне, кажется, все нипочем: все беды и ужасы, витающие неподалеку, вмиг отлетают прочь; передо мною в чудесной красоте встают «легко живущие» боги — символы окружающих нас сил. И я поневоле чувствую, что Гомер поет, оттого что не может не петь, потому что горит душа и пламенными языками рвется наружу. Лев Толстой писал о нем Фету: «Гомер поет и кричит во всю грудь, и никогда ему в голову не приходило, что кто-нибудь его будет слушать».

Стоит лишь представить хоть на один-единственный миг неприступный, никем непобедимый Олимп и жизнь древнегреческих богов, героев и обычных людей, как тотчас же окунаешься с головой в ту полную непредсказуемых событий и опасностей атмосферу, что царила, наверное, в Древней Греции. Величественные статуи, светлые и просторные храмы, и посреди всей этой сумасшедшей роскоши — свободные красивые люди, исстари ценящие, как никто другой, красоту и искусство во всех проявлениях. Об эллинах (так назывались жители Древней Греции) можно писать бесконечно. Ведь именно они подарили миру величайшую цивилизацию, ведь именно оттуда, из тех далеких времен, пришло к нам понимание прекрасного; идеал гармонически развитой личности — также наследие древних греков.

Когда читаю «Энеиду» Вергилия, чувствую перед собою с огромным мастерством рассказанную сказку о приключениях выдуманных героев, о действиях богов, в которых, к сожалению, ни сам Вергилий не верит, ни мы с вами. Даже смешно и как-то неловко в душе: на что тратят люди время — на сказочки! А у Гомера просто забываешь, что рассказывает он сказки, — настолько важно в нем совсем не это, а то, чего нет ни у какого другого художника. Это, бесспорно, не притворство и не подделка; это, по-видимому, вершина творчества: описывать вымышленные приключения придуманных героев так, что читатель мало-помалу сам становится как будто непосредственным участником фантастических событий, сам сражается со сверхъестественными существами и общается с богами-олимпийцами.

319 слов

По В.В. Вересаеву

74.

Музыкант

Невдалеке от буфета на маленькой эстраде играл оркестр. Это был ничем не примечательный ресторанный оркестр. Две скрипки, флейта, виолончель, контрабас и отчасти расстроенное фортепьяно. Посетители громко разговаривали за столиками, смеялись, шептались — никто музыки не слушал. А оркестр поочередно играл сладкие вальсы и задорные поурри, и от звуков его люди, не замечая этого, весело пьянели точь-в-точь как от вина.

Я сидел в раздумье, невольно прислушиваясь. И вдруг слышу, что-то радостно пост в душе, как-то вмиг стало хорошо. Откуда это? Старик виолончелист играл соло с аккомпанементом фортепьяно, и невольно чувствовалась импровизация. Сквозь ветви пальмы неподалеку от ресторана по-вечернему тихо плескалось море, на темно-свинцовой поверхности которого отчетливо виднелась серебряная полоса лунной дорожки. Вечер был на редкость тихий, безветренный, где-то поодаль завел свою песню сверчок, и лишь искусственные звуки ресторана грубо врывались в умиротворенный мир природы. Пожалуй, только виолончелист не нарушал удивительной гармонии природы. Играл он, казалось, вполсилы, но именно от его музыки так светло и радостно становилось у меня на душе. Вслед за тем звуки полились из-под смычка как-то по-новому, не сдерживаясь, ни о чем не тревожась. Казалось, музыкант искал какие-то новые оттенки мелодии, которые вот-вот разольются ничем не сдерживаемой торжественной песней наподобие свободного птичьего полета.

В течение получаса я наслаждался музыкой, льющейся, казалось, напрямую из сердца виолончелиста. Мне странно стало: как же это в продолжение всего этого вечера его никто не слушает? За столиками смеялись, громко разговаривали, беспрестанно слышался то шорох, то приглушенный шепот, заканчивающийся взрывом смеха.

Я по-прежнему вглядывался в музыканта. Для кого он играет? Когда он видит, что его никто не слушает,— как можно так играть? А он повернул голову к аккомпаниатору и что-то нетерпеливо ему сказал, очевидно, что тот не так ему аккомпанирует, как нужно. Неужели ему не все равно? Ведь никто все равно не слушает.

Мало-помалу затихли последние аккорды: музыкант кончил играть и даже взгляда не бросил на незнакомую ему, ко всему безразличную публику. Даже краешком глаза не подсмотрел исподтишка, не слушал ли его кто-нибудь. Снял ноты с пюпитра, спокойно стал разговаривать с пианистом, и мне вдруг стало совершенно ясно, что музыкант играл для себя, что именно собственные чувства передавал он при помощи инструмента, что шум моря, потихоньку сбрасывающего свои волны на песчаный берег, тоже был для него своеобразным аккомпанементом.

363 слова

По В.В. Вересаеву

75.

О труде писателя

У по-настоящему гениального художника никогда не найдешь никакого нравоучения, зачастую нецелесообразного для читателя. «Нравоучение» у него безыскусственно вытекает из самого описания жизни, проявляется незаметно, исподволь. Ему не требуется писать: «Как это возмутительно!» Он так опишет, что читатель возмутится как будто сам, помимо автора.

Трудное это и отчасти запутанное дело — писательство. Не кто иной, как писатель, должен не наблюдать жизнь, а жить в жизни, наблюдать ее не снаружи, а изнутри. Между тем обычная история жизни писателя выглядит так: удалась ему вещь, обратил на себя внимание — и бросает прежнюю работу, считая себя профессионалом, вследствие чего человек садится писать не тогда, когда ему что-то нужно сказать, а тогда, когда нужно платить за квартиру, сшить жене пальто. И впоследствии свежий росточек таланта понемногу желтеет и вслед за тем мало-помалу напрочь засыхает. И нет уж писателя. Начинаящий писатель, если он уважает свой талант и дорожит им, не должен «жить» литературой. Чем угодно добывай средства к жизни, только не писательством. Придет время, и то же писательство во что бы то ни стало начнет кормить тебя произведениями, написанными раньше. Писатель, становясь профессионалом, сам насильно вырывает себя из жизни.

Когда в загорающемся сиянье славы, посреди гула восторженных приветствий в литературу вступает молодой талант, мне всегда бывает за него страшно и больно. Как будто на большой высоте человек пошел по слабо

натянному канату. Знает ли он, насколько опасен этот незнакомый ему путь, знает ли, что из многих десятков людей до конца дойдет далеко не каждый? Знает ли, что с каждым шагом понемногу должна расти его строгость к себе, что отнюдь не желательно прислушиваться к доносящимся снизу рукоплесканиям и аккомпанементу восторженных криков? Можно все это знать, и все-таки голова начинает сладко кружиться, потихоньку исчезает подобранность тела, ноги чересчур бойко и развязно ступают по канату — и летит человек вниз, зачастую разбиваясь насмерть. И люди лишь равнодушно поглядят и скажут: «Еще одна несбывшаяся надежда!»

Я замечал на себе в начале литературной работы: каждый успех мало-помалу снижает требовательность к себе, с каждым успехом начинает писаться «легче». И своеобразным парадоксом является ситуация, когда в это время невероятно полезен жесткий щелчок — отказ редакции, суровая встреча критики, непринятие твоих произведений публикой. Просите, юные литераторы, судьбу, чтоб она была к вам построже и позлее.

360 слов

По В.В. Вересаеву

76.

Борьба с собой

Помнится, когда-то я слышал рассказ о том, что молодой Гете исподволь приучил себя смотреть с высоты страсбургского собора вниз, чтобы мало-помалу отучить себя от головокружения при взгляде в бездну. Ввиду того, что он не выносил резких звуков, в продолжение полугода ходил к казарме во время вечерней зари и слушал беспрестанный грохот барабанов, от которого чуть не лопались барабанные перепонки. Испытывал невольный суеверный страх при ночном посещении кладбища — и нарочно проводил там часы, подобно военным, которые, чтоб приучиться «не склоняться перед пулями», без нужды подставляют себя под артиллерийский обстрел.

По-видимому, все это достаточно легко исполнимо. Но вот как отучить себя от нестерпимых страданий самолюбия? Какие для этого существуют способы? Нет ничего смешнее и противнее переполненного самолюбием человека. Для меня поведение таких людей совершенно неприемлемо. Как же от этого избавиться? Удовлетворение самолюбия, как правило, приводит лишь к возрастающим требованиям. От поругания оно также только растет. Самолюбив и нетерпим всеми признанный мастер. Еще, может быть, самолюбивее и нетерпимее мастер непризнанный, никому не известный, но преисполненный неоправданного величия и вследствие этого собственным преклонением перед собою замещающий отсутствие преклонения других. Когда жизнь одергивает зарвавшегося молодого человека, очень часто это оказывается для него полезным, отчасти даже необходимым. Но как же

самому научиться одергивать себя? По мнению многих, самовоспитание – вещь невероятно сложная. Уметь видеть себя со стороны, когда ты пребываешь в плену иллюзий и поистине становишься смешон, – это, пожалуй, не под силу многим из нас. Человек, напрочь лишенный комплексов и предрассудков, зачастую бывает поистине жалок, хотя, конечно же, не осознает этого. Зато достоин уважения и даже преклонения тот талантливый человек, кто велик в своей скромности.

261 слово

По В.В. Вересаеву

77. Законы природы

В начале мая сидел я на дощатой террасе своей недавно отстроенной и свежевыкрашенной дачи, пил свежезаваренный чай и читал газету. Вдруг неподалеку от меня, в зарослях можжевельника, расположенных поблизости, раздался рассерженный птичий голосок; раздался очень близко, под самым ухом, вследствие чего я невольно обернулся. На ветке растущего недалеко клена сидела крошечная серенькая птичка. Острый клюв, горлышко под клювом белоснежное, а щеки под глазами черные. Мухоловка. Мне было совершенно непонятно, отчего так возмущалась птичка. Может быть, кто-то ее обидел? И тогда я невольно задумался о том, что даже такие миниатюрные существа, не говоря уже о насекомых, наверное, способны пусть по-своему, но все же мыслить. В связи с этим мне вспомнился еще один случай.

В своей гостиной, где я любил проводить время за стареньким расстроенным фортепиано и любоваться на портреты в позолоченных рамках, я впервые выпустил из клетки щегола. На улице был ясный безветренный день, и солнышко каждым лучом своим освещало близлежащую рощу. Птица тотчас же устремилась к окну, по-видимому, привлеченная роскошным пейзажем, и, с размаху ударившись о невидимую стеклянную поверхность, заскользила вниз. Сидит на подоконнике и ошалело хлопает глазами. Вслед за тем щегол взвился, снова ударился о стекло. Как он ни напрягай крохотный кусочек своего мозга, вряд ли он сможет понять, что это за невидимая для него преграда стала на пути? Единственным приемлемым для него объяснением было бы чудо. Вот так и мы зачастую ведем себя, когда сталкиваемся с чем-то для нас непонятным. А пояись существо с новым мозгом, в десятки тысяч раз больше воспринимающим, чем человек, способным вмиг улавливать соотношения, которых мы даже представить себе не можем, — и мы, с нашими построениями космических систем, будем этому существу казаться такими же смешными, как нам — щегол, ошалело сидящий перед оконным стеклом.

А сравнительно со шмелем, например, и щегол способен к гениальнейшим выводам. Раза два-три ударившись о стекло, он уже всюю

летает по комнате, не соблазняясь простором, который он видит за стеклом: он знает, что между ним и зеленеющей вдаль равниной — невидимая, но непреодолимая преграда. А вот шмель ничего этого не понимает. И он, не переставая ни на минуту, будет биться о стекло день, другой, третий, пока не изнеможет от голода и усталости.

Вывод напрашивается простой: все в природе подчинено никому не ведомым законам, и сложно сказать, сможет ли человеческий мозг хоть когда-нибудь до конца постичь ее секреты, сможет ли объяснить то, что сейчас нам представляется сверхъестественным.

386 слов

По В.В. Вересаеву

78.

По пути в Египет

Однажды пришлось мне путешествовать по морю на громадном белоснежном пароходе. Путь наш лежал на юг к Египту. Погода была на редкость удачной: в сухом безветренном воздухе напропалую резвились чайки, море ласкало глаз огромной зелено-голубой равниной, гладкую тишь которой лишь изредка нарушали словно вперевалку перекатывающиеся волны. Вдали отчетливо виднелись красавцы дельфины, по временам взлетающие из глубины на поверхность, чтобы поиграть да порезвиться. Казалось, что раскаленное добела солнце – единственный хозяин здесь, и его неотъемлемые права никем не могут быть нарушены. Время приближалось к полудню, наступала нестерпимая жара, и даже море, ласкающее взгляд миллиардами бриллиантовых отблесков, не притягивало больше к себе. Солнце, занявшее уже полнебосклона, принуждало спуститься вниз и расположиться в каютах, снабженных вентиляторами. В тот момент мне подумалось, что если бы мы плыли по морю на корабле с великолепными непромокаемыми парусами лет сто назад, то мы, вероятно, долго простояли бы посреди моря: ведь парусник летит по морю точь-в-точь как птица лишь в ветреную погоду.

Прибыв в Египет, мы расположились в комфортабельной гостинице, а вслед за тем направились в зоологический сад Каира. Перед нами величественно проплывают огромные гостеприимные эвкалипты с матово-серебряными стволами, стремительно возносящиеся в высь небесную. Затем нас радушно встречают высокие стройные пальмы – неременный атрибут здешних мест. В искусственной речонке, окруженной зарослями тростника и папируса, устрашающе плавают гигантские крокодилы, по временам исподтишка поглядывая на посетителей, и черепахи, которых издали можно принять за миниатюрные летающие тарелки. Огромные пятнистые жирафы бродят в огороженном дощатым забором дворе, наперерыв перегибают длинные шеи через забор и пощипывают травку за забором. В воздухе

бесперывно слышится резкий крик попугаев, поражающих наш неискuschenный взор бешеным буйством красок своего оперения; по временам откуда-то издали слышится рев львов и тигров. Высоко в ярко-синем небе на распластанных крыльях чертят геометрически правильной формы круги и верещат вольные ястребы.

288 слов

По В.В. Вересаеву

79. Хамелеон

В одном из павильонов зоологического сада я впервые увидел хамелеона. Ввиду того, что прежде мне его никогда не приходилось видеть, это животное было для меня небезынтересным. В стеклянном ящике, сплошь устланном изнутри каким-то неизвестным мне растением, неподвижно сидел на голем сучке безобразный уродец с громадной головой, крепко обвив хвостом сучок. Кожа его была серовато-желтого цвета — того цвета, который здесь имеют все жители песчаной пустыни: и грозный лев, и «корабль пустыни» — верблюд, и увертливая ящерица, и змея, и дальнзоркий ястреб. Хамелеон сидел совершенно неподвижно, причем настолько неподвижно, что можно бы было подумать, что это — чучело, аккуратно сделанное никому не известным мастером, если бы не глаза. Эти необычные, непохожие на другие глаза все время непрерывно двигались. Они представляли собой два выпуклых шара, и на их верхушках наподобие черных булавочных головок располагались маленькие зрачки. Глаза двигались вяло, мало-помалу оглядывая все вокруг, и совершенно необычно было то, что двигались они вразнобой, как будто каждый глаз жил самостоятельной жизнью: один глаз поднимается вверх, а другой в это время опускается вниз, один глаз неподвижен, а другой ворочается и, бесперывно вращаясь, внимательно все оглядывает.

Меня поразили также лапы этого необычного существа: чересчур тощие, совершенно без мускулов; кончались они двумя неуклюжими пластинками, отдаленно напоминающими клещи; клещами этими он и держался за сук. Каждое движение, по-видимому, стоило хамелеону неподъемного труда. Поначалу было абсолютно непонятно: чем может питаться этот едва-едва двигающийся, расслабленный зверек, как он может поймать хоть какую-нибудь добычу? Кроме того, меня чрезвычайно занимал еще один вопрос: ведь если хамелеон умеет менять свою окраску, то в каких случаях это происходит?

252 слова

По В.В. Вересаеву

80.

В зоологическом саду

Я заново осмотрел зоологический сад, гуляя по нему в течение всего обеда. Часа через полтора снова подошел к павильону, где располагался хамелеон. Он сидел в той же неподвижной позе в продолжение вот уже двух с половиной часов, что и прежде, абсолютно безучастный ко всему. Служитель-араб, должно быть, заметил, что я уже повторно подхожу к клетке, что всерьез заинтересовался ее обитателем. Блеснув улыбкой, юный смотритель поймал на стекле окна двух мух и пустил их в стеклянный ящик к хамелеону. Вслед за тем мне представилось очень интересное зрелище. Когда в ящике наперебой заматались мухи, хамелеон не шевельнулся, — напротив, стал как будто еще неподвижнее. И лишь шары глаз загорочались вдвое быстрее, беспрестанно следя за каждым изгибом полета мухи. Когда мухи подлетали поближе, во рту хамелеона как будто что-то чабухало, но затем он снова становился неподвижным точь-в-точь как изваяние.

Вдруг произошло что-то такое быстрое, что я ничего почти не успел рассмотреть. В воздухе молниеносно мелькнуло что-то тонкое и длинное, и одна из мух исчезла. Хамелеон сидел все так же неподвижно, как и прежде, а по его горлу под кожей медленно двигался к желудку крохотный комочек. Хамелеон за десять-одиннадцать сантиметров стрельнул в муху длинным и клейким языком, попал прямо в нее и вмиг спрятал язык обратно. Все было сделано настолько быстро, что другая муха даже не испугалась, не заматалась, а спокойно продолжала летать по ящику. И вновь молнией мелькнул в воздухе длинный язык, и опять без промаху попал в муху, и она тоже продвигалась уже в глотке хамелеона. А он сидел, по-прежнему вялый, ленивый, абсолютно неподвижный, мало-помалу ворочая выпуклыми глазами. Парадоксально, но как будто это совсем не он был способен на такие ловкие, быстрые, незаметные на первый взгляд движения.

Мне стало отчетливо ясно, что сила этого неуклюжего и вялого зверька заключается именно в его неподвижности, в его умении быть таким незаметным, по временам сливающимся с сучочком, что летающие насекомые даже не подозревают опасной близости врага. У хамелеона есть еще одна удивительная способность — менять цвет своей кожи. Когда он сидит среди зелени, он зеленого цвета, когда на камне или сухом суке — желтовато-

серого. И вот так-то сидит он, незаметный даже вблизи, и без промаху бьет в добычу своим быстрым и метким языком.

359 слов

По В.В. Вересаеву

81.

В Крыму

Я был с экскурсией в Крыму. Как-то раз я ушел втихомолку подальше от всех, над морем среди скал нашел себе местечко, устроился поудобнее и задумался. Надо мной гигантским шаром висело раскаленное солнце, каждым лучом своим касаясь безбрежной равнины моря. Сотнями тысяч серебряных отблесков море слепило мне глаза, и лишь темно-серые скалы слегка приглушали этот безудержный сверкающий мир. Раскинув руки, я улегся под тенистым деревом, растущим неподалеку, и с удовольствием предался полному покою. Небо надо мной было ярко-синее, а справа оно потихоньку приобретало бледно-голубой оттенок. Там стали появляться по-летнему полувоздушные кружевные облачка. Безветренный день, казалось, сплошь заполнил собой пространство, и лишь беспрестанно слышался равномерный гул моря, которое непрерывно заполняло песчаный берег беловато-розоватой пеной прибоя. И постепенно я перестал чувствовать себя как что-то отдельное, причем странно было подумать, что я сюда откуда-то сейчас пришел. Казалось, я давно уже, с незапамятных времен, лежу здесь совсем как эти серые камни, размышляя, прислушиваясь к равномерному, ни на минуту не прекращающемуся гулу моря. Где море, где камни, где я? Мне казалось, я даже не могу переместиться по своей воле, и если меня невзначай подхватят волны или ветер, то я тотчас же сладко закачаюсь и поплыву куда-то вдаль.

И вдруг из-за скалы вылетела чайка. Белоснежные крылья с серенькими пестринками делали ее похожей на миниатюрный самолетик. Птица как-то враз нарушила установившуюся было гармонию моего внутреннего мироощущения и природы. Что-то странное случилось, и мне трудно передать это ощущение. Теперь это? Миллионы лет назад? Но я вдруг почувствовал, что чайка эта вот сейчас только за скалою родилась из всего мертвого, что было кругом, — из влаги моря, из прибрежного ила, из нестерпимого солнечного блеска. Родилась живая, свободная, сбросила с себя косность — и полетела, как хочет, куда хочет, вкось, вверх, вниз, наперерез ветру и волнам. Как будто миллионы лет эволюции мало-помалу слились в один миг. Я вскочил, взмахнул руками, почувствовал тоже, что и я не камень, не волна, что я свободен точь-в-точь как эта чайка, — свободен, ничем не связан, с живым, своим, ни на что не похожим полетом!

Удивительное было состояние, как будто бы только что я совсем по-особенному родился на свет.

342 слова

По В.В. Вересаеву

82. «Одни только люди, а кругом них молчание»

Предрассветный туман, неприглядные слякоть, сырость, исподволь въедающиеся в сознание. Из угрюмого, враждебного неба, сплошь затянутого темно-серым пологом туч, в продолжение целого дня как из ведра льет дождь, перемешанный с мокрым снегом. Ветер вост в темноте точь-в-точь как заблудившаяся собака. Летом, бывает, светит и солнце,— тогда нестерпимо жаркая духота висит над землею, пахнет известняком, пылью, и прелестные ароматы природы перекрываются летней вонью города... Вот мир, в котором живут герои Достоевского. Описывает он этот мир удивительно. «Любите вы уличное пение? — спрашивает Раскольников.— Я люблю, как поют под шарманку в холодный, темный и сырой осенний вечер, непременно в сырой, когда у всех прохожих бледно-зеленые и больные лица; или, еще лучше, когда снег мокрый падает в безветренную погоду, знаете? А сквозь него фонари блистают...». И так везде у Достоевского. Живою тяжестью давят читателя его туманы, сумраки и морозящие дожди. Мрачная, отъединенная тоска сплошь заполняет душу. И вместе с Достоевским начинаешь любить эту тоску какою-то особенной, никем не объяснимой любовью.

В душе художника словно навечно расположилась беспросветная осень. Он как будто только с большим напряжением в состоянии представить себе, что есть на свете радостный блеск солнца, способного одним лишь лучом согреть сердце, умиротворяющее ярко-синее небо, серебряный лунный свет, манящий куда-то вдаль. Он мучительно знает, что все это существует, но все это безнадежно отдалено от него. Воспоминания тусклы и на редкость безжизненны, как будто он смотрит на них сквозь стеклянный осколок. Только изредка вдруг ярко мелькнет в памяти обрывок образа— и сердце сожмется в тоске по далекому и недостижимому. Навсегда врезается в память картина холодного отчаяния одинокой человеческой души среди холодного равнодушия ветреной осенней ночи.

Прямо удивительно, как неузнаваемо тускнеет Достоевский-волшебник, когда ему приходится описывать природу не угнетенную, оглушенную бешеными осенними ветрами, а по-весеннему радостную и прекрасную. Лексикон Достоевского поразительно богат. Однако при описании

радующейся природы он как будто мало-помалу теряет собственные слова. Глядя на радость и ликование природы, самые разнообразные герои Достоевского испытывают странное, самим им непонятное чувство какой-то отъединенности. Но лишь вступит Достоевский в область мрака, туманов и дождей, — и чуждый пришелец молниеносно превращается в самодержавного правителя. Каждое слово его звучит здесь властно и отчетливо; здесь ему не нужны ни «пейзажи» и «панорамы», ни цитаты.

358 слов

По В.В. Вересаеву

83.

Единство

Перед нашим взором предстает солнце, яркое, обжигающее, раскаленное, занявшее своим гигантским золоченым шаром полнебосклона, величественно расположившееся над прекрасной землей, согревая нас каждым лучом своим, струящимся из поднебесья. Куда ни взглянешь, повсюду неожиданная, таинственно-значительная жизнь, всюду блеск, счастье, бодрость и вечная, на минуту не тускнеющая красота. Как будто из мрачного подземелья вдруг вышел на беспредельную изумрудно-зеленую равнину, грудь дышит на редкость глубоко и свободно, и ты вообще предаешься бешеному буйству повесенному разгулявшимся чувствам. Поневолье вспоминается далекое, отчасти уже изжитое детство: тогда вот мир воспринимался в таком чудесном свете и кристальной чистоте, тогда исподволь ощущалась эта таинственная значительность всего, что вдали и неподалеку.

Посреди прекрасного мира — человек. Из души его никому не видимыми нитями тянутся живые корни в окружающую жизнь, потихоньку раскидываются в ней и тесно слетаются в ощущение непрерывного, целостного единства.

«И все я был один,— рассказывает Николенька в «Юности»,— и все казалось, что таинственно-величавая природа, понемногу притягивающая к себе светло-серебряный круг месяца, стоящий в поднебесье и как будто наполняющий собою все необъятное пространство, и я, ничтожный червячок,— мы были одно и то же».

Князю Мышкину Достоевского мучительно чужд и совершенно недоступен беспредельный праздник природы. Незванным гостем тоскливо стоит он, исподтишка поглядывая и не в силах отозваться душою на ликование жизни. Для Толстого же этот праздник поистине свой, родной. Он рвется в самую его гущу точь-в-точь как ласточка, стремящаяся в высь небесную.

«Я люблю природу,— пишет Толстой,— когда она со всех сторон окружает меня и потом развивается бесконечно вдаль. Я люблю, когда со всех сторон окружает меня жаркий воздух, и этот же воздух, клубясь, тотчас же уходит в даль безоблачную, когда вы не одни ликуете и радуетесь природе,

когда около вас жужжат и вьются миллиарды насекомых, повсюду заливаются птицы».

Вокруг человека — беспредельное море жизни: животные, незаметные на первый взгляд насекомые, растения. У них нет рассудка, они не умеют говорить, однако в них есть самое важное, что и в человеке важнее рассудка и порой ненужных слов.

316 слов

По В.В. Вересаеву

84. В гармонии с природой

Мне вспоминается рассказ одной моей знакомой, которая до семнадцати лет безвыездно жила в городе, вследствие чего животных, как и все горожане, видела чересчур мало и знала еще меньше. Когда она впервые стала читать Толстого и поняла, как можно чувствовать и понимать животных, ее охватил непередаваемый, странный, почти непонятный ей, просто-таки сверхъестественный ужас. Это жуткое чувство она пытается сравнить с ощущением человека, который бы увидел, что все неодушевленные предметы вокруг него враз зашевелились, переделываясь вполголоса, и зажили неожиданную, никому не понятной жизнью.

Однако не только в животных есть для Толстого эта тайная, но необъяснимо близкая человеку жизнь. Существует она и в растениях.

Интересен такой случай: Толстой стал вырубать в еще не ухоженном саду молодую древесную поросль, шедшую от корней гигантского тополя, наполняющего окрестность шорохом своих серебряных листьев. Великий писатель вспоминает: «Мне иногда жалко становилось смотреть, как разрубали под землей сочные коренья, как потом вчетвером мы тянули и не могли вырвать надрубленный тополек. Он из всех сил держался и не хотел умирать. Я подумал: «Видно, нужно им жить, если они так крепко держатся за жизнь». Действительно, никто иной так глубоко не чувствовал природу, не сопереживал ей так, как Лев Николаевич. Вспомним, как описывает он собственные наблюдения. Как-то раз, отдыхая под роскошной темно-зеленой кроной старого дуба, писатель наблюдал за снующими беспрерывно взад и вперед тружениками-муравьями. Надо было видеть, как они, презирая опасность, преодолевали-таки препятствия, которые представляли собой оголенные корни старика дуба.

Вслед за тем человеческое внимание было привлечено бабочкой с перламутровыми лимонно-желтыми крылышками, которая в течение полутора минут кружилась и порхала, а потом, увидев белый цветочек дикорастущего клевера, расположилась на его поверхности. Трудно сказать, по-летнему приветливое солнышко ли ее пригрело ласковым своим лучом, или она пила сок из цветка, только отчетливо видно было, что она всю наслаждается жизнью. Бабочка изредка взмахивала крылышками и

прислонялась к цветку, по временам качаясь на нем точь-в-точь как на качелях, а затем мало-помалу замерла на нем.

Наблюдая за безыскусственными проявлениями маленьких чудес природы, человек, безусловно, становится чище душой и добрее сердцем. Как хорошо было бы, если бы все мы научились жить в гармонии с природой!

341 слово

По В.В. Вересаеву

85.

Способ познания

К важнейшим вопросам жизни Достоевский издавна подходит с меркою разума и логики. Какое может быть для человека разумное основание любить людей, быть нравственным и благородным? Какая логика может заставить его жить и ценить неприглядную на первый взгляд жизнь, если впоследствии его ждет неизбежная смерть? Какой вообще может быть смысл в этой жизни, казалось бы, почти неприемлемой, полной ужасов и скорбей? Ни на один из вопросов разум, к сожалению, не может дать обоснованного ответа. Не кто иной, как Достоевский, знает, что разуму и не дано собственными силами разрешать подобные вопросы; разум может лишь передать сознанию ответы другого голоса, звучащего приглушенным шепотом из глубины души. Однако другой этот голос, отнюдь не немой, в Достоевском все-таки молчит. Равняясь на него, молчит и разум. Ответов нет, вследствие чего жизнь представляется безысходной, пустой, ужасающе бессмысленной, напроць лишенной всякой внутренней ценности; может быть, только санкция со стороны способна придать ей ценность.

Толстой же, как никто другой, относится к разуму с глубочайшим недоверием. Сложная жизнь не укладывается для него в искусственно ограниченные рамки слов, мыслей и убеждений. Твердость и определенность убеждений вернее всего свидетельствуют о чересчур явной оторванности от жизни, что доказывают следующие слова писателя: «В области политики, философии, богословия Каренин сомневался или отыскивал; но в вопросах искусства и поэзии, в особенности музыки, понимания которой он был совершенно лишен, у него были самые определенные, твердые мнения».

Тем более ненадежен разум, когда он с ходу берется решать основные вопросы жизни. Все, чем жива жизнь, для Толстого лежит на каком-то совсем другом уровне, а не на том, где люди оперируют словами и четко оформленными мыслями. Человек поистине жалок и даже отчасти беспомощен, когда подходит к жизни с одним только умом, с устоявшимся исстари кодексом его понятий, суждений и умозаключений. Точь-в-точь так был бы беспомощен скрипач, который вышел бы играть хотя бы и с самым прекрасным смычком, но без скрипки.

Сущность жизни познается каким-то особенным, никому не ведомым путем, отнюдь не разумным; разум же есть способность к этому познанию, и ум, как смычок, мало-помалу извлечет из него полные, могущественные, ничем не сдерживаемые мелодии, наполненные самыми различными оттенками, разливающимися вширь, вглубь и ввысь наподобие свободного птичьего полета.

348 слов

По В.В. Вересаеву

86.

Сила жизни

Мне совершенно ясно, что не к деятелям «добра» лежит душа художника. С отсутствием «добра» Толстой еще может примириться. Но чего он абсолютно не выносит, что издавна вызывает в нем непреодолимую тоску, ничем не объяснимое отвращение, отчасти даже ужас, это — отсутствие все той же силы жизни. Ему миг становится душно, жуткая тяжесть как-то потихоньку, почти невидимо, исподволь наваливается на его душу, когда он чувствует в людях отсутствие этого трепета жизни.

Перед человеком изначально открыто так много радостей, так много счастья, а он не видит этого, не слышит поющих в душе на разные голоса оттенков мелодий жизни и понапрасну превращает душу свою в замерзший, неживой комочек.

Вот и Борис Друбецкий в «Войне и мире». Яркая, радостная жизнь настужь раскрыта перед ним. Но он как ни в чем не бывало отворачивается от нее, искусственно сдерживая все живые движения души. Холодно и расчетливо, в отысканную он пользуется ею исключительно для устройства карьеры.

Гончаров и в самых юношеских своих произведениях был непохожим на других стариком. Юноша Лермонтов не в пример людям его возраста всегда был взрослым человеком. Взрослый Пушкин до конца жизни оставался юношей. Во Льве Толстом мы имеем редкий пример, где художник все время остается ребенком, порой балованным, по временам серьезным, но всегда по-детски непосредственным и искренним. Ребенком не только в отношении своем к «добру», а и во всех характернейших особенностях ребенка: в радостной свежести чувства, в пенящемся сознании жизни, в безыскусственности отношения к жизни, в ощущении таинственной, порой сверхъестественной ее значительности, даже в самом слого. Глубоко серьезными глазами ребенка смотрит Толстой на жизнь. И, как в ребенке, в нем так же совершенно нет юмора, причем речь идет совсем не об отсутствии чувства юмора. Рисуемое им часто невероятно смешно, но чувство смешного достигается чрезвычайно своеобразным приемом: как будто чересчур внимательный, все подмечающий ребенок смотрит на явление, мало-помалу

постигая его сущность, а вслед за тем описывает его, несмотря ни на какие условности, просто так, как оно есть,— и с явления враз сваливаются эти привычные, гипнотизировавшие нас условности, и оно предстает во всей своей голой, смешной нелепице.

348 слов

По В.В. Вересаеву

87. Свобода души

О необходимости дать душе свободу одинаково говорят Достоевский и Толстой. Однако общеизвестно, к чему ведет свобода у Достоевского. Дать душе проявляться свободно — это значит выпустить на простор чудовищные, никем непобедимые хаотические силы, бешено kloкочущие в недрах души. Они во что бы то ни стало вырвутся вулканическими взрывами, сшибутся насмерть, завьются неуправляемыми вихрями и в клочья разнесут бессильную душу, дерзнувшую вызвать их из глубин. И с ужасом, с отчаянием убедится человек, что свобода, которой он так страстно, так горячо желает, недоступна для него, что «не в силах слабая человеческая душа вместить столь страшного дара».

То самое, что перед Достоевским стоит мрачной, почти неразрешимой, отчасти даже безысходной, трагической задачей, для Толстого есть светлая, радостная заповедь. И это потому, что для него душа человека — не kloкочущий вулкан, полный непрерывных, но бесполезных взрывов огня, пепла и грязи, а благодонная, плодородная целина, лишь сверху засоренная мусором жизни. Действительно из недр идущее, действительно самостоятельное хотение человека только и может заключаться в стремлении сбросить со своей души этот чуждый, неприемлемый для нее мусор.

Быть самим собою, беспрестанно разыскивать в глубине своей самого себя — в этом, по-видимому, вся жизненная задача человека. Жизнь — это нечто более трудное, может быть, иногда неподъемное, но вместе с тем более глубокое и ценное, чем думает человек. Добрые гении светлым сонмом окружают человека, и он отчетливо слышит их приглушенный шепот, призывающий к счастью и радости. Нужно вслушиваться в них, в открытую следовать им — и впоследствии жизнь мало-помалу засияет чудесным, может быть, незаметным на первый взгляд, но все-таки прекрасным светом.

Из живой, искренней, безыскусственной жизни само собою родится благо, сама собою вырастает цель. «Каждая личность, — говорит Толстой в «Войне и мире», — носит в самой себе свои цели и между тем носит их для того, чтоб служить недоступным человеку целям общим. Цели эти настолько недоступны человеку, что даже само добро, истинное добро, бывает результатом его деятельности лишь тогда, когда человек не ставит себе добро целью».

Настоящее зачастую сливается с будущим. Жизнь человечества — это не темное подземелье, из которого оно непременно выберется наверх в отдаленном будущем. Жизнь — это светлая, солнечная дорога, непременно выровненная никому не известным мастером, поднимающаяся в высь небесную, к источнику жизни, навстречу свету и целостному общению с миром.

355 слов

По В.В. Вересаеву

88.

Противоположные

Поистине трудно во всемирной литературе найти двух художников, у которых отношение к жизни было бы до такой степени противоположно, как у Толстого и у Достоевского; может быть, столь же еще противоположны друг другу Гомер и греческие трагики. Но все-таки они были отделены друг от друга веками. Гомеровский грек в негодующем недоумении пожал бы плечом, слушая непрестанные стенания трагического хора, такого безудержного в отчаянии и такого на редкость бездейственного, такого умеренного в жизненной своей философии. Для грека трагической поры Гомер был уже ничем иным, кроме как «литературой». Здесь же, на одном и том же поприще, по поразительной, почти невероятной игре случая, сошлись два сверстника с одинаковыми уровнем гениальности. И видеть рядом их, столь непохожих друг на друга, более странно, чем было бы видеть роскошную рощу пальм бок о бок с северным ледником или сверкающее сотнями тысяч лучей солнце в бездонной глубине по-ночному черного неба.

По-видимому, в высшее, до чего способна подняться наша фантазия, напрочь лишенная жизненного инстинкта и чаяния гармонии, — трагический человек. Однако если не суждено человечеству окончательно выродиться, то, безусловно, оно поймет когда-нибудь, что смысл его существования заключен не в трагическом преодолении жизни, а в радостном, непринужденном, гармоническом слиянии с нею. Основой же этой животворящей гармонии может быть только одно — та сила жизни, которая в состоянии преодолеть различные преграды и препятствия, побороть и трагедию, и безысходный пессимизм, и незаметное на первый взгляд самоотречение. Этой силой жизни, аккумулирующей необходимую для радостного, ничем не омраченного существования энергию, несокрушимо крепок был Гомер, и ее же требовал от человека прекраснейший из эллинских богов, действенный, солнечно-светлый Аполлон. Этой-то силы, преисполненной радостью и счастьем, требует от человека и Лев Толстой.

Трудно себе представить живого человека, у которого могла бы лежать душа одновременно к Достоевскому и Толстому. Всякий, конечно, тотчас же «отдаст должное» гению обоих. Но для кого дорог Толстой, для того неприемлем будет Достоевский; кому близок Достоевский, тот равнодушен

будет к Толстому. Всегда будет два враждебных стана; никогда одни не поймут других, всегда будут упрекать их в чересчур поверхностном понимании или даже в намеренном непонимании учителя. И иначе не может быть: вместить и Достоевского, и Толстого невозможно: столь полно и решительно исключают они друг друга; что враждебно для одного – то дорого для другого.

357 слов

По В.В. Вересаеву

89.

Трагизм Достоевского

Вводит нас в жизнь Достоевский – и перед нами расстилается жуткая, исподволь наводящая ужас и тоску пустота, как будто ни на минуту не знавшая животворящего света. И посередине этой темной равнины в муках недовершенности прозябают странные, опустошенные, на редкость одинокие существа, имя которым — люди. Жизнь каждого только в нем самом, все силы ушли в глубь души, на стремление согласовать и соединить то, что располагается внутри. А соединить их практически невозможно, потому что там — поистине хаотическая смесь сил, лишь механически сплетшихся друг с другом. Силы эти яростно, отчасти даже бешено борются, душат друг друга: одна поднимется, другая тотчас же ее опрокинет, вследствие чего добро отсекается злом, зло добром, любовь поедается ненавистью, ненависть – любовью. Испокон веку ничем не заменимая тоска по гармонии вмиг опрокидывается болезненно-судорожными порывами к хаосу; отвращение к жизни потихоньку подавляется издана ввевшимся в душу страхом смерти, стремление к смерти — исступленной, непреодолимой любовью к жизни. Ввиду того, что разум кажется растерянным над этой мешаниной, человек мало-помалу старается умственным, логическим путем создать хоть какое-нибудь единство, «идею» обуздать ползущие врозь силы. Лишенный непосредственного ощущения гармонии жизни и счастья, он пытается-таки собственными силами осознать жизнь, изобрести почти недостижимое, но такое желанное счастье, тем более что счастье это заслужено им. Но ничего не удается, и в беспрестанных муках душа снова и снова распадается на несоединимые, разрозненные силы. И в неотвратимой неизбежности этих мук человек находит, наконец, своеобразный выход: броситься навстречу мукам, целиком отдаться им, растерзать душу смертными противоречиями. В этом — непонятное на первый взгляд, неприемлемое для действительно свободного человека удовлетворение, грозная радость, темная, как ночь. Человеку совершенно неожиданно открываются незнакомые ранее красота и счастье страдания, он вдруг начинает любить скорбь и жаждать мучения. И через скорбь он так познает основную истину жизни — истину о высшем, трагическом призвании человека.

По В.В. Вересаеву

90. Толстой и Достоевский

Как победное знамя, высоко превозносит свою истину обезумевший от страданий герой Достоевского и в течение всей жизни с улыбкой насмешки и презрения смотрит вдаль: там видится ему что-то серенькое, пошленькое и убого-самодовольное, что издавна зовется гармонией, счастьем. Не там, по его мнению, обетованная земля человечества, не в дали, туманно-серой и беспредельно недоступной. «Царство Божие внутри нас», — думает он, стремясь еще усилить страдания, еще больше раскачать душевный хаос непрерывностью, безмерностью мук, ожидая, что темная бездна вдруг озарится ослепляющим лучом никому не ведомого света. Человек мало-помалу расторгнет цепи, сдавливающие его личность, вследствие чего в бешеном вихре опрокинется в радостно сверкающий сотнями тысяч молний хаос, принимая его за сияющий космос, за высшую гармонию. И вот совершается чудо. Мир понемногу преображается, и нет больше разъединения, нет кошмаров, нет неподвижности, крепкие цепи разлетелись вдребезги, и все живет кипуче и радостно, претворяясь в дерзкий вызов природе; все едино огромным, стихийным, божественным единством, которого не постычь знанию, замкнутому в своих гранях. Все предыдущие страдания оправданы одним этим мигом, «длящимся, как вечность».

И против Достоевского — Толстой. Светлый и ясный, как дитя, как ни в чем не бывало идет он по жизни и знать не хочет никакого трагизма. Душа накрепко сливается с радостною, никем непобедимой жизнью мира. Эта близкая, родная душа, единая жизнь повсюду: в людях, в животных, даже в растениях, даже в самой земле. Вспомним его слова: «Земля живет несомненной, незаметной на первый взгляд, но живой, теплой жизнью точь-в-точь как и все мы, взятые от земли». Не разумом, не умственным путем познает Толстой это гармонию, а проникновением другого рода, несравненно более полным и глубоким, чем проникновение разума. И в чудесном этом единении бледнеет, как-то странно теряет свою неоспоримую важность ряд вопросов, издавна мучающих душу Достоевского, — вопросов о бессмертии. Не нужно человеку для этого единения отказываться от своего «я». Только сбросив с себя свою оболочку, напроочь обезличившись, человек Достоевского способен слиться с миром, как капля, растворяясь, потихоньку сливается с гигантской водной равниной старика океана. Но зачем отречься от своего

«я» толстовскому человеку, когда это «я» так певуче, светло и радостно? Зачем обезличивать себя, когда, и оставаясь собою, человек чувствует себя частью единого?

И крепко, всей душою, всем существом своим Толстой знает, что человек исстари сотворен для счастья, что человек может и должен быть прекрасен и счастлив на земле.

372 слова

По В.В. Вересаеву

91.

О языках

Никто в точности не знает, сколько языков существует на земном шаре. Чаще всего называется цифра около трех тысяч, хотя она отчасти приблизительна. Объясняется это тем, что нередко трудно отчетливо провести границу между языками и диалектами и что существует немало явлений, неизвестных языковедам. Каждый из живых языков имеет одинаковые возможности для своего развития, функционирования и совершенствования.

Как известно, история развития человечества ввиду многих причин протекала и протекает крайне неравномерно. Одни этнические единства и сейчас находятся на уровне каменного века (такие племена по временам обнаруживаются в труднодоступных тропических зарослях, в ущельях гор или в никем не хоженных джунглях), другие вступили в наиболее развитую стадию истории человечества – построили по-настоящему цивилизованное общество.

Естественно, что на языке "первобытных" племен абсолютно невозможно полноценно выразить современную систему мышления и гигантского комплекса понятий, свойственных современной культуре.

Заметное различие в уровнях прогресса наблюдается и в истории отдельного языка. Например, на известном нам по письменным памятникам древнеанглийском языке нельзя было бы выразить современное богатство человеческой мысли, поскольку для этого в названном языке попросту не нашлось бы соответствующих средств.

На одних языках в настоящее время говорят сотни миллионов людей, на других – только сотни и даже десятки человек (первых языков всего несколько, вторых – несоизмеримо больше). Есть языки, которые являются средствами межнационального и даже международного общения, а другие в основном обслуживают только свое племя, народность или нацию, вследствие чего общественные роли языков, безусловно, неодинаковы. Так распорядился не кто иной, как сама история.

Главный и единственный критерий, который позволяет говорить о совершенстве языка, – это возможность выражать на нем всю сумму знаний, издавна накопленных человечеством. Прогресс языка поистине неразрывно связан с историей как его создателей, так и носителей.

92. Откровения писателя

Люблю именно роман как форму самовыражения. Люблю роман со множеством героев и ничем не сдерживаемым ходом событий.

Ненавижу чахленькие книжонки, посвященные ковырянию автора в интимной психологии героев, обиженных жизнью, удрученных неожиданными печальями.

Обожаю книги такие, где действия точь-в-точь как взрывы глубинных бомб!

Роман – это отнюдь не повесть, похожая на длинный рассказ. Когда пишешь роман, то словно в непроглядном мраке ночи мало-помалу пробираешься через колдовское болото, прыгая с кочки на кочку, беспрестанно боясь ошибиться, а эти кочки беспрерывно колеблются под тобою, и ты никогда точно не знаешь, где же конец этой таинственной и властной трясине.

Люблю, повторяю, именно роман, потому что каждый из них совсем как ночной бой, когда сражаешься вслепую и опасность подстерегает тебя повсюду. В таком почти сверхъестественном напряжении находишься в продолжение всего боя, до самого конца, пока не поставишь точку, словно завершающий выстрел. И, как ни старайся, все же ты еще не уверен и долго думаешь: «Кто победил? Я победил роман? Или, может быть, роман победил меня?» Бесчисленное число раз в жизни я уже ставил эти последние точки, но всегда отчаги сомневался в своей победе. С годами таких сомнений прибавляется все больше.

Считаю себя человеком поистине счастливым на том основании, что все мои мечты непременно сбываются. Но сейчас я, кажется, подошел к тому крайнему барьеру, который мне не под силу взять. Дело в том, что я серьезно заболел авиацией.

Давно представляю себя ведущим самолет в иссиня-черном небе, возле самых звезд, вследствие чего просто-таки дух захватывает от восторга и ничем не объяснимого страха. Грустно, но я и сам понимаю, что этой мечте никогда уже не суждено осуществиться.

Ну, что ж! Я остаюсь на земле, остро завидуя тем, кто сейчас пролетает надо мною. Винить в невозможности осуществления твоей мечты абсолютно некого. Время есть время, и ему надо подчиняться. Но если бы я стал пилотом, то я бы любил именно ночные полеты, когда ничто не отвлекает твоего внимания от чудесной машины и бездонного таинственного неба, где

мерцают миллиарды звезд наподобие сказочных миниатюрных фонариков, где возможны различные сюрпризы – радостные и отнюдь не приятные.

... Старт. Разбег. Взлет. Мимо качнуло ярко-желтые огни аэродрома. Подрагиванье штурвала привычно с юных лет. Впереди у меня целая ночь. Это будет самая волшебная, поистине фантастичная ночь в моей жизни. Ночь и самолет. Самолет и я. Как мало надо для счастья человеку!

375 слов

По В.Пикулю

93.

С.И. Ожегов

С.И. Ожегов был неустанным сторонником планомерной, настойчивой и непрерывной работы в области культуры русской речи. Эти взгляды он беспрестанно прививал своим ученикам и сотрудникам. К числу важнейших проблем, издавна занимавших С.И. Ожегова, принадлежат вопросы исторических границ современного литературного языка, внутренней природы книжно-литературной и разговорной речи и принципов выделения стилистических систем.

С. И. Ожегов считал, что в истории русского литературного языка со времени Пушкина и вплоть до наших дней замечается несколько этапов и что в настоящее время не кто иной, как мы с вами, являемся свидетелем нового этапа, сопровождаемого глубоким процессом становления новых норм на основе сочетания всех прогрессивных тенденций развития литературного языка с истоками народной речи.

Изучая и по-новому оценивая структуру национального русского языка, С.И.Ожегов говорил о мало помалу формирующейся обиходно-разговорной речи — важной разновидности непринужденного устного общения. «Нет противоречия, — писал он, — между обиходной устной речью широких масс города и литературными нормами общенародного языка».

В обиходной устной речи, по мысли С. И. Ожегова, в добавление ко всему заложена способность поистине безграничного внутреннего роста в зависимости от живых потребностей речевого общения. Однако отнюдь не все, что возникает в обиходной устной речи, точь-в-точь соответствует литературным нормам языка.

Ученый решительно выступил против противопоставления книжно-литературного языка разговорному языку. Следует иметь в виду, что это не различие языков, а лишь многообразие типов речи и стилей в пределах единого литературного языка, многообразие, принявшее новые формы в условиях нового общества.

«Современный национальный язык, — говорил С. И. Ожегов, — имеет две формы общения: литературно-нормированную и обиходную, литературно-ненормированную, но также входящую в состав национального общения. Лексика обиходной речи не может быть абсолютно исключена из сферы национального общения, поскольку является постоянным источником практически непрерывного пополнения речи нормализованной.

Одна из характерных черт С. И. Ожегова-исследователя — трудолюбие и скрупулезная тщательность, аккуратность в собирании и обработке научных фактов. Поражает обилие собранного им фактического языкового материала. В архиве ученого остались многочисленные картотеки, выписки, заготовки статей, черновики.

301 слово

По Л.И. Скворцову

94. Воспоминания

Судя по записям в моем дневнике, летом 1910 года я виделся с Владимиром Галактионовичем Короленко одиннадцать раз. Помнится, в один из безветренных июльских вечеров мы в течение нескольких часов бродили с ним, вдоль и поперек исходив окрестности наших дач. Стоял по-летнему теплый вечер, когда вся природа преисполнена величественным покоем и в каждом шорохе древесной листвы чудится чей-то таинственный приглушенный шепот. Такой вечер удивительно располагает к раздумьям и негромким разговорам вполголоса.

7 июля мы побывали у Репина, который долго упрасивал Короленко позировать ему для портрета, но писатель в ту пору, как он говорил, был вынужден «отклонить от себя эту честь», ссылаясь на то, что ему придется непременно уехать в ближайшие дни.

Насколько я мог заметить в это короткое время, у Владимира Галактионовича была особая манера разговаривать: всякая его беседа с другими людьми мало-помалу сводилась к сюжетному повествованию, к рассказу. Правда, он не завладевал разговором, как это свойственно многим даровитым рассказчикам. Напротив, он склонен был терпеливо и подолгу слушать рассказы других, прикладывая для этого к уху ладонь (с годами у него притупился слух), давая своим собеседникам полную волю говорить, что им вздумается, а сам лишь изредка вставлял единичные реплики. Но как только собеседники его умолкали, он тотчас же принимался рассказывать им. Вообще его разговор почти никогда не дробился на мелкие, ничего не значащие вопросы и ответы. Любимой формой речи был у него непременно рассказ, просторный, свободный, богатый образами, приключениями, ничем не заменимый.

На редкость умело изображал он всевозможных людей, причем не то чтобы перевоплощался в них, этого не было: он никогда не воспроизводил ни их физиономий, ни походок, ни жестов, ибо, не превращаясь в актера, во что бы то ни стало оставался рассказчиком, автором устных новелл. В большинстве случаев эти новеллы были невелики: исчерпывались в десять-пятнадцать минут, но каждая была, во-первых, непохожа на другие, во-вторых, настолько чудесно рассказана, что я, бывало, бегу поскорее домой, чтобы, не забыв ни одной подробности, аккуратно записать их, пока они сохранились у меня в голове со всеми своими горячими красками. Но, к

сожалению, именно красок я и не мог-таки передать: оставались какие-то бледные схемы, которые были так мало похожи на подлинники, что вследствие этого я прекратил свои записи.

352 слова

По К.И. Чуковскому

95.

Е.В. Тарле

Однажды, воротившись к Анненским вместе с детьми после далекой прогулки по близлежащим некошеным лугам, сплошь наполненным ароматами дикорастущих трав, я увидел на нашей дощатой свежевыкрашенной террасе за деревянным некрашеным столом молодого, красивого, полного, необыкновенно учтивого гостя, которого вся четверка детей приветствовала точь-в-точь как старого друга. Он встал со стула и галантно поздоровался с ними, причем каждому сказал несколько добрых слов; вслед за тем с какими-то затейливыми, чрезвычайно приятными круглыми жестами, как будто выражавшими высшую степень признательности, принял от хозяйки чашку черного обжигающего чаю и снова продолжал начатый разговор.

Это был не кто иной, как профессор Евгений Викторович Тарле, и буквально в течение получаса я был окончательно пленен и им самим, и его разговором, и его прямо-таки сверхъестественной памятью. Когда Владимир Галактионович Короленко, который издавна интересовался пугачевским восстанием, задал ему какой-то вопрос, напрямую относившийся к тем временам, Тарле, отвечая ему, как ни в чем не бывало воспроизвел наизусть и письма и указы Екатерины Второй, и отрывки из мемуаров Державина, и какие-то еще малоизвестные архивные данные.

А когда Гитлина Александровна, по образованию историк, заговорила с Тарле о Наполеоне Третьем, он настолько легко и свободно перескочил из одного столетия в другое, будто был современником обоих столетий и бурно участвовал в жизни обоих: безо всякого напряжения воспроизвел наизусть одну из антинаполеоновских речей Жюль Фавра, затем на память продекламировал в подлиннике длинейшее стихотворение Виктора Гюго, осуждающее того же злополучного императора Франции. И с такой же легкостью стал воскрешать перед нами одного за другим тогдашних министров, депутатов, актеров, фешенебельных дам, генералов; и чувствовалось, что жить одновременно в разных эпохах, где наперерыв предстают перед нами десятки тысяч всевозможных событий и лиц, хорошо известных и незнакомых нам, доставляет ему беспредельную радость.

Удивительно, но для него как будто не существовало покойников: люди былых поколений, давно уже прошедшие свой жизненный путь, снова начинали кружиться у него перед глазами, интриговали, страдали,

влюблялись, делали карьеру, суетились, воевали, шутили, завидовали — не призраки, не абстрактные представители тех или иных социальных пластов, а живые люди, такие же, как я или вы.

Я слушал его, зачарованный. И, конечно же, не только потому, что меня ошеломила его феноменальная память, но и потому, что я впервые столкнулся с таким поистине фантастическим мастерством исторической живописи.

358 слов

По К.И. Чуковскому

96. Откровенный разговор

Прислушиваясь к беседам Короленко и Тарле, я впервые увидел, каким глубоким знатоком старины был Владимир Галактионович: русский восемнадцатый век он знал во всех его мельчайших подробностях не как дилетант, а как настоящий ученый-исследователь, и в этой области его эрудиция, насколько я мог судить, была ничуть не ниже эрудиции Тарле.

Для того чтобы так подробно говорить, например, о пугачевском восстании, как говорил о нем он, нужно было поистине многолетнее изучение рукописных и печатных архивных источников. «Вот напишите-ка историю Волги за последние четыреста лет, — говорил он Евгению Викторовичу, — это и будет история русских народных движений: тут и раскольники, и Разин, и Емельян Пугачев». И было видно, что ему самому эта тема дорога, ни с чем не сравнима и досконально известна.

Как-то раз Короленко сказал напрямик, что я иду по отнюдь не верной литературной дороге, отдавая все свои силы газетным статьям-однодневкам. Что я пишу слишком звонко, отчасти задиристо, с «бубенцами и блестками». Что многие мои парадоксы производят впечатление фейерверков.

«Может быть, — продолжал он, — мой совет покажется вам тривиальным, но другого пути у вас нет: если вы хотите сделаться серьезным писателем, вы должны непременно взвалить на себя какой-нибудь длительный, сосредоточенный, вдумчивый труд, скрупулезно и аккуратно выполнить его, посвятив всего себя единой теме, которая была бы насущно необходима широчайшему кругу людей».

Говорил он не теми словами, которые я здесь привожу по памяти полвека спустя, но смысл его речи остался неизменным. Так как все, что он говорил, я давно уже чувствовал сам, я всерьез разволновался и долго не находил слов для ответа. Он же глядел на меня выжидательно, и я, доверившись ему, рассказал о своем замысле — во что бы то ни стало посвятить себя изучению Некрасова. Эта тема пришлась ему по сердцу, и его поощрительные слова распалили меня, вследствие чего мне захотелось тотчас же, не теряя ни одной минуты, бежать к себе, к своей старой чернильнице, чтобы, не дожидаясь рассвета, взяться за работу, для которой, к сожалению, у меня не было ни нужных материалов, ни навыков.

Почему-то впоследствии, встречаясь со мной, Короленко никогда не вспоминал о нашем разговоре, и я, из понятной застенчивости, так и не решился сказать ему, что этот разговор я считаю одним из важнейших событий всей своей писательской жизни.

358 слов

По К.И. Чуковскому

97. Портрет писателя

В 1912 году Владимир Галактионович Короленко жил в Петербурге, и я заходил к нему изредка. Особенно запомнилась мне встреча с ним одиннадцатого мая. Никогда я не видел его таким переутомленным, как будто напрочь истощившим все жизненные силы.

Несмотря на не проходящую в продолжение многих дней усталость, он все же нашел в себе силы позировать Репину. Репин встретил его шумно, радостно и тотчас же, в течение первых десяти минут, усадив его на поставленное невдалеке от камина невысокие креслице, нашел для него очень экспрессивную, непринужденную позу. Вслед за тем с обычной своей творческой страстью художник стал быстро изображать на холсте и его курчавые волосы, и его пронзительные, необыкновенно живые глаза. Не в застылой академической позе возникал перед нами писатель на «крупнозернистом» холсте — нет, он был весь в движении: казалось, он присел на минуту рассказать о чем-то увлекательном, но расскажет и вмиг встанет точь-в-точь как странник с сумкой через плечо, потихоньку продвигаясь навстречу неизведанному. Сейчас он присел ненадолго, и в динамическом наклоне всего корпуса, в выражении рук и лица чувствуется, что он не один, что его окружают люди, которые слушают его с живейшим сочувствием.

Добиваясь типичности, Репин отмёл, как случайные, следы утомления и озабоченности, которые были в то время на этом лице. На портрете лицо бодрое, без тени уныния.

Лишь только Репин усадил его в нужную позу, он, Короленко, сразу же стал рассказывать нам о своей жизни в Румынии, о своей поездке в Америку, о Сибири, об Анненском, о художнике Ярошенко, о Горьком, о Чехове; все мы слушали его с нескрываемым восхищением.

Репин, добившись гармонии красок, так и изобразил Короленко в позе оживленного рассказчика. С тех пор прошло уже больше полувека, но и сейчас стоит мне только взглянуть на портрет Короленко, воспроизведенный во многих изданиях, и портрет враз начинает звучать, как будто Репин вместе с человеком запечатлел на холсте его голос. Я не только отчетливо вижу Короленко, но и отчасти слышу его мягкую, южную, образную, богатую

жизненным юмором речь. Эта иллюзия настолько приближена к действительности, что, кажется, еще чуть-чуть – и портрет оживет.

332 слова

По К.И. Чуковскому

98. Максим Горький

Горького я впервые увидел в Петрограде зимою девятьсот пятнадцатого года. Спускаясь по лестнице к выходу в одном из громадных домов, я засмотрелся на играющих в вестибюле детей.

В это время в подъезд с улицы легкой и властной походкой вошел насупленный мужчина в темно-серой шапке. Лицо у него было сердитое и даже как будто злое. Длинные усы его обледенели (на улице был сильный мороз), и вследствие этого он казался еще более сердитым. В руке у него был тяжелый портфель гигантских, невиданных мною размеров.

Детей звали спать. Они расшалились, разыгрались, не шли. Человек глянул на них и сказал, не замедляя шагов: «Даже кит ночью спит!»

В эту секунду вся его угрюмость пропала точь-в-точь как по волшебству, и я увидел обжигающую симезу его глаз. Взглянув на меня, он снова насупился и мрачно зашагал по ступеням.

Позже, когда я познакомился с ним, я заметил, что у него на лице чаще всего бывают эти два выражения. Одно — хмурое, тоскливо-враждебное. В такие минуты казалось, что на этом лице невозможна улыбка, что там и нет такого материала, из которого делаются улыбки. И другое выражение, всегда внезапное, всегда неожиданное: празднично-умиленное, отчасти застенчивое. То есть та самая улыбка, которая за секунду до этого казалась немислимой.

Я долго не мог привыкнуть к этим внезапным чередованиям любви и враждебности. Помню, в 1919 или 1920 году я слушал его лекцию о Льве Толстом. Осудительно и жестко говорил он об ошибках Толстого, и чувствовалось, что он никогда не уступит Толстому ни частички своей горьковской правды. И голос у него был какой-то недобрый, глухой, и лицо тоскливо-неприятное. Но вслед за тем он заговорил о Толстом как о «звучном колоколе мира сего», и лицо его озарилось такой искренней улыбкой, какая редко встречается на человеческих лицах. А когда он дошел до упоминания о смерти Толстого, оказалось, что он не может произнести этих роковых слов: «Толстой умер», беззвучно шевелит губами и потихоньку плачет. Так безгранична, незабываема была нежность к Толстому, охватившая его в ту минуту. Слушатели — несколько сот человек — сочувственно и понимающе молчали. А он так и не выговорил этих слов, покинул кафедру и ушел. Я бросился к нему и увидел, что он стоит у окна и, теребя папиросу,

сиротливо плачет о Льве Николаевиче. Затем Горький, мало-помалу успокоившись, вернулся на кафедру и хмуро продолжал свое чтение.

Впоследствии я заметил, что внезапные приливы трогательной нежности бывают у Горького чаще всего, когда говорит он о детях, о замечательных людях и книгах.

394 слова

По К.И. Чуковскому

99. Новая книга

К нам, сочинителям книг, Горький относился с почти невероятным участием, готов был беспрестанно, подолгу сотрудничать с каждым из нас, делать за нас черную работу, отдавать нам десятки часов своего рабочего времени, и, если писание наше почему-то не клеилось, мы знали: есть у нас в стране переутомленный, тяжело больной человек, который охотно и весело поможет не только советами, но и трудом.

Я пользовался его помощью множество раз, поневоле эксплуатируя, как и другие писатели, его кровную заинтересованность в повышении качества нашей словесности.

В последний раз я обратился к нему за помощью в год его смерти и даже не удивился, когда через одиннадцать-двенадцать дней получил от него большое письмо, где он предлагает мне и советы, и помощь, и деньги. Дело шло об одной моей книге, которую я сочинил еще в двадцатых годах. Книга так и не увидела света. Это была фантастическая повесть о том, как люди научились управлять погодой. Мне мечталось, что когда-нибудь научно-технический прогресс поднимется до таких высот, что природа станет подвластна человеку, вследствие чего люди научатся предотвращать самые разные катастрофы: землетрясения разрушительной силы, мощные ураганные ветры, несущие несчастья, жуткие засухи и наводнения. Такие мечтания, безусловно, представлялись недостижимыми и даже сверхъестественными. К сожалению, повесть оказалась неудачной и отчасти неприемлемой. Я и сам осознал, что книга содержит ненужные для сказочной повести подробности, что, по-видимому, незаметные на первый взгляд шероховатости все-таки сделают свое недоброе дело и читатель, пусть даже самый маленький, во что бы то ни стало увидит недостатки. Впоследствии, по прошествии многих лет я затеял написать ее по-новому. Но как? В каком стиле? Для какого читателя? Прозой или стихами? Ввиду того, что я никак не мог окончательно определиться, я обратился-таки за советом к Алексею Максимовичу.

Он тотчас же прислал мне такое письмо, где давал дельные советы, обещал непременно помочь и искренне желал успеха.

292 слова

По К.И. Чуковскому

В то время Александр Иванович производил впечатление человека даже чересчур здорового: шея у него была мощная, грудь и спина точь-в-точь как у грузчика; коренастый, широкоплечий, он с легкостью поднимал за переднюю ножку очень тяжелое старинное кресло с резным орнаментом. Ни галстук, ни интеллигентский пиджак не шли к его мускулистой фигуре: в пиджаке он был похож на кузнеца, вырядившегося по случаю праздника. Лицо у него было широкое, нос как будто чуть-чуть перебитый, глаза узкие, спокойные, постоянно прищуренные — неутомимые и хваткие глаза, впитывавшие в себя всякую мелочь окружающей жизни.

Таким он запомнился мне в первые годы знакомства, когда я особенно часто бывал у него. В его маленькую рабочую комнату я всегда входил робко, настороже, трепеща от волнения, так как считал его одним из самых замечательных русских писателей, поднявшимся в своем бессмертном «Поединке» и в нескольких других произведениях до тех высот мастерства, изобразительной мощи и светлого гуманизма, какие доступны лишь великим талантам. Однако вся моя робость тотчас же исчезала, едва только я входил к нему в комнату.

Ему до такой степени была ненавистна всякая мысль о литературной иерархии, у него было столько живых интересов, никак не связанных с писательским цехом, что при каждом свидании с ним мне странным образом начинало казаться, как будто мой любимый писатель Куприн, только что завоевавший себе всероссийскую славу, не имеет ничего общего с тем Александром Ивановичем, который сидит у себя в гостиной в ситцевой рубашке с шелковым поясом, потихоньку мурлычет какую-то солдатскую песню и беспрестанно возится со своим затейливым «деревянным альбомом», стараясь во что бы то ни стало стереть с него гигантскую чернильную кляксу. Этот Александр Иванович стоит как-то в стороне от своей славы, от всех своих книг, и я, начинающий автор, чувствую себя с ним на редкость легко. А он непременно придвигает ко мне свой «деревянный альбом» с просьбой написать там что-нибудь. Этим альбомом у него называется простой березовый некрашенный стол, на доске которого многие литераторы, знаменитые и мне незнакомые, оставили по нескольку строк: экспромты, остроты, афоризмы, стихи.

Кто из нас ни приходил к Куприну, каждого он непременно просил написать на столе «что вздумается», а, когда весь стол был заполнен автографами, он как-то вечером взвалил его на свою крепкую спину и пронес через весь Петербург к своему дому, расположенному невдалеке от церквушки с золочеными куполами.

369 слов

По К.И. Чуковскому